

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2023. Т. 45, № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 6

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 6

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Казакова М. В., Баландин Д. Ю.</i> Билингвальное творчество Николая Абрамова: особенности авторского перевода	65
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Камитова А. В.</i> Стихотворения В. Ф. Одоевского и Л. Н. Модзалевского в удмуртских учебниках второй половины XIX – начала XX века	72
<i>Карпенко Л. Б.</i> Евангельское начало славянской письменной традиции	8		
<i>Костючук Л. Я.</i> Реализация идеи Б. А. Ларина о разговорно-обиходном русском языке в прошлом и настоящем	16	ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
<i>Чекина А. А.</i> Структурно-семантические особенности одной обрядово-этикетной формулы народной речи в ситуации ткачества	23	<i>Щукина У. О.</i> Свадебный обряд на Верхней Уфтюге в начале XX века	79
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА		ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ	
<i>Тисленкова И. А.</i> Акцентированность в структуре коммуникативной демонстративности	29	<i>Алпатов В. М.</i> Школы русского языкознания: сходства и различия	94
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН		<i>Мольков Г. А.</i> Морские термины в неизданных сочинениях адмирала С. И. Мордвинова середины XVIII века	101
<i>Братчикова Н. С.</i> Комедия Ю. Хейлалы «Собрание булочников»: стратегия доместикации в переводе драматургического текста	35	<i>Петрова З. Ю., Фатеева Н. А.</i> Образный потенциал слова <i>язык</i> в русской поэзии: конструкции персонификации.	108
<i>Архипова И. В.</i> Немецкие аффиксальные девербативы и их таксисные функции	45	<i>Рожкова А. В.</i> Структура, сюжетно-композиционные и риторические функции вопросительных и восклицательных предложений в сказках И. И. Дмитриева	115
<i>Галуллина О. Р.</i> Прагмалингвистические аспекты негативной оценки в англоязычной сетевой кинорецензии	51	Научная информация	
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		<i>Патроева Н. В.</i> Третьи Фортунатовские чтения в Карелии: итоги работы международной научной конференции	122
<i>Арзамазов А. А.</i> Этнопоэтический мир Зои Дудиной	58	Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 29.09.2023. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 40 экз.). Изд. № 101

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор
Государственный университет
просвещения
О. В. Никитин

Oleg V. Nikitin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor
State University of Education

**УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Очередной филологический номер продолжает серию публикаций об актуальных проблемах современного и исторического языкознания, теоретической и прикладной лингвистики, изучения языков и художественных текстов народов зарубежных стран. Рассматриваются также пограничные темы, связанные с этнопоэтикой, лингвофольклористикой, исследованием традиционной культуры, лингводидактикой.

Интересный ракурс анализа евангельского начала в славянской письменной традиции представлен в статье Л. Б. Карпенко. Автор применил лингвосемиотический подход к изучению письменной системы в контексте кирилло-мефодиевского наследия. В работе Л. Я. Костючук сделан обзор идей крупнейшего филолога XX века профессора Б. А. Ларина, обратившего внимание на необходимость исследования обиходно-разговорного языка Московской Руси. Статья А. А. Чекиной анализирует обрядово-этикетную формулу народной речи (благопожелание), воспроизводимую в ситуации ткачества (*Сиденье вашему!*).

Смежные проблемы типологического и сопоставительного языкознания рассмотрены в статьях И. А. Тисленковой, Н. С. Братчиковой, И. В. Архиповой, О. Р. Галиуллиной с точки зрения лингвопрагматики.

Изучение марийской поэзии (А. А. Арзамазов), переводных вариантов стихотворений В. Ф. Одоевского и Л. Н. Модзалевского как материала для национальных учебников (А. В. Камитова), билингвального творчества вепского поэта Н. Абрамова (М. В. Казакова, Д. Ю. Баландин) продемонстрировало возможности трансляции этнокультурной идентичности. Большой интерес для исследователей представляет публикация текста свадебного обряда в селе Верхняя Уфтюга 1920-х годов с элементами локального фольклора (У. О. Щукина).

Раздел «Третьи Фортунатовские чтения в Карелии» открыла статья В. М. Алпатова о классических школах российского языкознания. Г. А. Мольков впервые исследовал морские термины в неизданных сочинениях адмирала С. И. Мордвинова XVIII века. З. Ю. Петрова и Н. А. Фатеева выявили образный потенциал слова *язык* в русской поэзии на материале контекстов со значением олицетворения. Языковые и стилистические особенности сказок И. И. Дмитриева проанализированы в статье А. В. Рожковой.

Завершается номер хроникальной заметкой Н. В. Патроевой о международной научной конференции «Третьи Фортунатовские чтения в Карелии».

ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА КАРПЕНКО

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации факультета филологии и журналистики социально-гуманитарного института Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
профессор, заведующий кафедрой классического и зарубежного языкознания
Самарская православная семинария
(Самара, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8432-1164; liudmila.karpenko.53@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

А н н о т а ц и я . Осуществлен лингвосомиотический анализ содержательной основы первой славянской письменной системы в контексте кирилло-мефодиевского наследия и важнейшего вероисповедального текста христианства – Символа веры. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью начального звена письменной традиции славян. Проблема заключается в выяснении содержательной связи начальной славянской письменной системы с евангельским христологическим комплексом. Цель исследования – показать значение вероисповедального комплекса *правой веры* для деятельности создателей славянской письменности святых Кирилла и Мефодия и отражение в первой славянской азбуке евангельского смыслового комплекса о Христе. Методы: текстологический анализ кирилло-мефодиевского наследия, семиотический анализ глаголической системы, культурологический анализ исторического контекста. Материалом служат тексты кирилло-мефодиевского канона и семиотическая система глаголицы. Показано значение содержательного комплекса правой веры, отраженного в текстах кирилло-мефодиевского наследия; выделены его доминантные смыслы, связанные с прославлением Святой Троицы и утверждением догматов о Христе; обоснована христологическая содержательная основа глаголицы, ее соотнесенность с евангельскими христологическими догматами Символа веры. Связь азбуки с Символом веры отражают матричные знаки, фокусирующие мессианскую идею. Сделан вывод о том, что и миссионерская деятельность солунских братьев, и создание славянской письменности были подчинены их богословской проповеднической деятельности, направленной на утверждение комплекса правой веры, закрепленного Никео-Цареградским Символом веры. Значение исследования состоит в утверждении евангельского начала славянской письменной традиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а : славянская письменная традиция, евангельское начало, кирилло-мефодиевское наследие, комплекс правой веры, Символ веры, глаголица

Д л я ц и т и р о в а н и я : Карпенко Л. Б. Евангельское начало славянской письменной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.934

ВВЕДЕНИЕ

Преимущественно, от древнерусской литературы, отражающей опыт духовного обретения начального этапа христианизации Руси, – творений митрополита Илариона, Поучения Владимира Мономаха, Слова о полку Игореве, Слова и поучения митрополита Кирилла II – до «святой прозы» В. А. Жуковского, великого наследия XIX века и рубежа XIX–XX веков русская словесность в своих основных произведениях христоцентрична, она есть словесность евангельского текста. В этом законо-

мерном пути русской словесности отражается ее следование славянской письменной традиции, получившей распространение сначала в Великой Моравии и Болгарии, а с XI века развернувшейся на землях Древней Руси и служившей с этого времени оформлением религиозной и духовной жизни восточных славян.

Формирование славянской письменной традиции определялось тем, что ее истоком было многогранное творчество уникальной пассионарной личности, богослова и талантливого филолога – святого равноапостольного Кирилла, а также дея-

тельность его сподвижников – брата, святого Мефодия, и плеяды талантливых учеников. Русская культура «сохраняла и развивала, преумножая, драгоценное духовное наследие христианства, впервые открывшееся благодаря подвигу Константина Философа и его брата» [10: 220–221].

Традиция есть форма воспроизведения и сохранения социального опыта и культурного наследия народа. В зависимости от семиотического языка оформления традиции может быть разным: изобразительным, музыкальным, устным словесным или письменным. Развитая письменная традиция славянства является сравнительно молодой, славянское письмо было создано св. Кириллом в 60-е годы IX века. К этому времени человечеством был накоплен значительный опыт развития письма: около пяти тысячелетий существовали шумерское письмо, китайское, египетское, более полутора тысячелетий – финикийское, несколько меньше – древнеарамейское, увековечившее Ветхий Завет, в VI веке сложилось арабское письмо. Весь этот длительный период времени для славян был доисторическим. Но в таком эволюционном ракурсе было и свое преимущество: славянская письменная традиция началась вместе с приходом евангельского слова, она стала оформлением христианской культуры. Эта констатация не всегда была возможна в отечественной палеославистике. В советский период существенные противоречия между советской идеологией и православием привели к отказу от признания роли Церкви в распространении письменности у восточных славян. Цель статьи – показать евангельское начало славянской письменной традиции, отражение в первой славянской азбуке евангельского смыслового комплекса о Христе.

СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЛАГОЛИЦЫ

В истории славянской письменной традиции есть много интересных фактов: создание св. Кириллом глаголицы; транслитерация его учениками глаголических текстов на кириллицу; реформа Яна Гуса в Чехии – приспособление латинского алфавита к славянской речи путем диакритизации; реформа кириллицы, связанная с деятельностью Петра I; разработка в Сербии Вуком Караджичем вуковицы. География славянской письменной традиции не менее масштабна: Византия, где, согласно Паннонским легендам, была создана первая славянская азбука, Моравия, Болгария, Сербия, Русь. В XIX веке в России и в XX веке на территории СССР кириллица получила распространение среди ранее бесписьменных народов, она охватывает сегодня пятую часть земного шара. Таким образом, славянскую

письменную традицию нужно признать существенным вкладом в развитие мирового письма.

Важным является вопрос об онтологических основаниях славянской письменности – комплексе ценностных смыслов, заключенных в начальной письменной системе. Прибегая к метафорическим образам, можно сказать, что глаголица, созданная св. Кириллом, есть общий исток славянской книжной традиции, а кириллица, составленная в IX веке в Болгарии и получившая распространение у православных южных и восточных славян, – это основное русло, в пределах которого письменная традиция развивалась, это историческое лоно нашей культуры. Преимущественно связанные славянские азбуки – глаголица и кириллица – служат полюсом сосредоточения христианских ценностей, но носителем христианского символизма является прежде всего глаголица, она имеет значение ценностной символической системы, заключающей начальный образ мира в древнеславянской книжности. Расшифровка глаголического кода в контексте Евангелия заставляет по-новому посмотреть на древнейший пласт славянской письменности.

Создание глаголицы славянским первоучителем святым Кириллом было, безусловно, актом проявления творчества. Парадокс состоит в том, что долгое время оставалась нераскрытой символическая природа глаголицы. Причина этого кроется в том, что на протяжении двух столетий азбука рассматривалась с позиций формального палеографического подхода, при котором начертания букв интерпретировались как знаки, производные от других алфавитов, или с узко лингвистических позиций исключительно как фонографическая система¹ [7: 91–93]. При этом в стороне оказывались вопросы содержательной основы азбуки, ее связи с теми целеполаганиями, которые определяли просветительскую деятельность святых Кирилла и Мефодия, – служение Византийской Церкви, противостояние ересям, утверждение правой веры среди славян. Недостаточно уделялось внимание содержательной связи азбуки с евангельским и шире – библейским – текстом, эстетическим принципам раннехристианской традиции, конструктивным элементам букв, их знаковой мотивированности. Вследствие этого формальные сопоставления глаголицы с алфавитами других языков не привели к обнаружению ее прототипа, а первые попытки объяснения начертаний не дали ключа к их разгадке².

Раскрытие символического христологического кода глаголицы стало возможным в результате применения семиотического подхода [3]. Мы искали отражение в азбуке – в ее начертаниях и именах – содержательного комплекса,

которому служил св. Кирилл, ведь использование возможностей пространственно-визуального выражения содержания наметилось намного раньше, чем оформилась семиотика как научное знание. Такой опыт в Средневековье был главным образом связан с поиском средств выражения сакральных смыслов на почве религиозно-философских исканий. Оценка эффекта целостного кодирования смысла визуальными символами присутствует уже в культуре поздней античности у основателя неоплатонизма Плотина – родоначальника учения о неизъяснимости трансцендентного Единого. Показательны его рассуждения о преимуществах иероглифических знаков по сравнению с алфавитным письмом:

«...каждое такое изображение является наукой и мудростью, и именно – в своей субстратной цельности, не в качестве дискурсивного мышления или убеждения» [8: 453].

В разработанном позднее византийскими религиозными философами символическом богословии визуальным символам и знакам придается роль основных средств метафорического выражения Божественной истины, которым отдается предпочтение перед словесными средствами. В учении Дионисия Ареопагита символ предстает в качестве универсальной категории: с одной стороны, символ служит для обозначения и тем самым для выявления непостижимого, с другой – является покровом, оболочкой, скрывающей неизреченное. Знание, скрытое в символах и знаках, постигается через заключенную в них гармонию и красоту [1: 2].

Рассмотрение глаголицы в историческом контексте создаваемой славянской письменной традиции, в контексте Библии и раннехристианской эстетики, в ракурсе выявления семиотической специфики букв и всей азбуки в целом приводит к заключению, что знаки глаголицы, помимо фонографических свойств, обладают свойствами идеографии, наделены символической функцией кодирования евангельского христологического содержания. Глаголица в целом раскрыта как семиотическая система, образующая единый, совокупный христианский метасимвол – круг из трех окружностей с вписанным крестом. Заключающий в символической форме многоаспектное содержание глаголический «вселенский круг» образуется *закономерно* из 38 букв – именно из того их количества, на которое как на состав первой славянской азбуки указывает сочинение древнеболгарского книжника Черноризца Храбра и ряд других источников. Исследование оснований знакообразования глаголических начертаний продолжено нами далее в контексте отраженного в кирилло-мефодиевском каноне комплекса правой веры.

ТЕМА ПРАВОЙ ВЕРЫ В КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОМ НАСЛЕДИИ

Богословские взгляды св. Кирилла и их влияние на его жизнь были темой ряда исследований на протяжении XIX и XX веков [12], рассматривались они и нами [6: 50–56]. Прямыми источниками кирилло-мефодиевского корпуса являются не только тексты, атрибутируемые св. Кириллу (Проглас, Написание о правой вере – переведенное св. Кириллом с греческого языка сочинение патриарха Никифора; Херсонская легенда; Гимн на обретение мощей св. Климента и др.), но и агиографические тексты, в первую очередь Пространное житие Константина-Кирилла Философа (далее – ЖК) и Пространное житие Мефодия как подлинные свидетельства [10: 103], основной, наиболее цельный и содержательный источник для исследования деятельности солунских братьев [13: 6]. Гносеологическая ценность житий для изучения позиции святых Кирилла и Мефодия в вопросах веры определяется тем, что в их основе, как полагают исследователи, были и подлинные тексты, сочиненные Философом [11: 111]. Значительная часть ЖК представляет собой сборник выдержек из высказываний св. Кирилла на богословские темы, изложение четырех диспутов, в которых он участвовал по вопросам веры: с иконоборцем Аннием патриархом (глава V), арабами-мусульманами (глава VI), хазарами и иудеями (главы IX–XI) и еретиками-триязычниками (глава XVI).

Изучение прямых и косвенных источников, отражающих жизнь и творчество св. Кирилла, позволяет определить философские школы и конкретные имена, которые оказали влияние на формирование мировоззрения славянского первоучителя. Основой духовных взглядов св. Кирилла послужили сочинения Отцов Церкви, и прежде всего сочинения представителей каппадокийского кружка, сложившегося во второй половине IV века и получившего название от наименования малоазийской земли Каппадокии. Его главными представителями были св. Василий Великий (330–379), св. Григорий Нисский (ок. 331–394) и особо почитаемый св. Кириллом богослов и мыслитель раннего христианства – св. Григорий Богослов (329–390). Из текста ЖК следует, что он самостоятельно учился по сочинениям Отцов Восточной церкви, в вопросах веры следовал св. Григорию Богослову, автору классического изложения учения о Троице и воплощении Бога, поклонялся ему и называл своим учителем. Одним из современников св. Кирилла, его учителем и наставником в Магнаврской школе при дворе императора Михаила III (842–867) был Фотий, выдающийся византийский писатель и богослов, в дальнейшем дважды занимавший патриарший

престол в Константинополе (858–867 и 877–886), отстаивавший учение Святой Троицы. Таким образом, славянский первоучитель в агиографических источниках предстает как последователь церковных деятелей Византии, обосновавших и защищавших основы веры, которая в кирилло-мефодиевских текстах называется правой верой.

В результате текстологического анализа выявлено, что во всех основных сочинениях, которые относят к литературному творчеству св. Кирилла, отражена тема правой веры [5]. Так, в Написании о правой вере данный смысловый комплекс выражен уже в заглавии: *Написание о правѣи вѣрѣ изоуценое константиномъ блаженнѣмъ философомъ...* Содержательно в Написании актуализирована идея опровержения ересей, в том числе ереси арианства; доминирует мысль о том, что любая ересь есть ересь триадологическая и христологическая, – мысль, которая согласуется с богословской позицией св. Кирилла, отраженной в других источниках. Христологическая часть Написания о правой вере содержит изложение догмата о рожденности Бога Сына, а заключительная часть указывает источник вероучительных утверждений – постановления Никейского собора и последующих Вселенских соборов. В Каноне на обретение мощей Климента Римского, исследованном и опубликованном Е. М. Верещагиным по Минее, относимой к XII–XIII векам, тоже доминирует тема прославляемой Троицы [2: 133, 145].

Тема правой веры оказывается сквозной и в Пространном житии Константина-Кирилла Философа. Она выражена в изложении содержания всех трех миссионерских поездок, в двух молитвах, сочиненных Философом и использованных автором ЖК. Изложением догматов правой веры и утверждения причастности ей св. Мефодия начинается и Пространное житие Мефодия. Христологическая тема явно выражена в Прогласе к Евангелию. Защитниками правой веры равноапостольные святые Кирилл и Мефодий называются и в Похвальном слове, написанном на память святых предположительно Климентом Охридским. Последовательность текстовых репрезентаций данного комплекса, их содержательная общность, структурная и лексическая соотносительность позволяют говорить о концептуализации идеи правой веры в прямых источниках кирилло-мефодиевского корпуса и в текстах, посвященных Кириллу и Мефодию.

ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ НИКЕЙСКОГО СИМВОЛА ВЕРЫ В МИССИОНЕРСКОМ СЛУЖЕНИИ СВ. КИРИЛЛА

Никейский символ веры, принятый Первым вселенским собором в 325 г. н. э. в Никее, утверждал догматы Православия о Святой Троице и Хри-

сте, Боге Сыне, рожденном и единосущном Отцу, сошедшем с небес, и воплотившемся, и восшедшем на небеса, и грядущем со славой. Догматами Никейского символа веры было свергнуто еретическое направление сторонников Ария в христианстве, которые не признавали рождения Бога Сына и утверждали Его тварность. Главное их утверждение: «Сын Божий – произведение и тварь»³. Истины о едиnorodном и первородном Сыне Божиим Отцом Церкви относят к неизреченным тайнам, скрытым под словами, которые разъясняет св. Иоанн Дамаскин: «Πρωτότοκος δὲ ἐν πολλοῖς ἀδελφοῖς» μονογενῆς γὰρ ὢν καὶ ἐκ μητρὸς, ἐλειδίητερ μετέσχηκεν αἵματος καὶ σαρκὸς παραλησιῶς ἡμῖν καὶ ἄνθρωπος γέγονε»⁴.

Среди защитников Никейского символа веры был прославляемый Константином-Кириллом св. Григорий, выдающийся богослов и философ раннего христианства, один из Каппадокийских отцов. За классическое изложение учения о Троице и мистерии воплощения троичного божества Восточная Церковь присвоила ему титул «Богослов». Как пишет Э. Даунтон-Фир, наследие св. Григория настолько ценилось Византийской Церковью, что его произведения цитируются в ее литературе чаще, чем любой другой христианский источник, кроме Библии [15: 72]. По вопросу о человеческой рожденности Бога Сына логика св. Григория в противостоянии последователям Ария была выражена безупречно. В речи о Боге Сыне св. Григорий Богослов так опровергал ариан, считавших, что Бог Сын сотворен: «Πῶς Θεός, εἰ κτίσμα; Οὐ γὰρ Θεὸς τὸ κτισόμενον»⁵ – «Как может Он быть Богом, если Он сотворен? Ибо сотворенное не есть Бог». Служение св. Григория Богослова в Константинополе обеспечило победу никейского христианства в Византии, но арианство окончательно не исчезло. Во второй половине IX века, в эпоху жизни и деятельности солунских братьев, борьба с ересями, и среди них с арианством и изменениями в Символе веры, возобновилась вновь, и это стало одной из главных причин для защиты учения о Троице.

Активным защитником Тринитарного богословия и Никейского символа веры был и патриарх Фотий. Это обстоятельство для нашей темы весьма важно. Как известно, среди византийских источников не находится текстов, непосредственно посвященных деятельности святых Кирилла и Мефодия. Хенрик Бирнбаум даже пишет

«о полном молчании о Великоморавской миссии Константина-Кирилла и Мефодия (а также об их миссии в Хазарию) во всех византийских источниках – особенно удивительно ввиду тесных личных отношений братьев с патриархом Фотием» [14: 7]

и не находит этому объяснения. Тем большую ценность представляют тексты патриарха Фотия,

воспроизводящие тот же комплекс религиозных взглядов, который запечатлен в кирилло-мефодиевском каноне, среди них Послание Патриарха Фотия болгарскому князю Борису-Михаилу [9]. Послание Фотия содержит догматическое изложение Православия, в том числе и вероучение, которое патриарх Фотий называет учением о чистой и непорочной вере. Патриарх Фотий разъясняет Никейский символ веры и догматы о Христе, Единородном Сыне Божиим, рожденном, а не сотворенном, единосущном Отцу, шедшем с небес, вочеловечившемся и восшедшем снова на небеса. Учение, заключенное в этих положениях, Фотий называет правой верой. Текст славянского перевода Послания Патриарха Фотия болгарскому князю Борису-Михаилу, написанного в те же годы, когда проходила Великоморавская миссия Кирилла и Мефодия, показывает актуальность борьбы Византийской церкви за сохранение чистоты догматов Никейского символа веры.

Как следует из анализа кирилло-мефодиевского канона, св. Кирилл занимал активную позицию в защите тринитарного богословия, положений Никейского символа веры и закрепленного в нем смыслового комплекса о Христе [4]. Пространное житие Константина-Кирилла Философа включает фрагменты прений, указывающие, что св. Кириллу приходилось обсуждать с иноверцами догматы Никейского Символа веры. В ходе первой миссионерской поездки в Арабский Халифат св. Кирилл защищает учение о Троице и один из важнейших догматов о рожденности Христа. Основной темой прений с иудеями в Хазарии была также тема Троицы. В этом фрагменте Жития показана еще более подробная аргументация св. Кирилла в вопросе о рожденности Христа. На вопрос иудеев о том, «как может вместить бога в утробу свою женщина»⁶, Философ отвечает, ссылаясь на Аквилу, переводчика еврейской Библии, создавшего в первой трети II в. н. э. новый греческий перевод Ветхого Завета, который передавал еврейский текст буквально и поэтому пользовался особой популярностью в среде ортодоксального иудаизма. Перевод Аквилы передает обращение Моисея к Господу с просьбой вселиться в человеческую утробу (Исх. 34:9). В Септуагинте и последующих переводах с Септуагинты соответствующий фрагмент не содержит мотива о боговоплощении, а лишь призыв к Богу идти с народом израилевым. По ЖК, св. Кирилл, чтобы убедить иудеев, процитировал фрагмент текста Аквилы, в переводе звучащий «В громе камней и звуке труб не являйся нам больше, милостивый боже, но вселись в утробу нашу, сняв с нас наши грехи»⁷. Он намеренно обратился к переводу Аквилы, в котором явно выражена тема жела-

емого иудеями боговоплощения, и использовал его в защите христианского догмата о воплощении и человеческом рождении Бога Сына. Эта тема развивается и в X главе, где сказано об исполнении пророчеств о Христе и дана отсылка к пророчеству Исаии о рождении Его от девы.

В литературе фрагмент диспута на тему, может ли женская утроба вместить Бога, не рассматривался в контексте вероучительных интересов Константина Философа. Соответствующее место спора с иудеями воспринято как пример диалектической находчивости Константина Философа [10: 31]. Однако такая трактовка не раскрывает всей содержательности фрагмента, в этой части интерпретация Жития еще не имеет исчерпывающей полноты. Этот фрагмент перевода, значимый для понимания текста ЖК, представляет несомненную ценность и для текстологических исследований самой Библии, поскольку весь перевод Аквилы не сохранился. Считаем, что он включен в текст ЖК вовсе не только как художественный прием обрисовки находчивости славянского первоучителя. Он является свидетельством того понимания догматов Символа веры, которое было актуальным в эпоху, когда жил Константин Философ, и что православное учение о Троице и антиарианский догмат о рожденности Бога Сына были осмыслены св. Кириллом и разъяснялись носителям иных религий еще до миссии в моравские земли. Не приходится сомневаться поэтому и в том, что в ходе Великоморавской миссии перед ним вместе с необходимостью организации богослужения на славянском языке стояла и задача разъяснения сложных вероучительных догматов православия теперь уже славянскому народу.

ОТРАЖЕНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ХРИСТОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В ГЛАГОЛИЦЕ

Как показано в ряде предшествующих публикаций автора, учение о правой вере было выражено на славянском языке не только в переведенном Евангелии и других богослужбных текстах, но и в коде созданной св. Кириллом азбуки глаголицы. Знаки с явной христорологической символикой были определены как средства визуального обозначения христорологического религиозно-философского смысла, очевидно, еще на этапе предыдущей миссионерской деятельности. К такому мы относим знаки Иже (на круге) и Слово, визуально передающие мессианство – нисхождение и восхождение; Ерь, по форме совпадающий с человеческим эмбрионом, – символ человеческой *рожденности* Христа; Хль, солнцеобразный знак с четырьмя отходящими спиралевидными лучами, – символ энергичной природы и движе-

ния. Эти четыре знака как бы скрепляют структуру глаголицы в символическую матрицу. Азбучный матричный принцип кодирования заключается в том, что символизация христологического содержания распределяется в структуре азбуки на заданное количество строк – три первых знака завершают три десятизнаковых ряда. Хль, сохранившийся только в отдельных текстах (Ассеманиевом евангелии, Синайской псалтыри и Мюнхенском абецедарии), занимал тридцать третье место в глаголице.

Каждое из этих начертаний наделено целостной условно-образной семантикой. Значимо не только использование христианских символов (в трактовке Г. Чернохостова⁸), обозначающих Бога и Троицу, но еще и определенная их конфигурация. Вместе два знака Иже (на круге) и Слово представляют собой графический символ Нисходящего и Восходящего, а своими фонетическими значениями они указывают на Иисуса и представляют собой Его имя в подтитловом написании, как оно и оформляется в старших глаголических памятниках, например в Ассеманиевом ев., Зографском ев., Мариинском ев. Основной для символизации служит содержательный контекст Евангелия от Иоанна, в котором последовательно развивается идея о нисхождении и восхождении Спасителя. Буква Ерѣ, завершающая третий ряд азбучной матрицы, имеет не менее символическое содержание. В предлагаемом здесь контексте этимология этого имени правдоподобно выглядит в сопоставлении с греч. ἱερός ‘божественный, священный’⁹. Ерѣ, совпадающий по форме с человеческим зародышем, есть символ плода во чреве, плода в утробе, о котором говорится в Библии как о благословенном даре Бога: «...благословит плод чрева» (Вт. 7:13); «...и благословен плод чрева Твоего!» (Лк. 1:42); «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева» (Пс. 126:3). Ерѣ в синтагме глаголической матрицы является знаком естественного, «человеческого» рождения Христа. Отражение этого содержания в матрице миссионерской азбуки не только вполне закономерно, но и весьма значимо. В этом азбучном решении проступает преданность св. Кирилла догматам правой веры. Еще свежи были отголоски дискуссии о свойствах трех ипостасей Троицы и о первородстве Сына. Нерождаемость Отца, рождаемость Сына и исхождение Духа от Бога Отца были определены константинопольским православным священством как важнейшие свойства Троицы. Самим св. Кириллом они обозначены в первых строках Написания о правой вере: «...отчею оубо есть нерождение... сновнее же есть рождение. духа же исхождение». В четвертом ряду алфавита особое значение для понима-

ния идеи матричной организации алфавита получает буква, которую Черноризец Храбр назвал Хль. На основании Мюнхенского абецедария и Азбучной молитвы Хль определяется как тридцать третий знак глаголического алфавита. Четыре спиралевидных луча, отходящих от круга, сближают знак с солнечно-световым, энергичным образом. Символическое содержание знака Хль выявляется в результате структурно-семантического анализа контекстов, в которых он зафиксирован в древнеболгарских рукописях Ассеманиева евангелия и Синайской псалтыри (в соотнесении с Болонской псалтырью). В ткани христианского вероучения аллегорический образ холма – один из символов Христа¹⁰.

Итак, основная идея христианского вероучения выражена в глаголической матрице, в последовательности 10-го, 20-го, 30-го и 33-го знаков, троекратно на разных кодовых азбучных уровнях: на фонетическом, на уровне имен букв, а также на графическом уровне. Мысль о Спасителе запечатлена в графических символах, совершенных по красоте и выразительности. Последовательность четырех глаголических знаков образует символический текст, своеобразную эмблему, заключающую в себе доктрину Православия, «азбучный Символ веры». При соотнесении с Никейским Символом веры отмечаем соответствие содержания матрицы глаголицы смысловому комплексу о нисходящем, восходящем, рожденном и грядущем со славой, относящемуся к Сыну в Никейском Символе веры:

«πιστεύω εἰς ἕνα θεόν... καὶ εἰς ἕνα κύριον Ἰησοῦν χριστόν... γεννηθέντα... κατελθόντα ἐκ τῶν οὐρανῶν καὶ σαρκωθέντα... καὶ ἐνανθρωπήσαντα... καὶ ἀνελθόντα εἰς τοὺς οὐρανοὺς... καὶ πάλιν ἐρχόμενον μετὰ δόξης...».

Связь славянской азбуки с Евангелием и Никейским Символом веры комплексна: она отражена в символическом содержании имен букв, их начертаний и фонетических значений. Совпадение смысла матрицы глаголицы и догматов о Христе, утвержденных Символом веры, естественно и закономерно. Первая славянская азбука концептуально и визуально закрепила важнейшие смыслы христианского вероучения, заключенные в текстах Нового Завета – божественность Спасителя, нисшедшего, рожденного и претерпевшего воплощение и вознесение.

ВЫВОДЫ

Анализ наследия св. Кирилла показывает, что общей, сквозной темой в нем является тема правой веры, служения ей и ее утверждение. Главные положения учения о правой вере связаны с христологическими смыслами о Боге Сыне, рожденном, а не сотворенном, сошедшем с небес, и вочеловечившемся, и вновь восшедшем на небе-

са. В кирилло-мефодиевском наследии эти евангельские смыслы находят выражение на всех языковых уровнях: содержательном (в комплексе отстаиваемых идей), дискурсивном (в текстах кирилло-мефодиевского канона), лексическом (в последовательном обозначении концепта правой веры) и на кодовом уровне азбуки глаголицы. Корреляция между евангельским текстом, Символом веры, житиями святых и символическим

кодом первой славянской азбуки служит важнейшим семиотическим основанием реконструкции и доказательством атрибуции глаголицы св. Кириллу. Таким образом, христоцентризм характеризует и все текстовое кирилло-мефодиевское наследие, и начальную письменную систему, созданную св. Кириллом. Эта ориентации на высший символ православной традиции продолжилась в русской словесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. СПб., 1911. С. 51–257.
- ² Илчев П. Глаголица. Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. София, 1985. С. 491–509.
- ³ Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V веков. СПб., 1879. С. 12.
- ⁴ Δαμασκηνός Ι. Ἐκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως [Damaskinos I. Ἐκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως] // Migne J.-P. Patrologia Cursus Completus. Series Graeca. T. 94. Paris, 1864. P. 1115.
- ⁵ Γρηγόριος ο Θεολόγος Λόγος ΚΘ'. Θεολογικὸς τῆς πίστεως, περὶ Υἱοῦ [Grigorios o Theologos Logos KTh'. Theologikos tritos, peri Yiou] // Migne J.-P. Patrologia Cursus Completus. Series Graeca. T. 36. Paris, 1858. P. 77.
- ⁶ Пространное житие Кирилла // Жития Кирилла и Мефодия. М.: Книга; София: Наука и искусство, 1986. С. 108.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Кипарский В. Р. О происхождении глаголицы // Климент Охридски: Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968. С. 91–97.
- ⁹ Синайский И. Греческо-русский словарь. Ч. 2. М., 1879. С. 460.
- ¹⁰ Карпенко Л. Б. 33 буква глаголицы: солнцобразный символ сакрального языка Христианства // Волшебная гора. 1997. № 6. С. 268–272.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков В. В. Corpus areopagiticum как один из философско-эстетических источников восточно-христианского искусства / II Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977. 12 с.
2. В е р е щ а г и н Е. М. Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстологические разыскания. М., 2001. 608 с.
3. Карпенко Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 16–39.
4. Карпенко Л. Б. Смысловой комплекс о Христе Никейского Символа веры в азбуке св. Кирилла // Миссионерский, филологический и культурный вклад святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в просвещение славянских народов, его значение в контексте дальнейшего углубления связей Греции и России: Междунар. науч. русско-греческая конф. под эгидой Вселенского патриархата. Ираклион, 4–7 ноября 2016. Ираклион, 2016. С. 14–17.
5. Карпенко Л. Б. Концептуализация доктрины правой веры в наследии святых Кирилла и Мефодия // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М., 2019. С. 553–563.
6. Карпенко Л. Б. Глаголица и Символ веры: к вопросу о христологическом содержании первой славянской азбуки // Palaeobulgarica. 2020. № 4 (XLIV). С. 47–70.
7. К и п а р с к и й В. Р. О происхождении глаголицы // Климент Охридски: Материали за неговото чествуване по случай 1050 години от смъртта му. София, 1968. С. 91–97.
8. Л о с е в А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. М., 1980. 766 с.
9. С и н и ц ы н а Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXI. М.; Л., 1965. С. 96–125.
10. Т о п о р о в В. Н. Слово и премудрость («Логосная структура»): «Проглас» Константина Философа (к кирилломефодиевскому наследию на Руси) // Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 18–256.
11. Ф л о р я Б. Н. Комментарий к Житию Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 105–142.
12. Н и к о л о в а С в. Проблемът за философските възгледи на Константин-Кирил // Кирило-Методиевски студии. Кн. 5. София, 1988. С. 17–48.
13. Н и к о л о в а С в. Съвременните Кирило-Методиевски изследвания в Европа – посоки, резултати, перспективи // Palaeobulgarica. 2019. Т. 43, № 2. С. 3–18.
14. B i r n b a u m Н. Some remaining puzzles in Cyrillo-Methodian studies // Slovo. 1999. № 47–49. P. 7–32.
15. D a u n t o n - F e a r А. Can we hear the spoken words of Gregory of Nazianzus? // Scrinium. 2017. № 13. P. 72–75.

Поступила в редакцию 08.08.2023; принята к публикации 30.08.2023

Original article

Lyudmila B. Karpenko, Dr. Sc. (Philology), Professor, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara Theological Seminary (Samara, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8432-1164; liudmila.karpenko.53@mail.ru

THE EVANGELICAL ORIGINS OF THE SLAVONIC WRITTEN TRADITION

Abstract. The article conducts the linguosemiotic analysis of the content basis of the first Slavonic writing system in the context of Cyril and Methodius heritage and the Creed, the most important creedal text of Christianity. The relevance of the research is determined by the insufficient study of the initial link of the Slavonic written tradition. The problem of the research is to find out the meaningful connection of the initial Slavonic writing system with the evangelical Christological complex. The aim of the research is to show the significance of the right faith complex for the activity of Saints Cyril and Methodius, the creators of the Slavonic writing, and the reflection of the evangelical meaning complex about Christ in the first Slavonic alphabet. The methodology included the textual analysis of the Cyril and Methodius heritage, the semiotic analysis of the Glagolitic system, and the cultural analysis of the historical context. The texts of the Cyril and Methodius canon and the semiotic system of the Glagolitic alphabet were used as the research materials. The study demonstrated the significance of the content complex of the right faith reflected in the texts of Cyril and Methodius heritage, identified its dominant meanings related to the glorification of the Holy Trinity and the affirmation of the dogmas about Christ, and substantiated the Christological content basis of Glagolitic alphabet and its correlation with the evangelical Christological dogmas of the Creed. The connection between the alphabet and the Creed is reflected in the matrix signs that focus the messianic idea. It is concluded that both the missionary activity of the Solun brothers and the creation of the Slavonic script were subordinated to their theological preaching activity aimed at affirming the complex of the right faith enshrined in the Nicene-Tsaregrad Creed. The significance of the study lies in the affirmation of the evangelical origin of the Slavonic written tradition.

Keywords: Slavonic written tradition, evangelical origins, Cyril and Methodius heritage, complex of right faith, Creed, Glagolitic alphabet

For citation: Karpenko, L. B. The evangelical origins of the Slavonic written tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.934

REFERENCES

1. Bychkov, V. V. Corpus areopagiticum as one of the philosophical and aesthetic sources of Eastern Christian art. II International Symposium on Georgian Art. Tbilisi, 1977. 12 p. (In Russ.)
2. Vereshchagin, E. M. Church Slavonic books in Russia: linguotextological research. Moscow, 2001. 608 p. (In Russ.)
3. Karpenko, L. B. St. Cyril Glagolitic alphabet: about the roots of Slavic spirituality. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2009;2:16–39. (In Russ.)
4. Karpenko, L. B. Meaning complex about Christ of the Nicene Symbol of Faith in St. Cyril's alphabet. *Missionary, philological and cultural contribution of Saints Cyril and Methodius to the enlightenment of the Slavonic peoples, its significance in the context of further deepening of ties between Greece and Russia: International research Russian-Greek conference under the auspices of the Ecumenical Patriarchate. Heraklion, November 4–7, 2016*. Heraklion, 2016. P. 14–17. (In Russ.)
5. Karpenko, L. B. Conceptualization of the doctrine of right faith in the heritage of Saints Cyril and Methodius. *Linguocultural studies. Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures*. (N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova, Eds.). Moscow, 2019. P. 553–563. (In Russ.)
6. Karpenko, L. B. The Glagolitic alphabet and the Creed: on the question of the Christological content of the first Slavic alphabet. *Palaeobulgarica*. 2020;4(XLIV):47–70. (In Russ.)
7. Kiparsky, V. R. The origin of the Glagolitic alphabet. *St. Clement of Ohrid: Proceedings commemorating his 1050th death anniversary*. Sofia, 1968. P. 91–97. (In Russ.)
8. Losev, A. F. History of ancient aesthetics: Late Hellenism. Moscow, 1980. 766 p. (In Russ.)
9. Sinitsina, N. V. The epistle of the Constantinople Patriarch Photios to Prince Michael of Bulgaria: the copies of the XVI century. *Works of the Department of Old Russian Literature*. Vol. XXI. Moscow; Leningrad, 1965. P. 96–125. (In Russ.)
10. Toporov, V. N. Word and wisdom (“Logos structure”): “Proglas” of Constantine the Philosopher (Cyrillo-Methodian heritage in Russia). *Sainthood and saints in Russian spiritual culture. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia*. Moscow, 1995. P. 18–256. (In Russ.)
11. Florya, B. N. Comments on the Life of Constantine. *Tales about the beginning of the Slavonic writing*. Moscow, 1981. P. 105–142. (In Russ.)
12. Nikolova, S. The problem of the philosophical views of Constantine-Cyril. *Cyril-Methodius studies*. Book 5. Sofia, 1988. P. 17–48.
13. Nikolova, S. V. Modern Cyrillo-Methodian studies in Europe – directions, results, perspectives. *Palaeobulgarica*. 2019;43(2):3–18.
14. Birnbaum, H. Some remaining puzzles in Cyrillo-Methodian studies. *Slovo*. 1999;47–49:7–32.
15. Dauntou-Fear, A. Can we hear the spoken words of Gregory of Nazianzus? *Scrinium*. 2017;13:72–75.

Received: 8 August 2023; accepted: 30 August 2023

ЛАРИСА ЯКОВЛЕВНА КОСТЮЧУК

доктор филологических наук, профессор
Псковский государственный университет
(Псков, Российская Федерация)
anh57@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ Б. А. ЛАРИНА О РАЗГОВОРНО-ОБИХОДНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

А н н о т а ц и я . В середине XX века в отечественной лингвистике активно обсуждались проблемы формирования и развития современного русского языка с объяснением его структуры как национального. В системе филолого-философского обсуждения этой проблемы Б. А. Ларин предложил актуальную для ее решения, но пока удовлетворительно не обоснованную идею понимания сути и формирования разговорного русского языка в составе национального языка с учетом лексического уровня. Для достижения этой цели, по Б. А. Ларину, необходим детальный анализ разновекового языкового материала, который позволит установить период формирования национального языка. Соединение синхронного и диахронного подходов к изучению и осмыслению словарного состава русской разговорной речи находит отражение в известных лексикографических трудах, разработкой которых активно занимался Б. А. Ларин совместно со своими учениками, – «Псковском областном словаре с историческими данными», «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков». Заслугой Б. А. Ларина также является введение в научный оборот новых источников для изучения разговорной речи русского Средневековья: «Русской грамматики» Г. Лудольфа, словаря-дневника Р. Джемса и др. Развитие идеи разговорно-обиходного языка (исследования, словари), предложенной Б. А. Лариным, подтверждает истинность планов и жизненность ларинской научной школы. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** Б. А. Ларин, сравнительно-исторический подход, синхрония и диахрония, национальный русский язык, разговорно-обиходный язык, письменные памятники Средневековья, лексикография, картотека

Д л я ц и т и р о в а н и я : Костючук Л. Я. Реализация идеи Б. А. Ларина о разговорно-обиходном русском языке в прошлом и настоящем // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.935

ВВЕДЕНИЕ

Многие важные и сложные проблемы отечественной лингвистики XX века поднимались, рассматривались, решались и остались живыми, перспективно-актуальными благодаря выдающемуся ученому Борису Александровичу Ларину (1893–1964), 130-летие которого особенно дорого ларинцам (ученикам и участникам его школы).

Воспоминания о нем Д. С. Лихачев начинает так:

«Если нужно было бы назвать наиболее характерную особенность Б. А. Ларина как ученого-эрудита, то следовало бы назвать, что он был самым образованным лингвистом нашего времени. Так считали и лингвисты старшего поколения, и его ученики», подчеркивая, что эта черта была «образованностью филолога конца XIX – начала XX в., когда она приобрела известную внутреннюю цельность и стояла в России очень высоко» [8: 5].

Созданный Б. А. Лариным и официально открытый 1 сентября 1960 года в Ленинградском университете новаторский Межкафедральный словарный кабинет (МСК) как центр уже давно сложившейся ларинской научной школы объединил единомышленников разных научно-учебных подразделений университета, а также других вузов страны (Пскова, Саратова, Перми, Нижнего Новгорода, Владивостока), где уже работали ларинские ученики, привлекая новых коллег, заинтересованных в коллективной лексикографической работе. В 1961 году на конференции в Пскове, организованной Б. А. Лариным и С. М. Глускиной, его ученицей, при поддержке руководства нашего вуза оформилось замечательное содружество ленинградцев и псковичей в единый коллектив для создания по идее Б. А. Ларина «Псковского областного словаря

с историческими данными» (ПОС). Это была работа над новаторским в мировой лексикографии словарем – диалектным полным современным с XIX века и одновременно дифференциальным историческим по псковским письменным памятникам XI–XVIII веков.

Всю жизнь Б. А. Ларин «не искал легких путей в науке и изучал язык в его наиболее сложных, а потому и в интересных формах» [8: 7]. Он был блестящим организатором науки, сплачивал коллективы единомышленников, в составе которых был не просто руководителем, а и «со-членом», по словам Д. С. Лихачева, и в общей подготовительной, и в творческой работе.

Покажем теоретическую и практическую ценность наблюдений, выводов ученого и их значимость для понимания указанной в статье проблемы. Так, важным и незабываемым событием в истории отечественной науки остается конференция 1961 года, организованная по инициативе Б. А. Ларина в ЛГУ, – «Начальный этап формирования русского национального языка» со значимым и ныне докладом ученого «Разговорный язык Московской Руси»¹ [6]. Обращает внимание само начало выступления:

«Разговорный язык Московской Руси – тема необъятная не только для статьи, но и для большой книги. Она не завещана нам предками и ставится только в советском языкознании... Мое поколение ставит ее перед молодыми исследователями, зная, какой широкий круг общих и частных вопросов с нею связан, в надежде, что молодые увидят и завершение первого этапа разработки этой темы» [6: 163].

Теоретическая и практическая значимость поставленной проблемы подтверждалась результатами научных работ самого ученого, его учеников и последователей. Но до начала 1960-х годов понимание разговорного современного русского языка не было обосновано, поскольку сложно заниматься современным материалом как живым явлением, не в полной мере зная и не учитывая прошлое языка и различные пласты современной речи. Б. А. Ларина же всегда интересовали и диалекты, и язык городского населения, и социальные диалекты, и арго, жаргоны. Такие пласты народного языка ученик Б. А. Ларина В. М. Мокиенко образно и точно назвал «свободной стихией разговорной речи» [12].

Б. А. Ларин считал необходимым знать специфику языка прошлого с учетом памятников письменности в диахронии, а также жанровой и территориальной их принадлежности с привлечением списков, если они у памятника были.

Смело, обоснованно, с заботой о выяснении истины Б. А. Ларин ставит проблему защи-

ты того, что дают факты прошлого, поскольку это может объяснить объективную картину языка в настоящем.

К сожалению, в процессе работы выяснилось неутешительное в науке:

«<...> ситуация имеет и теоретическое обоснование: игнорируя социальные диалекты, кроме крестьянских, те, кому бы следовало ставить проблему разговорного языка во всю ширь, предпочитают рассуждать о тысяче и одном стиле литературного языка, как своего рода сублимации социальных диалектов, чтобы не поколебать догмата об единстве и общенародности национальных языков. Я считаю этот догмат схоластической абстракцией, тормозящей нашу работу и в области современных языков, и в историческом языкознании» [6: 165].

Справедливый вывод был строгим, но необходимым для движения науки вперед.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Широта образования, знание древних, современных европейских языков, памятников письменности, в которых отражен русский язык прошлых веков, – все это обеспечило всесторонность научной разработки выдвинутой идеи. Так, в первой половине XX века Б. А. Ларин расшифровал и подготовил к публикации три иностранных источника по русскому языку XVI–XVII веков. По материалам этих памятников² в 1949 году он успешно защитил докторскую диссертацию, открывшую новое направление в изучении русского языка. Отечественные ученые благодаря мужеству Б. А. Ларина (что было чрезвычайно опасно во время «борьбы с космополитизмом») получили право смело использовать в своей работе и ставшие уже доступными, и новые памятники письменности по мере их обнаружения. В одной из последних работ о Б. А. Ларине О. В. Никитин, назвав три иностранных источника о русском языке XVI–XVII веков (материалы докторской диссертации ученого), показал, что Борис Александрович – прекрасный исследователь и двуязычный лексикограф. Это автор статьи оригинально подтверждает и третьим источником («Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619 гг.»), опубликованным учениками после кончины учителя [13].

Ставя в 1961 году вопрос о разговорном языке, Б. А. Ларин также обратился к «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа³, изданной в Оксфорде в 1696 году [9: 1937]. Важны рассуждения-выводы ученого конца XVII века относительно использования русскими своего языка в разных условиях:

«Для русских знание славянского языка необходимо, потому что не только Св. Библия и остальные кни-

ги, по которым совершается богослужение, существуют только на славянском языке» [9: 47].

Владея кириллицей и зная русский язык, Г. В. Лудольф, наблюдая ситуации общения русских из разных социальных групп, отметил и психолого-эмоциональный настрой человека в процессе коммуникации:

«Но точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и наоборот – в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянскому» [9: 113].

Отмечено Г. В. Лудольфом и неудачное, нецелесообразное введение в речь тех или иных слов:

«<...> чем более ученым кто-нибудь хочет казаться, тем больше примешивает он славянских выражений к своей речи или в своих писаниях, хотя некоторые и посмеиваются над теми, кто злоупотребляет славянским языком в обычной речи» [9: 113].

С такими наблюдениями и выводами невозможно не согласиться: подобное встречается и в живой речи русских в современном языке, тем более с учетом многих субъективных и объективных условий при конкретном разговоре. Диалектологам знакомы требования к оформлению записи речи информантов в полевых экспедициях.

Владение Г. В. Лудольфа кириллицей оказалось значимым для отражения произношения русских слов: этим он показал желающим научиться разговору по-русски, на что необходимо обращать внимание. Интересно тонкое наблюдение ученого:

«Большинство русских, чтобы не казаться неучами, пишут слова не так, как произносят, а так, как они должны писаться по правилам славянской грамматики, например пишут *сегодня*, а произносят *соводни*. Тем не менее я решил в этой моей грамматике и в диалогах передавать слова такими буквами, какие слышатся в произношении, чтобы книга послужила на пользу тем, кто хочет научиться разговорному русскому языку» [9: 48].

Поражает зафиксированное в XVII веке понимание языка русских как языка народа, в отличие от языков европейцев, желающих изучить его, с одной стороны. А с другой – чувство родного языка для использования, применения его в разных условиях, в которых может оказаться человек.

Б. А. Ларин высоко оценил подход Г. В. Лудольфа к языку. Сам он прекрасно знал памятники письменности разных веков, жанров и тер-

риторий. Сравнивал, сопоставлял необходимые данные в зависимости от проблемы и поставленных целей и задач.

Осмысление структуры современного русского языка в середине XX века, по наблюдениям Б. А. Ларина, также было весьма неудовлетворительным: без обращения большинства лингвистов к развитию и состоянию языка и речи в прошлом.

Идея Б. А. Ларина о специфике современного разговорного языка и истории его формирования складывалась долго на огромном разностороннем и разновременном языковом материале коллективом его единомышленников.

Зная судьбу реализации замыслов Б. А. Ларина, по-особому воспринимаешь его комментарии к грамматике Лудольфа:

«Г. В. Лудольф говорит о вариации того разговорного языка, какой он наблюдал в высших и средних кругах московского общества. <...> Вне его поля зрения остались диалекты крестьян и отдаленных от Москвы городов» [6: 168].

Ученый XX века чувствовал потребность науки в решении соответствующих проблем национального русского языка, прежде всего с документально обоснованной историей его структуры.

Сейчас в мире известно не менее десяти русско-иностранных разговорников прошлых столетий, три из которых русско-немецкие, составленные в Пскове XVI–XVII веков⁴. Один из них наука узнала первым в прекрасном исследовании и издании – «Разговорник Т. Фенне» 1607 года появился в Копенгагене в 1970 году [14], пробудив удивительный интерес в мировой науке у специалистов разных профилей к памятникам этого жанра. Известный ученый Р. О. Якобсон, ценивший труды Б. А. Ларина, в 1971 году прислал по экземпляру коллективам МСК и Пскова, где создавался ларинский Псковский областной словарь. Б. А. Ларин не узнал об этом необыкновенно ценном источнике с материалами средневекового русского языка, которые украсили историческую часть словарных статей.

Тема статьи требует сказать и о трудной и трагической судьбе одной лексикографической идеи, удивительная реализация которой многое объяснит в том, что входит в понятие ларинской школы.

В 1934 году Б. А. Ларину предложили руководить созданием «Древнерусского словаря» (ДРС) в Словарном секторе Института языка и мышления Ленинградского отделения АН СССР. Б. А. Ларин создал коллектив, продумал и по-

добрал список источников. Он учил соратников научным и технически значимым правилам выборки фрагментов текста и их научного оформления. Формировалась великолепная Картотека. Б. А. Ларин проводил семинары с обсуждением составленных авторами словарных статей, участвовал во всех видах работ на правах «сочлена». Высоко ценил Д. С. Лихачев-текстолог принцип Б. А. Ларина-лексикографа расписывать памятники на карточки, поскольку он совпадал с основами текстологии: «Сперва изучить историю текста памятника и только затем расписывать его для картотеки. Чтобы не засорять ее ненужными карточками» [8: 8]. При наличии списков «Ларин считал необходимым расписывать только древнейший текст, для чего надо установить редакции текста, их взаимоотношения» [8: 8].

Дружная работа позволила руководителю подготовить к изданию все документы в одном томе: «Проект» был издан в 1936 году [4]. Картотека включала миллион карточек, в 1941 году планировалось издание первого тома. С началом войны еще некоторое время велась работа. Продолжилась она и с возвращением участников в Ленинград из эвакуации. Два тома ДРС были подготовлены к изданию после войны. Но в 1949 году работа над ДРС была неожиданно прервана по волевому решению руководства, и всю Картотеку не слишком бережно вывезли в Москву, где до 1970-х годов она была абсолютно недоступна для исследователей вплоть до начала создания на основе материалов ДРС «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII). В этой ситуации не каждый бы выстоял. Но Б. А. Ларин выстоял, не предав ни своих идей, ни учеников, которые вели себя так же мужественно. Сказанное позволяет показать удивительную судьбу и жизненность ларинской идеи вопреки всем преградам на пути ее реализации.

Б. А. Ларин творчески намечал новые направления в лексикографии, он создавал коллективы в ЛГУ и других центрах, где были его ученики. Так, новый проект был предложен в 1961 году для реализации в МСК: «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков» (СлОРЯ XVI–XVII). Учитель разработал концепцию этого «второго ДРС», желая продолжать работу над словарем русского Средневековья, обнаружив, что в ряде исторических словарей недостаточно отражена живая разговорно-обиходная речь народа среднерусского периода.

Ларинскими учениками в МСК была начата работа по созданию специальной Картотеки СлОРЯ при расписывании памятников: круг источников наметил Б. А. Ларин. С энтузиазмом старшие и младшие ларинцы начали трудиться по новой теме. Но нездоровье и кончина Б. А. Ларина в начале 1964 года оставили участников ларинской школы одних в начале и продолжении коллективной работы по многим направлениям. Однако никто не предал общего дела.

В 1960–1990-е годы коллектив создавал по ларинским принципам Картотеку, расписывая источники, рекомендованные ученым и вновь обнаруженные. Руководили работой С. С. Волков, потом О. С. Мжельская – старшие ученики, специалисты по истории языка.

Неожиданно при разборе архива Б. А. Ларина С. С. Волков обнаружил ларинские рукописные «Заметки о Словаре обиходного языка» (два фрагмента ориентировочно 1959 года и 8 марта 1961 года) и, подготовив их к печати, опубликовал в сборнике 1993 года, посвященном 100-летию Б. А. Ларина [2], а затем, как чрезвычайно востребованные, «Заметки» были переизданы в 2003 году [3]⁵. В небольшом документе тезисного типа каждое слово значимо, точно, незаменимо. Учитель верил, что ученики сумеют лексикографически представить «ту наддиалектную систему русской речи, которая постепенно складывалась с XV по XVII век и наименовалась в эту эпоху “просторечием”» [3: 656].

Позволим привести для понимания проблемы несколько важных положений ученого, к которым обращались и обращаются авторы нового словаря:

«Обиходный язык достаточно четко отличается от церковнославянского. Это язык устного общения и частных деловых документов, лишенных политического, государственного значения» [3: 656].

Этот тезис нацеливает на ориентирование в типах и жанрах памятников. Указанный фрагмент, как и следующий, из той части «Заметок», которая предположительно относится к 1959 году:

«Труднее отграничить обиходный язык от областных крестьянских диалектов. Мы имеем в виду ту наддиалектную систему разговорной речи, которая постепенно складывалась с XV по XVIII в. и именовалась в эту эпоху “просторечием”» [3: 656].

Образцы речи в разных ситуациях, зафиксированные в памятниках (по наблюдениям Б. А. Ларина), убеждают, что это «несколько обобщенный, именно общий разговорный язык, а не узко-ло-

кальный тип и не узко-социальный (например, крестьянский или посадский)» [3: 657].

Судя по содержанию первого фрагмента обнаруженных «Заметок», согласимся с С. С. Волковым, что запись относится к периоду до начала 1960-х годов (с пометой публикатора «Предположительно 1959 г.»): это время обдумывания и подготовки ученого к конференции 1961 года по проблеме начального периода развития русского национального языка с выступлением и статьей самого Бориса Александровича о разговорном языке Московской Руси [6], в которых звучат термины «обиходный», «обиходно-разговорный». Второй фрагмент, 8 марта 1961 года, гораздо больший, информативен, поделовому эмоционален. Он напоминает замечательные ларинские тезисы при подготовке к какому-нибудь выступлению. Обратим внимание на дату второго фрагмента – 8 марта 1964 года, а в конце марта Бориса Александровича не стало.

Обнаруженные записи еще более вдохновили и поддержали создателей нового словаря. Несколько десятилетий шла основательная подготовка к созданию словарных статей: расписывались тексты деловых документов, демократической литературы, фольклорных произведений, разговорники для Картотеки. В 2000 году под редакцией О. С. Мжельской вышел «Проект» словаря с образцами словарных статей, а 2 марта 2021 года состоялось широкое, заинтересованное обсуждение его с участием ученых из близких и далеких городов [10].

Каждый участник коллектива вел серьезные научные исследования лексики, фразеологии на современном материале или с привлечением памятников, публикуя статьи, монографии, как, например, О. С. Мжельская по источникам Средневековья [11].

В 2003 году вышел пробный выпуск словаря, а в 2004 году – выпуск 1 под редакцией О. С. Мжельской, которая руководила работой семинара и была редактором первых пяти выпусков. А далее уже опытные ученики – Е. В. Генералова и О. В. Васильева – приняли руководство СлОРЯ, и в их редакции вышли следующие выпуски. В 2020 году был опубликован девятый выпуск словаря «Ильм – Казнь» (СлОРЯ XVI–XVII: 9), несмотря на то что первоначально Б. А. Ларин намечал не более четырех-пяти.

Е. В. Генералова, посвятившая свою статью 130-летию Б. А. Ларина, точно и справедливо отметила, что Б. А. Ларин – фактически основоположник русской исторической лексикографии в нашей науке. Ведь Картотека ДРС до начала

70-х годов XX века в Москве была не у дел, а потом легла в основу «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Главное то, что Б. А. Ларин установил периодизацию русской исторической лексики через изучение лексического состава с учетом времени, места, условий фиксации речи носителями языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и предполагал Учитель, «второй ДРС» позволяет наглядно понять, почувствовать специфику обиходно-разговорного языка как особой разновидности русского в соответствующих условиях быта, общения в прошлом. А это, как и научно-обоснованные и доступно-доказательные труды Б. А. Ларина, – путь к познанию современного разговорного русского языка.

Насколько четко и прозорливо понимал Б. А. Ларин сложность проблемы и какие видел пути к достижению цели, веря в возможности последователей, было высказано им в конце доклада-статьи 1961 года:

«Особо следует заняться и вопросом о путях проникновения просторечия в литературный язык и преобразования литературного языка под сложным скрещением влияний а) просторечия, б) иностранных языков через переводную литературу, в) специальных и профессиональных лексических систем – через обширную ремесленно-промысловую письменность XVII в., а также в связи с ростом городов и возрастающим влиянием ремесленников и рабочих.

Все это остается задачей дальнейших исследований» [6: 175].

По словам Д. С. Лихачева, «ни одна из тем его (Ларина. – Л. К.) юношеских занятий и ничто из его разносторонних знаний не осталось за бортом его последующих исследований» [8: 6]. Подтверждается это разносторонностью реализованных научных интересов Б. А. Ларина, к числу которых относятся история языка, историческая лексикология и фразеология; диалектология славянских и балтийских языков; разговорная речь: история и современность; художественная речь; теория перевода; лексикография. «Ученый-эрудит» «оставил после себя нечто большее», чем только свои уникальные труды по разным областям филологической науки. Чувствуя требования науки в тот или иной момент, намечал, определял путь, «направление науки» [8: 9].

Судьба и роль одной из идей Бориса Александровича Ларина показывает, что многое в научной деятельности зависит не только от объективных условий, но и от самого человека. Важны преданность делу и научно-культурный кругозор.

СОКРАЩЕНИЯ

ДРС – Древнерусский словарь.

МСК – Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б. А. Ларина.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–28. Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2020.

СлОРЯ XVI–XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–9. СПб.: Наука, 2004–2020.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.: Наука, 1975–2019.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поскольку сборник с материалами конференции 1961 года со статьей Б. А. Ларина о разговорном языке [5] стал вскоре труднодоступным, поэтому ссылаемся на переиздание 1977 года в сборнике избранных трудов ученого [6].
- ² Б. А. Ларин ввел в научный обиход три иностранных труда по изучению русского языка: «Парижский словарь московитов 1586 г. по рукописи Парижской национальной библиотеки (перевод, исследование и комментарий Б. А. Ларина)». Л.: ЛГУ, 1948. 166 с. (с посвящением: «Памяти учителя Льва Владимировича Щербы»); «Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. (Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина)». Л.: ЛНИ ИЯ, 1937. 103 с. (переиздание) + 166 с. (перевод); «Русско-английский Словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) объемом около 350 стр., опубликован был после защиты диссертации, а затем все три труда изданы в одном томе 2000 года [7].
- ³ Естественно, что Б. А. Ларин, изучив труд Г. В. Лудольфа и издав в 1937 году со своим переводом вместе с переизданным авторским текстом XVII века, ссылается на издание 1937 года [9]. Имея памятник, пользуемся публикацией этого года.
- ⁴ Об одном русско-немецком разговорнике с указанием места (Псков), времени создания (1607) и имени человека (Тонни Фенне), который связан с судьбой памятника, сказано в статье [14]. Другие два «моложе» (XVI века) мы только назовем: «Ein Rusch Boeck...» Ein Russisch – Deutsches anonymes Wörter – und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Fałowski. Köln; Weimar; Wien, 1994; «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Transliteracja tekstu, Indeks wyrazów i form rosyjskich / Pod red. A. Fałowskiego. Kraków, 1997.
- ⁵ Поскольку сборник 1993 года с первой публикацией «Заметок о “Словаре обиходного языка...”» Б. А. Ларина менее доступен [2], то при разговоре о реализации идеи ученого цитируем по переизданию статей Б. А. Ларина в томе «Филологическое наследие» 2003 года [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Генералова Е. В. Словарное наследие профессора Б. А. Ларина и современная лексикография (к 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 75–84.
2. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси». Публикация и примечания С. С. Волкова // Вопросы теории и истории языка. СПб.: СПбГУ, 1993. С. 5–9.
3. Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 656–659.
4. Ларин Б. А. Проект Древнерусского словаря (Принципы, инструкция, источники). М.; Л.: АН СССР, 1936. 176 с.
5. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л.: ЛГУ, 1961. С. 22–34.
6. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 163–175.
7. Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII вв. СПб.: СПбГУ, 2002. 686 с.
8. Лихачёв Д. С. О Борисе Александровиче Ларине // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 5–10.
9. Лудольф Генрих Вильгельм. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. (Переиздание, перевод, вступительная статья и примечания Б. А. Ларина). Л.: ЛНИ ИЯ, 1937. 166 с.
10. Материалы обсуждения «Проекта Словаря обиходного русского языка Московской Руси (XVI–XVII вв.)». СПб., 2000 / Сост. Е. В. Генералова, Л. М. Карамышева; Ред. А. С. Герд. СПб.: СПбГУ, 2002. 40 с.
11. Жельская О. С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб.: СПбГУ, 2003. 220 с.
12. Мокиенко В. М. Борис Александрович Ларин: свободная стихия разговорной речи // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 903–916.
13. Никитин О. В. Б. А. Ларин как исследователь двуязычной лексикографии эпохи Московской Руси XVI–XVII вв. // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 1. С. 85–99.
14. Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian. Pskov, 1607 / Ed. by L. L. Hammerich, R. Jakobson. Vol. II: Transliteration and translation. Copenhagen, 1970. 488 с.

Поступила в редакцию 19.09.2022; принята к публикации 26.06.2023

Larisa Ya. Kostiuchuk, Dr. Sc. (Philology), Professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation)
anh57@yandex.ru

IMPLEMENTATION OF BORIS LARIN'S CONCEPT OF THE SPOKEN EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE IN THE PAST AND THE PRESENT

Abstract. In the middle of the XX century, the problems of formation and development of the modern Russian language with the explanation of its structure as a national language were actively discussed in Russian linguistics. In the system of the philological and philosophical discussion of this problem, B. A. Larin proposed an idea, relevant for its solution, but not yet satisfactorily substantiated, of understanding the essence and formation of spoken Russian as part of the national language, taking into account the lexical level. To achieve this goal, according to B. A. Larin, it is necessary to analyze in detail the linguistic material of different centuries, which, in turn, will allow to establish the period of formation of the national language. The combination of synchronic and diachronic approaches to the study and comprehension of the vocabulary of Russian colloquial speech is reflected in *Pskov Regional Dictionary with Historical Data and Dictionary of Everyday Russian Language of Moscow Russia in the XVI–XVII Centuries*, famous lexicographic works, in the development of which B. A. Larin was actively engaged together with his students. B. A. Larin is also credited with the introduction of new sources for the study of colloquial speech of the Russian Middle Ages: Russian Grammar by Heinrich Ludolf, the Russian-English vocabulary and diary by Richard James, etc. The development of the idea of everyday colloquial language (studies, dictionaries) proposed by B. A. Larin confirms the authenticity of the plans and vitality of the Larin's scientific school.

Keywords: B. A. Larin, comparative historical approach, synchrony and diachrony, national Russian language, everyday spoken language, written monuments from the Middle Ages, lexicography, card index

For citation: Kostiuchuk, L. Ya. Implementation of Boris Larin's concept of the spoken everyday Russian language in the past and the present. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.935

REFERENCES

- Generalova, E. V. The lexicographic legacy of Professor B. A. Larin and modern lexicography (to the 130th anniversary of the birth). *Russian Language at School*. 2023;84(3):75–84. (In Russ.)
- Larin, B. A. Notes on the Dictionary of the Moscow Rus Everyday Language. (S. S. Volkov, Ed., cmts). *Issues of the theory and history of the language*. St. Petersburg, 1993. P. 5–9. (In Russ.)
- Larin, B. A. Notes on the *Dictionary of the Moscow Rus Everyday Language*. Larin, B. A. *Philological legacy*. St. Petersburg, 2003. P. 656–659. (In Russ.)
- Larin, B. A. Project of an Old Russian dictionary (principles, guidelines, sources). Moscow; Leningrad, 1936. 176 p. (In Russ.)
- Larin, B. A. Spoken language of the Moscow Rus. *The initial stage of the Russian national language formation*. Leningrad, 1961. P. 22–34. (In Russ.)
- Larin, B. A. Spoken language of the Moscow Rus. Larin, B. A. *History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, 1977. P. 163–175. (In Russ.)
- Larin, B. A. Three foreign sources of the Moscow Rus spoken language of the XVI–XVII centuries. St. Petersburg, 2002. 686 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. About Boris A. Larin. Larin, B. A. *History of the Russian language and general linguistics (selected works)*. Moscow, 1977. P. 5–10. (In Russ.)
- Heinrich Wilhelm Ludolf. *Grammatica Russica*. Oxford, 1696. (B. A. Larin, Ed., transl., cmts.). Leningrad, 1937. 166 p. (In Russ.)
- Discussions of the Project of the Dictionary of the *Moscow Rus Everyday Language (XVI–XVII Centuries)*. St. Petersburg, 2000. 40 p. (In Russ.)
- Mzhelskaya, O. S. Vocabulary of the everyday spoken language of the Moscow Rus of the XVI–XVII centuries (based on foreign Russian language study guides). St. Petersburg, 2003. 220 p. (In Russ.)
- Mokienko, V. M. Boris Aleksandrovich Larin: the free element of colloquial speech. *Quaestio Rossica*. 2019;7(3):903–916. (In Russ.)
- Nikitin, O. V. B. A. Larin as researcher in bilingual lexicography of the 16th–17th century Muscovite Rus epoch. *Russian Language at School*. 2023;84(3):85–99. (In Russ.)
- Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian. (L. L. Hammerich, R. Jakobson, Eds.). Pskov, 1607. Vol. II: Transliteration and translation. Copenhagen, 1970. 488 p.

Received: 19 September 2022; accepted: 26 June 2023

АНАСТАСИЯ АРТЕМОВНА ЧЕКИНА

аспирант кафедры русского языка филологического факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

fillinfolk@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОДНОЙ ОБРЯДОВО-ЭТИКЕТНОЙ ФОРМУЛЫ НАРОДНОЙ РЕЧИ В СИТУАЦИИ ТКАЧЕСТВА

А н н о т а ц и я . Рассматривается обрядово-этикетная формула народной речи (благопожелание), воспроизводимая в ситуации ткачества (*Сиденье вашему!*), в контексте взаимодействия ритуала и этикета. В традиционной коммуникации ритуал и этикет – это сложное, зачастую взаимосвязанное культурное явление, влияющее на символическую, мифологическую и прагматическую функции народноречевого этикета. Речевая формула благопожелания анализируется на предмет выявления структурно-семантических особенностей в контексте оппозиции «ритуал – этикет» и ряда вытекающих из нее семантических оппозиций: «сакральность – повседневность», «коллективность – индивидуальность», «знаковость – незнаковость». Обращается внимание на особую форму диалогического единства, представленного репликой-стимулом (*Сиденье вашему!*) и репликой-ответом (*Сидеть по-нашему!*), семантико-символическую двузначность лексемы *сидение* как ядерного компонента формулы. Анализ выполняется в этнолингвистическом аспекте, включающем в себя акциональный, вербальный и предметный уровни. Делается вывод о контаминированном значении мифологического (ритуала) и прагматического (этикета) подтекста в ситуации одного из повседневных сельских занятий женщины – ткачества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ритуал, народноречевого этикет, обрядово-этикетная формула, семантическая оппозиция, благопожелание, ситуация ткачества

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чекина А. А. Структурно-семантические особенности одной обрядово-этикетной формулы народной речи в ситуации ткачества // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 23–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.936

ВВЕДЕНИЕ

Истоком традиционного речевого этикета зачастую оказывается ритуал, порожденный древнейшими верованиями, архаичными представлениями о мироустройстве и месте в нем человека. Причем в эволюционном своем развитии форма и содержание исходного ритуала (обряда) могут быть неоднократно и хронологически разновремененно преобразованы, культурно и мировоззренчески переинтерпретированы. Показательно в этом отношении известное суждение Д. К. Зеленина:

«В истории обряда форма меняется, а функция при этом часто остается, хотя иногда перетолковывается на новый лад. А бывает и так, что форма застывает, окаменеет, а функция выветривается, забывается» [6: 4].

Из этого следует, что и словесная формула как вербальная часть некогда цельного ритуала в процессе изменения условий своего использования могла быть не единожды переистолкована,

не единожды функционально переосмыслена. Именуя множество таких формул, вышедших из ритуала (обряда), этикетными, мы лишь фиксируем их новое речевое назначение, мало заботясь об этнокультурной этимологии таких высказываний.

Сложное, нередко взаимосвязанное культурное явление, при котором «ритуал предшествует этикету, а этикет, в свою очередь, формируется на основе ритуала» [2: 161], видимо, для начала следует рассматривать в координатах отдельного историко-этнографически-культурного среза в рамках отдельной географической зоны с учетом особенности записи (условия, форма, техника записи), то есть в той «последовательности рассмотрения одного и того же ритуала» и оформляющего его вербального комплекса, на которой настаивал, например, известный французский фольклорист Ван Геннеп [5: 5]. Материалом для статьи послужили рукописные

записи сотрудников (Ленинградского) Санкт-Петербургского государственного университета, сделанные в ходе научных экспедиций в районы Русского Севера по программе этнолингвистической направленности «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (СДК) в период с 1984 по 2018 год¹.

Опираясь на замечание А. К. Байбурина и А. Л. Топоркова о том, что «этикетное поведение в зависимости от ситуации и других факторов как бы перемещается по шкале ритуализованности и тяготеет то к одному, то к другому полюсу» [2: 17], рассматриваемая формула (и ее варианты) называются в статье обрядово-этикетными.

О жанровом статусе этих текстовых образований со всей определенностью говорить сложно, для фольклористов этот вопрос остается в известной степени дискуссионным [3], [8], [11]. Однако только по формальным признакам они могут быть отнесены к малым речевым жанрам, в самом общем виде представляющим собой «устойчивые, клишированные речевые сегменты, порожденные повторяющимися ситуациями (например, формы приветствия, поздравления, телефонного общения и т. п.)» [11: 26]. Малые речевые жанры характеризуются также

«содержательной гомогенностью (сообщение об одном факте, одном событии и т. д.), крайней степенью компрессии, стандартной формой (однообразная, часто клишированная структура сообщения, ограниченный, нередко заданный набор языковых и стилистических средств)» [8: 902].

В центре внимания нашей статьи оказывается обрядово-этикетная формула, воспроизводимая при приветствии в ситуации ткачества. Поскольку «пожелательная» семантика такой (и подобных) формулы очевидна, терминологически принято именовать ее «благопожеланием» [9]:

«Если ткачиха затыкала, а в это время кто зайдёт, то говорили: “Сиденье вашему!”. А она и ответит: “Сидеть по-нашему!”. Гость и сядил, чтоб плотно хорошо сядилось». (СДК-41, Николо-Раменье, Череп. р-н, Волог. обл, 1987).

Формула рассматривается в рамках оппозиции «ритуал – этикет» и ряда вытекающих из нее семантических оппозиций: «сакральность – повседневность», «коллективность – индивидуальность», «знаковость – незнаковость».

САКРАЛЬНОСТЬ – ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В контексте оппозиции «сакральность – повседневность» необходимо учесть очевидное: ритуал предполагает общение в особых (даже сакральных) случаях, влекущих за собой переворот, «переходность» из одного состояния

в другое, например, изменение социальной роли или статуса участников ритуала, изменение в жизни целого коллектива и др. Отсюда следует, что «ритуал (даже периодически повторяемый) – всегда событие, некоторый *кризисный период* (выделено мною. – А. Ч.) в жизни коллектива» [2: 161]. Этикет же регламентирует повседневную жизнь, бытовое общение, не привязанное к глобальным изменениям жизни общества. С этой точки зрения ткачество рассматривается как одно из главных сельских занятий женщины, в течение веков накопивших глубокий мифологизированный подтекст, так как «символически ткачество соотносится с созданием жизни человека, социума и Космоса на основе идеи привнесения гармонии в хаос, преобразования природного в культурное»². С другой стороны, ткачество является обычным, регулярным, встраивающимся в повседневную жизнь делом, которое сопровождается принятыми в сельском речевом обиходе этикетными речевыми формулами. В этом видится одно из отличий социальной природы ритуала и этикета: ритуал ориентирован на коллектив, этикет – на индивидуальное общение коммуникантов в одной конкретной ситуации. Отсюда выкристаллизовывается следующая семантическая оппозиция «коллективность – индивидуальность».

КОЛЛЕКТИВНОСТЬ – ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

В контексте оппозиции «коллективность – индивидуальность» необходимо отметить, что последнее подразумевает прикрепленность к конкретной прагматической ситуации, в которой многое зависит от поведения (в том числе «ритуальной компетентности») отдельного человека. Во время ткачества, нарушенного приходом «чужого», большое значение имеет начало разговора, которое не может не быть прикрепленным к этой ситуации. О чем бы речь ни зашла потом, «чужой» должен выполнить обязательные начальные действия – поприветствовать (первым) хозяйку, занятую ткачеством, специальным приветствием-благопожеланием, затем непременно удобно сесть, демонстрируя «на деле» основательность своего сидения. Таким образом возникает особое коммуникативно-прагматическое взаимодействие, представленное, с одной стороны, сложной грамматической структурой, с другой – ритуализированным действием.

Очевидно, что этикет, вышедший из ритуала, предполагает обязательное соблюдение определенных правил поведения в конкретной ситуации, обеспечивающих «эффективность»,

непрерывное исполнение (в данном случае) благопожелания.

Как видно, рассматриваемая обрядово-этикетная формула представляет собой так называемое диалогическое единство, где присутствуют реплика-стимул (здесь: благопожелание *Сиденье вашему!*) и реплика-реакция (*Сидеть по-нашему!*)³. На уровне текста (записи интервью) ясно, что в представленной коммуникативно-прагматической ситуации участвуют два субъекта говорения: S1 (коммуникант 1 – «гость»), S2 (коммуникант 2 – «ткачиха»), однако в условиях полевой записи важным оказывается и S3 (нарратор), в обрядово-этикетной ситуации не участвующий. Непосредственные участники коммуникации (S1 и S2) произносят реплики согласно установкам традиционного этикета, который регламентируется ситуативностью и регулятивностью.

Формулы и самого благопожелания, и ответа на него, что вполне ожидаемо в условиях устной речи, представляют собой усеченные, эллиптические высказывания. Императивная, точнее – «желательная» семантика [12: 448], прагматически в данном случае оправданная, создается привычным для живого общения набором грамматических средств. Так, реплика-стимул «оставляет» в своей структуре лишь указание на объект (<...> *сиденье*), выраженный существительным в форме вин. п., и «реальный эпитет» [4: 64–65], в нашем случае – *вашему* (притяжательное местоимение в форме дат. п.) – без определяемого им слова, выступающего в роли предполагаемого адресата пожелания. Эта конструкция может быть развернута до следующего (предполагаемого полного) варианта: <Пусть будет удачное> *сиденье вашему* <полотну, ткани>!

Реплика-реакция также выражается эллиптическим высказыванием с общим оптативным значением ‘пусть будет так, как я скажу и сделаю’, в прагматическом значении – ‘как свойственно лицу (лицам), как делает, поступает лицо (делают, поступают лица)⁴. Ответная реплика, как видим, «оставляет» в своем составе лишь инфинитив (*сидеть*) и местоименное наречие *по-нашему*. При этом полная ее версия может быть представлена следующим образом: <Желаю вам> *сидеть по-нашему* (то есть ‘хорошо, удобно’). Посвященный в культурную обстановку человек не нуждается в пояснении, однако нарратор (S3) разъясняет слушателю (записывающему) смысл этой реплики: *Гость и сядил, чтоб полотно хорошо сядилось*. Принцип аналогии, столь харак-

терный для обрядовых текстов [10], в этом случае заключен в слове и действии, превращая глагол *сидеть* в ситуационно-перформативный. На уровне лексическом прослеживается здесь связь и с общекультурной оппозицией «свой – чужой»: «вашему – по-нашему», где «свое», «наше» традиционно является хорошим и пригодным.

Очевидно, что S3 выполняет в этом тексте герменевтическую функцию, и что важно – на вербальном уровне.

ЗНАКОВОСТЬ – НЕЗНАКОВОСТЬ

Следует учитывать, что ритуал обладает очевидной знаковостью, он всегда символизирует собой важные события участников (посвящение, похороны, свадьба). Это некоторый игровой творческий акт, совершаемый зачастую участниками «бессознательно, следуя культурной традиции» [1]. Его основная функция – символическая. Этикет же обладает знаковостью в меньшей степени и выполняет прежде всего свои основные функции – фатическую и прагматическую. Однако представленная формула имеет сложную контаминированную культурную знаковую. С точки зрения семантической оппозиции «знаковость – незначковость» важно обратить внимание на семантико-символический потенциал лексических единиц формулы. Основными являются единицы с семой ‘сидение’: *сиденье, сидеть, садиться*.

Сам ритуал (в значении ‘выработанный обычай или установленный порядок совершения чего-л., церемониал’⁵) сидения имеет символическое значение. В этом смысле лексемы *сиденье, сидеть* понимаются в значении ‘находиться в состоянии бездеятельности или покоя, отдыха’⁶. В русском народном этикете обычно этим действием заняты люди старшего поколения. В связи с чем в записях Архива СДК встречается следующий контекст: «– Если старушки сидят, то им говорят: “Сиденье вашему”, а они уж отвечают: “Сидеть по-нашему”» (СДК-41, Игнатово, Черепов. р-н., Волог. обл., 1987). Это же подтверждается и в Словаре русских народных говоров: ‘Мир вашему сиденью! Приветствие сидящим людям старшего возраста’⁷.

Сидение как особый род занятия старшего поколения непременно должен быть ознаменован миром и спокойствием. Может быть, в связи с этим пониманием в ситуации ткачества используется благопожелание *Сиденье вашему*, поскольку процесс ткачества символизирует гармонию и порядок в жизни. Как отмечают А. К. Байбури и А. Л. Топорков,

«в представлениях многих народов сидение имело отчетливо выраженный позитивный смысл. Оно связы-

валось с такими понятиями, как счастье, доля, удача» [2: 71].

Однако в словаре В. И. Даля встречается контекст, в котором выражен, скорее, отрицательный смысл этой формулы, сконцентрированный на продолжительности *сидения*: «Вашему сиденью наше почтение (говорят, когда кто кому наскучит или не хотят долее ожидать)»⁸. В этом явно просматривается амбивалентное символическое значение «повседневного церемониала».

Любопытно, что в первом текстовом варианте рассматриваемой обрядово-этикетной формулы сидение приобретает иное значение. Хорошего *сидения* желают полотну, из которого затем шьется одежда. В этом случае на вербальном уровне в лексемах *сидение*, *сидеть* актуализируется семантика ‘будучи надетым, располагаться на фигуре (или частях тела) тем или иным образом’⁹.

Заметим, что S3 в своем толковательном высказывании, где основное содержание пожелания заключено в предикатах, выраженных глаголами совершенного вида прошедшего времени, обращает внимание на важность совершения и завершения *ритуала* по всем принятым и предписанным правилам: *Гость и сядилса, чтоб полотно хорошо сядилось*. Символизм этого правила может считаться общеславянским, например, в Полесье «при “затыкании” (начало тканья. – А. Ч.) выгоняли из дому всех, кто не участвовал в работе, остальные должны были сесть, чтобы “лихо осело”»¹⁰. Из чего следует, что несоблюдение этого правила может повлиять на качество выполненной ткацкой работы, и цель не будет достигнута.

Особого внимания заслуживает и предметная составляющая ткачества, которая в анализируемой формуле заключается в лексеме *полотно*. Этимологически *полотно* восходит к «праслав. *polъno родственно др.-инд. *paṭas* м. ‘ткань, одежда, покрывало, картина’ (из **palta-*)»¹¹ и к «плать ‘кусочек материи’»¹². *Полотно* часто определяется как ‘гладкая льняная или хлопчатобумажная ткань, выработанная из основы и утка одинаковой толщины и плотности’¹³. Если учитывать, что целое полотно (ткань) состоит

из крепко соединенных частей (кусков ткани), то лексема *полотно* семантически сближается с лексемой *плотный* как ‘имеющий тесно соединенные части или содержащий большое количество чего-н. в малом объеме, пространстве’¹⁴. Этому семантическому сближению (семантической аттракции) способствует, вероятно, и фонетическая близость, звуковая похожесть двух слов, что для наивной этимологии устноречевой практики – явление привычное. Возможно, именно поэтому в формуле задействовано это слово-символ, которое уже в себе самом заключает положительный смысл благопожелания, его ‘прочность, надежность, крепость’.

Следовательно, в ситуации этикетного приветствия-благопожелания во время ткачества прослеживается тесная символическая связь вербального, акционального и предметного кодов, отмечаемая этнолингвистами как естественная черта любого обрядового текста: гость должен *сидиться* (знак-действие) таким образом, как желает (знак-слово), чтобы у хозяйки после окончания работы *сидилось полотно* (знак-предмет), то есть *плотно* (‘прочно, хорошо, удобно’), что соотносится как с ритуалом (максимальная знаковость), так и с этикетным действием (минимальная знаковость).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обрядно-этикетная формула-приветствие, воспроизводимая в ситуации ткачества, имеет контаминированное символическое значение, заключающееся, в первую очередь, в лексеме *сидение* и в самом действии, его обозначающем. Мифологический потенциал ритуала и этикетная повседневность, переплетаясь друг с другом, создают особое культурное целое, выраженное и закрепленное на вербальном уровне, что в целом дает право понимать этикет как «ритуал, лишенный жесткости и обязательности и опрокинутый в повседневность, но сохранивший при этом некоторые из своих содержательных характеристик» [2: 161]. Представляя собой особое диалогическое единство, рассматриваемая обрядово-этикетная формула подпадает под эту характеристику, чем демонстрирует амбивалентное звучание, имеющее отношение как к ритуалу, так и к этикету.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее при текстовой иллюстрации из материалов архива экспедиций принимаются следующие сокращения: СДК (название программы экспедиции), номер архивной тетради, наименование места записи (село, район, область), год экспедиции.

² Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 273–278.

³ Терминология Л. Ю. Зориной [7].

- ⁴ Русская грамматика. М.: Наука, 1980 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/index1.html> (дата обращения 09.05.2023).
- ⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 09.05.2023).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Словарь русских народных говоров: В 46 т. Вып. 37. СПб., 2003. С. 282.
- ⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863–1866 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения 12.06.2023).
- ⁹ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 09.05.2023).
- ¹⁰ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 273–278.
- ¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1987 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения 15.06.2023).
- ¹² Этимологический словарь Шанского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/shansky?page=4&letter=п> (дата обращения 12.06.2023).
- ¹³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с
- ¹⁴ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева С. Б. Ритуал, он же – обряд. Разговор об определениях // Персонал-Микс. 2007. Вып. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php (дата обращения 16.06.2023).
2. Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1990. 168 с.
3. Бобрик М. А. Механизмы прагматикализации в истории русской формулы прощания *счастливо!* // Вопросы языкознания. 2021. № 1. С. 73–80.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 405 с.
5. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 207 с.
6. Зеленин Д. К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // Советская этнография. 1935. № 5. С. 3–16.
7. Зорина Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте народной культуры. Вологда: ВПГУ, 2012. 216 с.
8. Иванов Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 4. С. 898–924.
9. Мешкова О. В. Типы благопожеланий в традиционном русском родильно-крестильном обряде // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34. Вып. 49. С. 69–72.
10. Садова Т. С. Законы подобия и аналогии между знаками сна и реальности в русском народном соннике // Русский язык в школе и дома. 2011. № 9. С. 12–14.
11. Садова Т. С. Народная примета как текст. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. 212 с.
12. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 624 с.

Поступила в редакцию 19.06.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Anastasia A. Chekina, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
fillinfolk@gmail.com

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF ONE RITUAL ETIQUETTE FORMULA OF FOLK SPEECH IN THE SITUATION OF WEAVING

Abstract. The article deals with the ritual etiquette formula of folk speech (benevolent utterance) pronounced in the situation of weaving (*Sidenye vashemu!*), in the context of the interaction of ritual and etiquette. In traditional communication, ritual and etiquette form a complex and often interrelated cultural phenomenon, influencing the symbolic, mythological, and pragmatic functions of folk speech etiquette. The article analyzes a speech formula of benevolence aiming to reveal its structural and semantic peculiarities in the context of “ritual – etiquette” opposition and a number of consequential semantic oppositions: “sacredness – everyday life”, “collectivity – individuality”, “semioticity – non-semioticity”. Attention is drawn to the special form of dialogical unity represented by the stimulus utterance (*Sidenye vashemu!*) and the response utterance (*Sidet’ po-nashemu!*). Attention is focused on the symbolic

semantic bivalence of the lexeme *sidenye* (*seat*) as a nuclear component of the formula. The analysis is performed in the ethnolinguistic context, which includes the action, verbal, and object levels. The conclusion is made about the contaminated meaning of mythological (ritual) and pragmatic (etiquette) subtexts in the situation of weaving, one of the regular activities of rural women.

Key words: ritual, folk-speech etiquette, ritual etiquette formula, semantic opposition, good wishes, weaving situation

For citation: Chekina, A. A. Structural and semantic features of one ritual etiquette formula of folk speech in the situation of weaving. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):23–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.936

REFERENCES

1. Adonyeva, S. B. Ritual aka rite. Discussion on definitions. *Personnel-Mix*. 2007;6. Available at: http://folk.ru/Research/adonyeva_ritual_2007.php (accessed 16.06.2023). (In Russ.)
2. Baiburin, A. K., Toporkov, A. L. At the origins of etiquette. Leningrad, 1990. 168 p. (In Russ.)
3. Bobrik, M. A. Pragmaticalization mechanisms in the history of the Russian farewell formula *sčastlivo!* *Topics in the Study of Language*. 2021;1:73–80. (In Russ.)
4. Veselovsky, A. N. Historical poetics. Moscow, 1989. 405 p. (In Russ.)
5. Eremina, V. I. Ritual and folklore. Leningrad, 1991. 207 p. (In Russ.)
6. Zelenin, D. K. Interpretation of remnant religious rites. *Soviet Ethnography*. 1935;5:3–16. (In Russ.)
7. Zorina, L. Yu. Vologda dialectal benevolent wishes in the context of folk culture. Vologda, 2012. 216 p. (In Russ.)
8. Ivanov, E. E. Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022;13(4):898–924. (In Russ.)
9. Meshkova, O. V. Types of benevolent wishes in the traditional Russian maternity and baptismal rite. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;34(49):69–72. (In Russ.)
10. Sadova, T. S. Laws of similarity and analogy between the signs of sleep and reality in the Russian folk dream book. *Russian Language at School and at Home*. 2011;9:12–14. (In Russ.)
11. Sadova, T. S. Folk superstition as a text. St. Petersburg, 2003. 212 p. (In Russ.)
12. Shakhmatov, A. A. Syntax of the Russian language. Moscow, 1941. 624 p. (In Russ.)

Received: 19 June 2023; accepted: 3 August 2023

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ТИСЛЕНКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Волгоградский государственный технический университет
(Волгоград, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7202-2773; tislenkova@bk.ru

АКЦЕНТИРОВАННОСТЬ В СТРУКТУРЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕМОНСТРАТИВНОСТИ

А н н о т а ц и я . Акцентированность играет ведущую роль в организации феномена коммуникативной демонстративности, выделяет и транслирует значимую информацию о говорящем. Цель исследования состоит в выявлении и описании свойств и средств актуализации акцентированности. Используются междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. Исследование показывает, что акцентированность, употребляемая для выделения значимого посыла, реализуется сочетанием эмфазы и перформанса. Перформанс представляет собой процессуальный акт его автора, происходящий по собственному сценарию с вовлечением адресата и использованием аудиовизуального канала восприятия, усиливающего психологическое воздействие на реципиента. Выявляются языковые средства актуализации перформанса: невербальные иконические знаки, эффектная внешность говорящего, речевые стратегии манипуляции, речевой прием парадокса, гиперболические тропы, антитеза, усилительные частицы, демонстрация положительных и отрицательных чувств просодическими средствами, повторяющееся употребление местоимения *я*. Описывается свойство эмфатичности фокусировать внимание собеседника на характеристиках личности говорящего с целью получения ею признания, сочувствия, похвалы или поддержки. Рассматриваются средства выражения эмфатичности: лексический повтор, тропы, эмоциональные наречия, деформированные фразеологизмы, дискурсивные слова (лексические средства), паузация, скандированная речь, высокий тембр голоса (просодические средства). Полученные результаты могут быть использованы в курсе семиотики и психолингвистики.

Ключевые слова: акцентированность речи, коммуникативная демонстративность, эмфаза, перформанс, самопрезентация

Для цитирования: Тисленкова И. А. Акцентированность в структуре коммуникативной демонстративности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.937

ВВЕДЕНИЕ

Новая информационная эпоха значительно изменила речь, особенно такие ее признаки, как конвенциональность и нормативность. Ученые отмечают тенденцию дискурсов века технологий к повсеместному господству коммуникативной демонстративности с отходом от сложившихся в национальных культурах этических традиций [12: 58]. Демонстративность как структурно-образующая коммуникативная категория спектрального типа – тональность, определяет процесс современного речевого взаимодействия, выполняя функцию самоманифестации и средства воздействия на адресата [8].

На основе принципа бинарной оппозиции ядерными компонентами данной коммуника-

тивной категории нам видятся: акцентированность – вычленение личностного положительного или отрицательного свойства с целью его закрепления в сознании реципиента, самопрезентация – демонстрация коммуникантом имеющихся успехов и достижений и преувеличение – представление чего-то более важным или драматичным, чем в реальности [15].

Гипотезой исследования является положение о том, что акцентированность играет центральную роль в организации феномена демонстративности, выделяя и транслируя значимую информацию о говорящем посредством сочетания эмфатичности и перформанса. Категории акцентированности, демонстративности, эмотивности и эмфатичности тесно взаимосвязаны. Эмфаза

и эмотивность находятся в отношениях включения. Коммуникативная демонстративность проявляет себя среди прочих посредством акцентированности, выражаемой эмотивами.

Цель исследования – выявить и описать основные свойства и средства выражения акцентированности как ведущего компонента коммуникативной категории демонстративности. В процессе работы использовались междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. Материалом для анализа акцентированности стали высказывания участников теле- и радиointервью 2015, 2017, 2020 и 2021 годов длительностью 250 минут, общим объемом 44 193 слова.

КАТЕГОРИЯ ЭМФАТИЧНОСТИ

Эмфатичность описывается как смысловая экспрессивность части или целого высказывания, раскрывающая добавочный внелингвистический смысл сообщаемого [5]. Языковая личность пользуется эмфатизацией для демонстрации собственной ценности адресату посредством эмотивов [14], [19]. Эмфатичность точно и образно формирует языковой и психологический портрет говорящего, отражающий индивидуальные характеристики его личности, и проявляется на всех языковых уровнях [3], [18].

На уровне фонетики эмфатизация устанавливает образно-психологическую связь фонемы с определенной эмоцией. При конструировании высказывания человек подсознательно использует слова с теми звуками, которые имеют эмоциональное значение, соответствующее направленности его личности. Кооперативный тип имеет положительный настрой, больше используя звуки [а], [л’], [м’]; аргументирующий тип – [о], [у], [и], [э]; доминантный – [ы]; конфликтный – [р]¹.

На уровне лексики эмфатизация маркирует группу единиц, выражающих побуждения личности, называет различные модальные смыслы и их градацию (*любить – обожать, недолюбливать – ненавидеть*).

На уровне фразеологии – присутствует в экспрессивных свойствах эмотивных фразеологических единиц разных структурных видов, обозначающих свои убеждения: *О, Боже! Честное слово!* [17].

На морфемном уровне – в эмфатических морфемах, подчеркивающих психологические особенности коммуниканта (*человек – сверхчеловек, полный – переполненный*).

На морфологическом – в междометиях и дискурсивах, выделяющих мотивы говорящего (*ой, ах, ого, прямо, едва, почти, только, конечно*) [16].

На уровне синтаксиса – в структурах экспрессивного синтаксиса (вставных, парцелированных и сегментированных конструкциях, лексическом повторе с синтаксическим распространением, группах номинативных предложений), доминантных средствах – фигурах речи: расположения (параллелизме, хиазме), прибавления (градации, анафоре, полисиндетоне, эпифоре, симплоке, анадиплозисе) и убавления (зевгме, эллипсисе) [1: 90], [4: 105]. Например:

(1) «Если говорить честно, вот так честно, положила руку на сердце, без влюбленности я жить не могла. Это какие-то были сплошные романы» (37.20–37.31 мин.)².

В примере (1) акцентированность, выраженная лексическим повтором в сочетании с фразеологизмом в значении ‘совершенно откровенно’ (*положила руку на сердце*), наречием *вот так* с пометой *экспрес.*, дискурсивным словом *какие-то* и гиперболизированным эпитетом (*сплошные романы*), помогает писательнице А. Гербер показать свое значимое качество – способность любить и быть любимой. В начале первого предложения говорящая делает три паузы для усиления эффекта от сказанного в конце: *Если говорить честно | вот так честно | положила руку на сердце | без влюбленности я жить не могла*. Вводно-модальный элемент *если говорить честно*, аналогичный синониму *честно говоря*, также участвует в привлечении внимания собеседника. Суждение оформляется преимущественным использованием гласных [а], [э] и согласных [т], [л], [р], отражающих романтическую настроенность личности.

(2) «Вы лезете в мою постель, в мой мозг, в мое нижнее белье, в самое личное дело, которое вас не касается» (40.31–40.48 мин.)³.

В высказывании (2) акцентным выделением служит зевгма, включающая деформированный фразеологизм *лезть не в свое дело*, построенный на приеме парадокса и подчеркивающий гротескный образ исполнительницы психоделического панк-рока Нутт, которая придерживается мнения о том, что у человека должна быть безграничная свобода, чтобы быть сумасшедшим. Просодические средства акцентуации данной мысли включают четыре паузы (*Вы лезете в мою постель | в мой мозг | в мое нижнее белье | в самое личное дело, которое вас не касается*), скандированный характер произнесения слов и высокий тембр голоса. Преобладание сонорных [м], [н], [л] передает сетование продуцента речи на дискриминацию социума в отношении нее, в то время как повто-

ряющийся свистящий [с] показывает ее озлобленность и обиду.

В устной речи просодия играет главную роль в выражении эмфазы, так как чаще всего репрезентирует индивидуальные эмоционально-модальные диспозиции коммуниканта. Просодические средства выражения эмфазы обеспечивают выразительность звучащей речи, так как говорящий обозначает с их помощью свои ценностные установки [2].

КАТЕГОРИЯ ПЕРФОРМАНСА

Французский философ Г. Дебор характеризует социум настоящего времени как «общество спектакля», «общество распыленного зрелища»⁴. Таким образом, общение с учетом данной концепции представляется как обмен информацией, включающий перформанс [6], [13]. В парадигме социолингвистики перформанс истолковывается как проявление в межличностном общении театральности, искусности представления социальной роли [9].

Исполняя перформансы в повседневном общении, коммуниканты пользуются в качестве иконических знаков своим интерьером, домом, имуществом, предметами роскоши, одеждой, украшениями, косметикой. Частью перформанса может быть заранее спланированное и подготовленное поведение – демонстрация отчаяния, радости и прочее. Образно говоря, человек обладает публичной личностью, играющей на сцене [7]. Например:

(3) «Саня нормальнее, чем вы все вместе взятые» (12.34–12.40 мин.)⁵.

(4) «Тем, кто смотрит на... мои накрашенные ногти, стоит задуматься о собственной ориентации» (3.36–3.40 мин.)⁶.

В примерах (3) и (4) эксцентричный блогер А. Шпак создает мнение о себе с помощью невербальных единиц акцентированности: татуировок, женского макияжа, прически и маникюра. Коммуникант транслирует досаду на непонимание его позиции окружающими через употребление гласного [ы], сонорных [м], [н], [р] и свистящего [с]. Стилистические фигуры включают гиперболу (*чем вы все вместе взятые*). Говорящий использует некооперативную речевую стратегию, которая содержится в побудительном предложении (*стоит задуматься*), разграничении *я* и *вы*. Указанные средства создают имидж борца со стереотипами.

Перформансы нацелены на создание положительного общественного мнения о человеке. Его самопрезентация в роли достойной одобрения

персоны основывается на трансляции высокого мнения о себе, своей оригинальности и незаурядной личной позиции [10].

Языковая деятельность перформанса отличается следующими внутренними свойствами: игровое начало (создание и реализация сюжета, ряда событий, противоречий и конфликта), китчевость, зрелищность, взаимодействие, передача психического настроения реципиенту и ритуальный характер.

Дискурс перформанса образуется на основе специфических стратегий и приемов: эффектный образ, действующий на воображение реципиента; чередование уже существующих фактов и новых рассуждений, подогревающих интерес адресата; привлечение внимания; фактор неожиданности; вовлечение в коммуникативный процесс; передача психического настроения (необходимых чувств); психологическое влияние (передача идей); управление мышлением (манипуляция) и управление интеракцией (вызывание целевой реакции) [10]. Например:

(5) «Я даже вам сейчас себя разоблачу, и многие женщины сейчас презрительно улыбнутся: Я обожаю мыть посуду. Я умею все... Я очень красиво готовлю. Все что угодно могу» (17.12–17.18 мин., 17.35–17.42 мин.)⁷.

В высказывании (5) актер Лев Дуров прибегает к акцентированности, реализуемой речевой стратегией «управление интеракцией», выраженной повторяющимся местоимением *я*, вводным предложением, антитезой (*презрительно улыбнутся – очень красиво готовлю*) и гиперболой (*Я умею все. Все что угодно могу... обожаю мыть посуду*). Слушая говорящего, реципиент видит перед собой хорошего хозяина, который гордится своими умениями.

Арсенал речевых приемов перформанса, формирующих впечатление о продуcente дискурса, составляют: неожиданная формулировка, вызывающая недоумение; риторический вопрос, подталкивающий к размышлению; средства выразительности речи; цитаты; пословицы, притчи, афоризмы, девизы, яркие фразеологизмы, освежающие привычные стереотипы и оптимизирующие восприятие информации; юмористическая тональность, анекдоты и шутки, которые устанавливают положительный эмоциональный контакт с актором; парадокс; доверительная тональность, создающая у адресата уверенность в порядочности и доброжелательности говорящего [11]. Например,

(6) «Так вот, я делаю больше, чем Иисус Христос...» (19.11–19.16 мин.)⁸.

Акцентированность в реплике Н. Джигурды о себе (б) строится на парадоксе, выраженном гиперболическим сравнением, который представляет актера как личность свободную от каких-либо ограничений в раскрытии своей жизненной позиции. Интонационным выделением мысли является усилительная частица *так вот*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящее время акцентированность, свойство коммуникативной демонстративности, повсеместно используется как средство аттрактивного вербального поведения говорящих, вызванное необходимостью трансляции уникальности личности коммуникантов и ее закрепления в сознании реципиентов. Акцентированность, употребляемая для выделения значимого посыла, реализуется сочетанием эмфазы и перформанса.

Перформанс, процессуальный акт его автора, происходит по собственному сценарию с вовлечением адресата. В процессе такой коммуникации задействуется аудиовизуальный канал

восприятия, усиливающий психологическое воздействие и обостряющий эмоциональные переживания адресата. Языковые средства перформанса включают невербальные иконические знаки, эффектную внешность говорящего, речевые стратегии манипуляции, речевой прием парадокса, гиперболические тропы, антитезу, усилительные частицы, демонстрацию положительных чувств через употребление звуков [а], [э], [т], [л], [р], отрицательных – посредством [ы], [м], [н], [с], повторяющееся употребление местоимения *я*.

Эмфатичность выдвигает на первый план значение, создает новые контекстно-обусловленные смыслы, фокусирует внимание адресата на содержании личности говорящего с целью получения признания, сочувствия, похвалы или поддержки. К средствам эмфатичности относятся: лексический повтор, тропы, эмоциональные наречия, деформированные фразеологизмы, дискурсивные слова (лексические средства), паузация, скандированная речь, высокий тембр голоса (просодические средства).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: На материале русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004. 48 с.
- ² Алла Гербер. Линия жизни. 56:41 мин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=jURam_k533U (дата обращения 27.05.2023).
- ³ Нутт – самый яркий фрик России. Эксклюзивное интервью 57:02 мин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=mOh4m2b_20Q (дата обращения 27.05.2023).
- ⁴ Дебор Г. Э. Общество спектакля. М.: Лоуоу (Радек), 2000. 183 с.
- ⁵ Александр Шпак: фрик – интеллигент. Зачем мужику красный маникюр и силиконовая грудь? 28:04 мин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=KaR0ynYewOo&t=324s> 27.02.2020 (дата обращения 27.05.2023).
- ⁶ Александр Шпак о себе и своей внешности. 4:42 мин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5CIPZ65fZNE> 24.11.2015 (дата обращения 27.05.2023).
- ⁷ Лев Дуров. Линия жизни. 51:32 мин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=SMOTRIM_KULTURA 01.12.2017 (дата обращения 27.05.2023).
- ⁸ Никита Джигурда: Я к жизни отношусь как игре в театре. 44:09 мин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://radiokp.ru/podcast/pari-s-dianoy-kadi/409019> 02.05.2021 (дата обращения 27.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
2. Алдиева М. Ш., Амирова П. Р. К вопросу о модально-эмоциональной функции интонации в языке // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 627–629.
3. Варуха И. В., Шамсутдинова Ю. Х. Методы исследования эмотивной лексики // Филология: научные исследования. 2021. № 8. С. 67–74.
4. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103–124.
5. Динькевич А. В. Языковые средства выражения эмфазы в новостном дискурсе // На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования II: Сб. науч. ст. II Междунар. науч.-практ. интернет-конференции. Могилев, 07–18 декабря 2020 г. Могилев: Могилевский гос. ун-т имени А. А. Кулешова, 2021. С. 33–37.
6. Иванова М. В., Клушина Н. И. Креативные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 52–62.
7. Карасик В. И. Демонстративы в сетевом дискурсе: интерпретативный аспект // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 214–222.

8. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.
9. Плешкова Т. В. Обусловленность перехода знака в символ в перформансе // Молодые исследователи – современной науке: Сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 10 мая 2023 г. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. С. 125–130.
10. Плотникова С. Н. Перформанс в коммуникации: аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 4. С. 229–239.
11. Русакова О. Ф. Коммуникативные стратегии перформативного дискурса // Дискурс-Пи. 2014. № 1 (14). С. 12–14.
12. Синельникова Л. Н. Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века // Политическая лингвистика. 2009. № 29. С. 56–68.
13. Стаховская Ю. М. Самопрезентация цифрового поколения в социальных сетях: контекстуальные и аудиторные основания выбираемых стратегий // Информационное общество. 2020. № 1. С. 15–20.
14. Тисленкова И. А. Теоретические основы идентификации уровня профессионализма говорящего по речевым характеристикам в кадровом интервью // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 3. С. 148–159.
15. Тисленкова И. А. Языковые средства актуализации высокого уровня профессионализма говорящего в нарративном интервью (на материале английского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 8 (161). С. 146–152.
16. Фактуллина А. Ф. Эмфаза в английском языке и особенности ее перевода на русский язык // Актуальные проблемы современной филологии: Сб. материалов III Междунар. молодежной науч.-практ. конф., посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан и 110-летию создания Башкирского государственного университета, 10 апреля. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2019. С. 191–195.
17. Чарыев П. Б. Образность, как одно из условий создания эмотивно-оценочного отношения фразеологических единиц // Традиции и инновации в системе образования: Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. Карачаевск, 19–20 января 2018 г. Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У. Д. Алиева, 2018. С. 224–229.
18. Эргешова Г. С., Жусубалиева М. Т., Шавралиева Г. К. Основные проблемы изучения эмотивной лексики русского языка // Global Science and Innovations: Central Asia. 2021. Т. 5, № 9. С. 78–83.
19. Юлдашева М., Асророва Д. Изучение эмоционального благополучия // Ilm-fan va ta'lim. 2023. Т. 1, № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ilmfanvatalim.uz/index.php/ift/article/view/107> (дата обращения 27.05.2023).

Поступила в редакцию 27.06.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Irina A. Tislenkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation)
tislenkova@bk.ru

ACCENTUATION IN THE STRUCTURE OF COMMUNICATIVE DEMONSTRATIVENESS

Abstract. Accentuation plays the leading role in the organization of communicative demonstrativeness, highlighting and transmitting meaningful information about the speaker. The purpose of the study is to identify and describe the properties and means for actualizing accentuation. The interdisciplinary approach and the method of psycholinguistic analysis of the communicants' utterances were used. The study shows that the accentuation used to highlight a significant message is realized by the combination of emphasis and performance. Performance is defined as a procedural act of its author that takes place according to their own scenario with the involvement of the addressee using an audio-visual perception channel that enhances the psychological impact on the addressee. The study identified the following linguistic means of performance actualization: nonverbal iconic signs, impressive appearance of the speaker, speech manipulation strategies, the speech paradox technique, hyperbolic tropes, antithesis, amplifying particles, demonstration of positive and negative feelings by prosodic means, and repeated use of the pronoun "I". The paper also describes the property of emphasis to focus the addressee's attention on the characteristics of the speaker's personality in order to receive recognition, sympathy, praise or support. The means of expressing emphasis include lexical repetition, tropes, emotional adverbs, deformed phraseological units, discursive words (lexical means), pausing, chanted speech, and high timbre of voice (prosodic means). The obtained results can be used for study courses on semiotics and psycholinguistics.

Keywords: accentuation of speech, communicative demonstrativeness, emphasis, performance, self-presentation

For citation: Tislenkova, I. A. Accentuation in the structure of communicative demonstrativeness. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):29–34. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.937

REFERENCES

1. Akimova, G. N. New in the syntax of the modern Russian language. Moscow, 1990. 166 p. (In Russ.)
2. Aldieva, M. Sh., Amirova, P. R. On the question of the modal-emotional function of intonation in language. *The World of Science, Culture and Education*. 2022;6(97):627–629. (In Russ.)
3. Varukha, I. V., Shamsutdinova, Yu. Kh. The methods of studying emotive vocabulary. *Philology: Scientific Researches*. 2021;8:67–74. (In Russ.)
4. Galkina-Fedoruk, E. M. About expressiveness and emotionality in language. *Collection of articles on linguistics*. Moscow, 1958. P. 103–124. (In Russ.)
5. Din'kevich, A. V. Linguistic means of expressing emotion in news discourse. *At the crossroads of cultures: unity of language, literature and education II: Proceedings of the II international research and practice internet conference. Mogilev, December 07–18, 2020*. Mogilev, 2021. P. 33–37. (In Russ.)
6. Ivanova, M. V., Klushina, N. I. Creative opportunities of the language in online communication. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2021;1:52–62. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. Demonstrative in network discourse: an interpretive aspect. *Cognitive studies of language*. 2019;36:214–222. (In Russ.)
8. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. Modern discourse developmental trends. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;1:14–31. (In Russ.)
9. Pleshkova, T. V. Conditionality of the transition of a sign into a symbol in performance. *Young researchers to modern science: Proceedings of the VI international research and practice conference*. Petrozavodsk, 2023. P. 125–130. (In Russ.)
10. Plotnikova, S. N. Performance in communication: aspects of cognitive-discursive modeling. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2018;17(4):229–239. (In Russ.)
11. Rusakova, O. F. Communicative strategies of performative discourse. *Discourse-P*. 2014;1(14):12–14. (In Russ.)
12. Sinel'nikova, L. N. The signs of discursive matrix of the humanitarian field in the modern age. *Political Linguistics*. 2009;29:56–68. (In Russ.)
13. Stakhovskaya, Yu. M. Self-presentation of the digital generation in social media: contextual and audience bases of the chosen strategies. *Information Society*. 2020;1:15–20. (In Russ.)
14. Tislenkova, I. A. Theoretical basis for identifying the speaker's level of professionalism in a personnel interview. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2022;8(3):148–159. (In Russ.)
15. Tislenkova, I. A. Language means of the actualization of the high level of the speaker's professionalism in the narrative interview (based on the English language). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2021;8(161):146–152. (In Russ.)
16. Faktullina, A. F. Emphasis in the English language and the peculiarities of its translation into Russian. *Current issues in modern philology: Proceedings of the III international research and practice conference of young scientists dedicated to the 100th anniversary of the Republic of Bashkortostan and the 110th anniversary of Bashkir State University, April 10*. Ufa, 2019. P. 191–195. (In Russ.)
17. Charyev, P. B. Imagery as one of the conditions for creating emotive-evaluative relationships between phraseological units. *Traditions and innovations in the education system: Proceedings of the XIII international research and practice conference. Karachayevsk, January 19–20, 2018*. Karachayevsk, 2018. P. 224–229. (In Russ.)
18. Ergeshova, G. S., Zhusubalieva, M. T., Shavralieva, G. K. The main problems with studying the emotive vocabulary of the Russian language. *Global Science and Innovations: Central Asia*. 2021;5(9):78–83. (In Russ.)
19. Yuldasheva, M., Asrorova, D. The study of emotional well-being. *Ilm-fan va ta'lim*. 2023;1(4). Available at: <https://ilmfanvatalim.uz/index.php/ift/article/view/107> (accessed 27.05.2023). (In Russ.)

Received: 27 June 2023; accepted: 3 August 2023

НАДЕЖДА СТАНИСЛАВОВНА БРАТЧИКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

профессор кафедры лингвистики и профессиональной ориентации в области политических наук

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

n.bratchikova@mail.ru

КОМЕДИЯ Ю. ХЕЙЛАЛЫ «СОБРАНИЕ БУЛОЧНИКОВ»: СТРАТЕГИЯ ДОМСТИКАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

А н н о т а ц и я . Проводится сопоставительный анализ исходного текста и его перевода с точки зрения репрезентативности последнего на театральной сцене. Изучаются переводческие несовпадения, выявленные в переводе комедии Ю. Хейлалы «Собрание булочников» с финского языка на русский. В ходе исследования установлено, что переводческие несовпадения вызваны стремлением сделать пьесу пригодной для театральной сцены. Драматургический текст задает параметры работы, которым следуют переводчик и актер. Автор публикации, как и многие лингвисты, считает перевод театрального текста творческой адаптацией или версией. Выделяются три фактора, влияющие на выбор переводного эквивалента в театральном переводе. Определяющим фактором является требование сценичности перевода. Текст – лишь один из элементов спектакля (наряду с актерами, режиссурой, музыкальным сопровождением и оформлением). Вторым фактором является учет звукового восприятия текста, которое подразумевает не столько благозвучность, сколько аттрактивность звучащей речи. Слова испытывают на себе влияние структурной организации данного вида текста. Третий фактор – учет особенностей стилистики русского языка. В ситуации высказывания часто используются дейктические слова и личные местоимения. В переводе диалектизмы возможно сохранить, заменяя их, например, разговорно-обиходной лексикой. Говорящие имена (фамилии, ойконимы) переводятся с сохранением национального колорита (например, создание антропонимов с помощью суффиксов, типичных для языка оригинала). Живость языка является успехом перевода драматических текстов.
К л ю ч е в ы е с л о в а : перевод, театральная пьеса, переводческие несовпадения, финский язык, сценичность перевода, домствикация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Братчикова Н. С. Комедия Ю. Хейлалы «Собрание булочников»: стратегия домствикации в переводе драматургического текста // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 35–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.938

ВВЕДЕНИЕ

В зарубежной культуре труднее всего постигнуть и прочувствовать особенности национального театрального искусства. Литературные произведения блестяще переводятся на многие языки мира, шедевры кинематографического искусства дублируются профессиональными актерами, творения архитектуры, скульптуры и живописи не требуют вербальной интерпретации. С театром все обстоит гораздо сложнее. Драматургический текст задает параметры работы, которым следуют переводчик и актер. Пере-

водчик выступает наравне с творцом, он вносит коррективы в текст и редактирует текст с учетом сценической постановки. Многие лингвисты считают креативную иноязычную версию театрального текста творческой адаптацией или версией. Заметим, что окончательную версию перевода утверждает театральный эксперт, который зачастую не знает язык оригинала. Основной проблемой сценического перевода, то есть перевода пьесы для постановки на сцене, является невозможность сохранения всех особенностей формы и содержания исходного текста вследствие субъективно-объективного характера процесса

понимания, гетерогенности языков, литературных традиций, культур, сознаний автора и переводчика, актера. Необходимо выявить основные свойства оригинала для их воспроизведения в языке перевода и выполнить сопоставительный анализ с точки зрения их репрезентированности в тексте перевода, что позволит «исследовать художественный перевод как творческую деятельность по репрезентации сущности оригинала в принимающей культуре» [15: 130].

Материалом исследования является комедия финского писателя и журналиста Юрьё Хейлалы «Собрание булочников» (финск. Pullanpyörittäjien kokous), которая написана в 1905 году¹. Текст комедии хранится в фонде Театральной библиотеки в Санкт-Петербурге. Объект исследования – переводной текст комедии Ю. Хейлалы «Собрание булочников». Перевод выполнен автором данной публикации по просьбе коллектива Финского театра Петербурга. Премьера спектакля с переводом на русский язык состоялась в июне 2023 года.

Предметом исследования являются переводческие несовпадения, выявленные в переводе комедии Хейлалы. Цель исследования – изучить переводческие несовпадения. Задачи исследования: проанализировать культурный и эстетический контекст оригинала, а именно творческий путь автора, социально-культурный фон его жизни; рассмотреть идейность и эмотивность, образность и художественную форму оригинала; сопоставить оригинальный и переводной тексты; изучить текст перевода в соотношении с художественной формой оригинала; выявить специфику системы образов в переводном тексте с точки зрения репрезентированности образности в тексте оригинала; определить идейность и эмотивность текста перевода в соотношении с идейно-эмотивной основой оригинала; указать и объяснить причины переводческих несовпадений; оценить степень критичности произведенных замен в отношении сохранения эмотивности и образности оригинала; оценить «пригодность» переводного текста для постановки на сцене театра.

В соответствии с поставленными задачами и характером анализируемого материала использован комплекс взаимодополняющих методов исследования: метод лингвистического анализа, сравнительно-сопоставительный метод (сравнение перевода с оригиналом и самих переводов друг с другом). Сравнительно-сопоставительное изучение вариантов перевода позволило получить информацию о взаимосвязи между оригиналом и переводом, которая обусловлена раз-

личной структурой языков, задействованных в переводе, экстралингвистическими факторами, влияющими на ход процесса перевода. В работе описаны различные преобразования перевода. Кроме того, были проведены следующие виды анализа: культурологический, структуральный, семантический, контекстуальный, стилистический, интерпретационный.

Гипотеза исследования состоит в том, что театральные переводы позволяют внести в текст соответствующие корректировки с учетом сценической постановки. Переводческие несовпадения вызваны именно стремлением сделать пьесу пригодной для сцены. В ситуации высказывания часто используются дейктические слова и личные местоимения. Реплики в переводе должны сохранить социальную характеристику персонажей, для этого предлагается диалектизмы заменить разговорно-обиходной лексикой, сохранить национальный компонент в веллеризмах; говорящие имена, антропонимы и ойконимы лучше переводить с сохранением типичных грамматических показателей языка оригинала.

Перевод театральных пьес требует от переводчика особой вовлеченности в происходящее. Он становится незримым актером и наполняет перевод теми же эмоциями и чувствами, которые вкладывают в свою речь актеры спектакля. Формальный подход переводчика к своей работе разрушит магию театрального действия, и зритель не сможет сопереживать происходящему на сцене. Качественный театральный перевод – это всегда акт творчества переводчика. Перевод театральных пьес является сложнейшим видом перевода. Он требует высочайшей степени креативности, знания национальных культурных традиций носителей языка оригинального и переводного текста.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ТЕАТРАЛЬНЫМ ПЬЕСАМ И СЦЕНИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ

История формирования взглядов на театр отражает эволюцию представлений о театре как особой системе взаимосвязанных компонентов. Одними из первых полиэлементный характер театра описали представители Пражской школы семиотики П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон [11: 37].

Советский этнотеатровед П. Г. Богатырев одним из первых обратил внимание на то, что театр «должен уделять особое внимание словесной ткани драматических произведений, ибо в народном театре “сюжет отступает на второй план и часто служит только мотивировкой сло-

весных игр» [8: 59]. Он выделял такие яркие художественно-выразительные средства, как оксюморон, синонимия, игру омонимами и переносными значениями слов и выражений [8: 52]. Применительно к нашей теме это наблюдение имеет чрезвычайно важное значение, потому что переводной текст должен сохранить стилистику театрального произведения, передать метафорику оригинальных текстов. Анализируя природу театрального искусства, П. Г. Богатырев выделял наравне с художественными приемами (языковыми, пластическими, визуальными, интонационными) такие структурные компоненты, как сценическая площадка и зрительный зал, декорации, театральное освещение, коллективное творчество актеров, режиссера, движение и декламация. Исследователь подчеркивал важность импровизации в театральных постановках, указывал на неизменный прямой контакт с публикой [3]. Ценным для переводчика театральных пьес является замечание П. Г. Богатырева о том, что персонажи в народном театре общаются на разговорном языке, местами употребляя диалектные слова, порой намеренно искажая слова и предложения. Например, речь «инородцев» имитировалась через ошибки в окончаниях слов [3: 41]. По мнению П. Г. Богатырева, перспективным направлением в работе над театральными текстами в области перевода является передача анекдотов и речи иностранцев [3: 41].

Одной из самых значительных работ в области сценического перевода является монография чешского теоретика перевода и литературоведа Иржи Левого (1926–1967) «Искусство перевода». Рассматривая особенности перевода драматургических пьес, исследователь вводит понятие «неравномерной точности» перевода. Она объясняется комплексной системой театрального представления, включающего в себя помимо текста актерскую игру, режиссуру, сценическое оформление и музыку. «На сцене многие качества перевода проявляются иначе, нежели при чтении» [6: 14]. Текст, произносимый со сцены, должен вызывать быструю эмоциональную реакцию публики. Иржи Левый указывает, что каждая реплика должна обладать «мерой энергии». Задача переводчика заключается в организации фразы таким образом, чтобы ее конструкция передавала экспрессивные качества высказывания.

«Словарь театра» французского семиолога Патриса Пави относится к фундаментальным зарубежным исследованиям театра и природы драматического текста. Отдельная статья посвящена переводу для театра с целью постановки [10: 221–224]. Автор замечает, что

«перевод в целом и театральный перевод в частности изменили парадигмы: перевод больше нельзя уподоблять механизму создания семантической эквивалентности, механически скопированной с исходного текста. Перевод следует понимать как присвоение одного текста другим. Таким образом, теория перевода следует общей тенденции театральной семиотики, переориентируя свои задачи в свете теории рецепции» (цит. по [17]).

Патрис Пави подробно рассматривает присущую театру «ситуацию высказывания», то есть ситуацию произнесения актером переведенного текста в определенном месте и в определенное время. Переведенный текст перерабатывается режиссером, исполняется актерами на театральной сцене в музыкальном и световом оформлении, что влияет на понимание текста. Переводчик должен уметь распознать ситуацию прошлого, заключающуюся в понимании замысла писателя, и ситуацию грядущего, то есть ситуацию сценического высказывания, которая заключается в приспособлении перевода к постановке от мизансцены к мизансцене. При мизансценировании перевод может сокращаться или расширяться, но переводчик должен избегать нагромождения деталей или упрощения текста [17: 110–111]. В ситуации сценического высказывания могут использоваться дейктические слова, личные местоимения и паузы. Описания людей и окружающей обстановки переводятся в сценические указания. Акустические, пластические, мимические приемы могут заменить текст. Иными словами, драматический текст конкретизируется на сцене, словно заново создается.

Американский лингвист Сьюзен Басснетт не согласна с мнением Патриса Пави о театральном переводе. Она считает невыполнимой задачу переводчика перевести текст,

«который априори на исходном языке является неполным и содержит скрытый жестовый текст, на язык перевода, который также должен содержать скрытый жестовый текст» [17: 100].

Басснетт предлагает отдельно рассматривать и оценивать переводы пьес для публикации и для постановки. Переводчик определяет структуры, пригодные для сценической постановки, и переводит их на целевой язык, невзирая на возможные значительные лингвистические и стилистические изменения. Перевод для постановки должен выполняться в сотрудничестве с режиссером. Пригодность текста для сценической постановки является ключевым критерием качества перевода пьесы.

Сценичность драматургического перевода, то есть пригодность текста к постановке на сцене, стала предметом обсуждения многих научных публикаций [5], [16]. Под сценичностью подразуме-

меваются то, что говорится, как говорится актером на сцене, а также удобопроизносимость, легкочитаемость, идиоматичность. Излишняя склонность к поэтическим красотам, лексической окрашенности текста может оказаться губительной для перевода, предназначенного к постановке на сцене [9: 19]. Сценичность определяет структурную организацию текста, которая может быть выражена чередованием пауз и повторов [5: 50].

Подводя итоги краткого обзора материалов, посвященных театральным пьесам и сценическому переводу, отметим, что перевод должен быть пригоден для постановки на сцене, что предполагает идиоматичность речи, удобство его произнесения и восприятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор рассматриваемой комедии Юрье Хейлала (1882–1951) серьезно заинтересовался писательской работой, будучи машинистом локомотива. После публикации сборника рассказов и трех пьес он решил посвятить себя газетно-публицистической деятельности. Хейлала был редактором ряда журналов, в том числе литературного еженедельника «Вяйнмейнен». В издании «Пекарь» (*Leipuri*) он работал под псевдонимом Пекка Маттила. Видимо, знакомство с хлебобулочным производством в Финляндии послужило причиной написания комедии «Собрание булочников».

Хейлала написал около тридцати пьес, самыми известными из них стали «На железнодорожном вокзале» (*Rautatie-rakennuksella*), поставленная в 1920-х годах на сцене профессионального театра «Койтон Няйттямо» (*Koiton Näyttämö*)² в Хельсинки, и комедия «Собрание булочников» (*Pullan pyörittäjien kokous*).

Комедия «Собрание булочников» представляет собой социально-бытовую пьесу начала XX века. Тема производства хлеба и выпечки мучных изделий была очень актуальной для финского общества. Долгое время хлеб из пшеничной муки являлся лакомством и был частью рациона лишь представителей зажиточного класса. С конца XIX века в связи с развитием технологий хлеб из белой муки становится пищей всех слоев общества. История белого хлеба – это наглядный пример того, как некоторые привычки образа жизни богатых сословий постепенно передавались простым людям. В пьесе выделяется основная сюжетная линия, которая связана с описанием ежегодного собрания товарищества хлебопеков³. Вторая сюжетная линия представлена семейными парами, отношения которых далеки

от гармоничных. Мужья и жены не уважают, оскорбляют друг друга, при этом власть в доме находится в руках женщин. Героями пьесы выступают малообразованные деревенские хлебопеки. Булочных дел мастера напоминают господина Журдена из комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». Подобно ему, они пытаются примкнуть к более высокому сословию, но это получается неуклюже. Их недалекость проявляется в простодушно-откровенном рассказе о профессиональных хитростях. Они наживают капитал, уменьшая длину и толщину булок, подменяя тмин «мышинным пометом», изюм – дохлыми тараканами. Невежественность булочников проявляется в косноязычии, например, они говорят на корявом языке, вставляя шведские заимствования, выстраивают несуразные конструкции и придумывают нелепые обороты, подражая речи образованных людей, неуместно употребляют профессиональную лексику.

В комедии звучит ирония в отношении церковных обрядов, потерявших актуальность, но продолжавших по инерции существовать в обществе. Один из персонажей пытается воспроизвести текст проповеди, однако получается лишь пародия на нее.

Автор пьесы с юмором описывает пристрастие финнов к алкогольным напиткам. Один из пекарей повторяет словно заговор строку из частушки, высмеивающей чрезмерное увлечение водкой, тем самым пытаясь удержаться от пьянства.

Комедия позволяет взглянуть на финское общество как на классовое, в котором даже внутри небольшого профессионального сообщества малейшее превосходство в статусе и доходах позволяет надменно и пренебрежительно относиться к людям.

В процессе перевода пьесы «Собрание булочников» наиболее приемлемой оказалась стратегия доместикации, которая, как показывают научные исследования, чаще всего используется в работе над драматическими произведениями [1], [13], [17]. Например, круговой турецкий танец *зейбек* при метафорическом описании судебной волокиты переименован в *кадриль*:

«Minä noston tästä prosessin. Ja tanssivatpa turkinranseesia lakituvassa niin Leipälä kuin Nälkäläkin» (32). – «Я в суд на них подам. Тогда-то Булканен с Голодайненом в кадрили по судам закружатся».

Замена названия танца обусловлена не только близким характером исполнения двух народных танцев, популярностью кадрили в Финляндии, легкостью произношения слова на русском

языке, но и идиоматичностью выражения, позволяющего передать запутанный характер судебных обращений. Однако не во всех случаях доместикация уместна, так как лишает текст национального колорита. Например, в переводе мы сочли необходимым сохранить религиозную лексику, названия мер длины (*псалм, дюйм*). Употребление церковных слов позволяет передать атмосферу торжественности и пафосности мероприятия.

	Буквальный перевод	Сценический перевод
<i>Alkaisimmekohan veisaamalla virren värsyn</i> (19).	Давайте-ка начнем с пения куплета из молитвенного стиха.	А не спеть ли нам для начала строчку из псалма!

В переводе реплика была подвержена стилистической правке, в ходе которой повелительное наклонение было заменено сослагательным для передачи значения желательности и создания эффекта живой разговорной речи. Торжественность момента передается религиозной лексикой, которая сохранена в переводе. Однако финноязычным словам подобраны более лаконичные эквиваленты: *värsy* ‘куплет’ заменен словом *строка*, *virsi* ‘молитвенный стих’ словом *псалом*. Баланс между оригиналом и переводом сохраняется.

По мнению одного из персонажей, церковная лексика украшает речь, но в сочетании с кулинарной терминологией она превращается в смешную и нелепую: *siunattu yksimielisyyden hapatus* ‘благословенная закваска единства’, *siunattu taikina* ‘благословенное тесто’, *sakramentillinen sekoitus* ‘сакраментальная смесь’.

Учет контекста и условий развития действия на сцене позволяет в театральном переводе опускать слова, как, например, *toimitus* ‘церемония’ в следующей реплике:

	Буквальный перевод	Сценический перевод
<i>No, ehkä aletaan toimitus puheella</i> (20).	Но, пожалуй, давайте-ка начнем церемонию с речи.	Что ж, пожалуй, начнем с речи.

Для придания динамичности репликам переводчику пришлось в ряде случаев произвести синтаксические замены. Так, внутреннюю речь персонажа автор пьесы оформляет в виде сложноподчиненного предложения с придаточным условия. В комедии герой размышляет, где и чем он мог бы перекусить. Эти мысли представляют собой некий план действий, поэтому сложное предложение в переводе заменено несколькими простыми.

	Буквальный перевод	Сценический перевод
<i>Jos tästä menisi tuonne leipomon puolelle, ehkä siellä saisi maistella lämpymäisiä, sillä tuntuu paanensäni tuoreen leivän hajuhermoja kutkuttava haju</i> (13–14).	Вот бы пойти в пекарню, похуже, там можно отведать свежую выпечку, потому что аромат свежего хлеба уже щекочет обонятельные нервы в моем носу.	В пекарню что ли сгонять? Может, разживусь там чем-нибудь съестным. Как же свежим хлебом пахнет, аж в носу нервы зашекетало.

Значение пожелания (*Jos tästä menisi tuonne leipomon puolelle* ‘Вот бы пойти в пекарню’), которое в финском языке выражено конструкцией из глаголов *mennä* ‘пойти’ и *saada* ‘получить’ в форме условного наклонения в 3-м л. ед. ч. (*menisi; saisi*) и подчинительным союзом *jos* ‘если’, переведено предложением с частицей *ли*, которая несет оттенок призыва к действию. Глагол *пойму* заменен глаголом *сгонять*, позволяющим описать более стремительное движение. Глагол *maistella* ‘отведать, попробовать на вкус’ заменен разговорным словом *разжиться* в значении ‘раздобыть чего-нибудь’. Причинно-следственное придаточное с союзом *sillä* ‘потому что’ в русскоязычной версии представлено восклицательным предложением с частицей *как же* со значением удивления. Подобная замена обусловлена наличием финской усилительной частицы *-ra*, которая передает значение восторга. Просторечная частица *аж* добавлена с учетом социального статуса персонажа. Словосочетание *hajuhermoja* ‘обонятельные нервы’ упрощено до выражения «нервы в носу».

Реплика персонажа Кренделя, обращенная к жене, которая своим приходом прервала приветственную речь, в переводе была синтаксически перестроена.

	Буквальный перевод	Сценический перевод
<i>Älä keskeytä kokouksen tasaista juoksua</i> (22).	Не мешай ровному ведению собрания.	Не мешай. Собрание идет.

Замена в тексте перевода именной конструкции (*tasainen kokouksen juoksu* ‘ровное ведение собрания’) на предикативную, безусловно, вносит новый смысловой оттенок. Именная конструкция «составляет собственно наименование события», предикативная – сообщает о событии, однако при этом обладает значительно большим коммуникативным потенциалом, придает фразе разговорный характер [4: 46].

В процессе перевода театральной пьесы поиск необходимого слова требует напряженной работы, потому что оно должно быть не только точным, но и благозвучным, удобным

для слуха и восприятия зрителями, которые ситуационно эмоционально оценивают текст. В переводе пьесы чаще всего приходилось заменять общеупотребительные слова обиходно-разговорной лексикой. Например, сложное слово *loppuletkaus* ‘завершающее слово’ в русскоязычной версии звучит как «словцо под конец». Уменьшительно-ласкательная форма передает атмосферу непосредственности высказывания, разговорный характер речи и отражает невысокий культурный уровень персонажа.

	Буквальный перевод	Сценический перевод
<i>Se on mainio loppuletkaus</i> (13).	Это отличное завершающее слово.	Чудесное словцо под конец.

Вместо нейтрального, общеупотребительного слова *vieraskielinen* ‘иностранный’ в реплике одного из героев пьесы, осуждающего преклонение перед всем чужестранным, вводится разговорное слово *ненашинский*.

	Буквальный перевод	Сценический перевод
<i>Särähtääpä pahalta korvaani tuo vieraskielinen sana kippis</i> (31).	Это иноязычное слово «салют» резко звучит у меня в ушах.	Аж в ушах звенит от этого ненашинского «салюта».

Основными лингвистическими особенностями пьесы Хейлалы являются говорящие фамилии. Имена героев – это то, на что чаще всего читатель обращает внимание, поэтому выбор имен не случаен [14]. Смысловое имя – своеобразный троп, который, по мнению В. С. Виноградова, равнозначен метафоре или сравнению. Он необходим авторам для характеристики персонажа или окружающей среды [2: 81]. Вариант перевода литературного антропонима на другой язык должен отражать внутреннее содержание, заложенное в имени, то есть его семантическое наполнение, указывающее на ряд особенностей героя или выдуманной местности [2: 105].

Наиболее востребованным способом перевода антропонимов из финской комедии стало калькирование. Адекватность перевода получена благодаря учету особенностей сюжета и ассоциаций, производимых антропонимами. Причудливые фамилии персонажей отображают их род деятельности, например, *Rinkeli* (от *rinkeli* ‘крендель’) Крендель, *Kakku* (от *kakku* ‘торт’) Бриош⁴, *Pullanen* (от *pulla* ‘булка’) Слойканен, *Leipälä* (от *leipä* ‘хлеб’) Булканен, *Nisula* (от *nisu* ‘пшеница, зерно’) Зерновайнен.

Литературные антропонимы несут смысловую нагрузку. Например, фамилия подмастера Голодайнен (*Nälkälä*, от *nälkä* ‘голод’) обладает ярко выраженным ассоциативным фоном.

Выходец из бедной семьи, герой комедии постоянно испытывает голод:

«*Mutta nälkä kurraa suolissa enkä tiedä mistä ruokaa saisi kun reisukassani on tyhjä*» (12) – «Живот от голода свело. Чего бы съесть? В котомке совсем пусто»; «*...saisi tuohon jolisevaan vatsaansa jotain*» (13) – «...наполнить бы еще урчащее брюхо какой-нибудь едой».

Переводческой проблемой стали говорящие названия деревень. Например, название деревни *Jauhola*, которое образовано от слова *jauho* ‘мука’, в тексте перевода звучит как *Сайкала*. Имя деревни *Limppula*, в котором корневая морфема *limppi* означает ‘каравай’, переведено как *Сдобнала*. Решение по замене корней слов вызвано стремлением создать благозвучный вариант и избежать сходства с названиями русских сел (например, *Мучное*, *Караваево*). В переводах финских ойконимов на русский язык сохранен формант *-I-* (фонетический вариант *-la*) с локативной семантикой, который имеет глубокие прибалтийско-финские корни [7: 572–573], что позволяет сохранить национальный колорит.

Как известно, театральное произведение состоит целиком из «сценических диалогов» [6: 23]. Они обладают яркой экспрессивностью, гибкостью, звучностью и выразительностью, что должно быть отражено в переводе пьесы. Постановка текста на сцене допускает опущение и замену слов дейктическими указателями, поскольку сценичность предполагает физические действия актеров, отмеченные в ремарках. Например, реплика госпожи Бриош «*Ajattele tätä skandaalia*» букв. ‘Подумать только, какой скандал!’ была сокращена до словосочетания «Какой скандал!» (19) с сохранением субъективной оценки ситуации. Стихотворная строка «*jurpous on silmien puna, pullistus, hengen myös häijy haju*» (29) букв. ‘красные глаза, одутловатость и вонь’ переведена с некоторой конкретизацией и с ритмом, характерным для речитатива: «красные глаза, морда распухла и вонь изо рта».

Драма сценична тогда, когда есть слово-действие. Пьеса на сцене играет, поэтому автор создает систему реплик, необходимых для передачи целеустремленности и драматичности постановки. Это дает возможность актеру фантазировать, изобретать жесты и мимику, оставаясь в рамках единого действия, намеченного автором.

В театральном переводе широко используется инверсия, свойственная живой разговорной речи. Например, «*Pahanpäiväinen oppipojan uulikka huutaa*» букв. ‘Школяр глупый раскомандовался’ (6).

Речь героев отражает особенности характеров персонажей, чванство, тщеславие. Старшие по должности мастера пренебрежительно

обращаются к подмастерьям: вместо *kisälli* ‘подмастерье’ называют их *sälli*. Финский деминутив образован путем отбрасывания первого слога. В переводе решено было изменить слово *подмастерье* на *подмастер*, удалив окончание. К своему бывшему ученику хозяин обращается, называя его *tilli* ‘простак, недопека’. Оба слова *sälli* и *tilli* были заимствованы из шведского языка. В речи персонажей они приобретают негативную окраску и обидное значение. *Sälli* и *tilli* используются по отношению к людям, занимающим более низкую ступень в профессиональном и социальном плане. Определенная надменность мастера Кренделя объясняется его предположительно шведским происхождением, что доказывается неуклюжим владением финским языком. Например, он строит малохарактерные для финского языка конструкции, словно переводя их с другого языка: «*Tilli on syönyt Nälkälön suun kautta*» (30) букв. ‘Простак съел булку ртом Голодайнена’ – «Зубы простака Голодайнена обгрызли булку».

Председатель собрания мастер Крендель, гордясь своим статусом хозяина пекарни и стараясь произвести впечатление на окружающих, говорит витиеватыми конструкциями. Он произносит запутанные, неестественно звучащие фразы, которые постоянно забывает и путает:

«*Arvoisat... ei, kunnioitettavat herrat pullan pyörittäjät. Leipätaiteen... ei, pullataiteen edustajat, repesentantit, maamme kaikilta kulmilta ja kolkilta, tulikuumien uunien ja höyryävien pullien äärestä. Pullat ovat nousemassa keskuudessamme... Ei, pullataide on nousemassa keskuudessamme*» (7). – «Дорогие... нет, уважаемые господа булочники! Хлебного искусства... нет... нет, булочного искусства представители, реперзентанты, из дальних уголков и концов нашей страны, из краев огненно жарких печей и свежеспеченных булок».

Реплики этого персонажа построены как головоломка. Лексические конструкции представляют собой набор искаженных иностранных и устаревших слов. Комично звучит в речи Кренделя неправильно произносимое слово *repesentantti* ‘представитель, участник’, которое образовано от латинского *repraesentare* ‘представлять’. В переводе на русский язык было решено заменить его близким по звучанию словом *реперзентант*, в котором были поменяны местами буквы во втором слоге. Такая замена позволила сохранить стилистику высказывания и не нарушить речевой портрет персонажа.

Использование профессионализмов в обыденной речи героев пьесы создает комический эффект. Например, глагол *sekoittaa* ‘смешивать, перемешивать’ употребляется персонажами как в профессиональных, так и бытовых ситуаци-

ях: пекари ‘перемешивают тесто’ и слова у одного из действующих лиц ‘постоянно перемешиваются’. Слово *jästi* ‘дрожжи’ выступает в неожиданных сочетаниях, например *yksimielisyyden nostattava jästi* ‘дрожжи, поднимающие единство’, *veljeyden jästi* ‘дрожжи братства’. Слово *taikina* ‘тесто’ употребляется в различных нелепо звучащих сочетаниях, например *yksimielisyyden nisutaikina* ‘пшеничное тесто единства’, *suuri tulevaisuuden taikina* ‘пышное тесто будущего’. Подобные необычные конструкции позволяют избежать бесцветности текста и создают комичный эффект.

В речи героев часто встречаются стилистически сниженные слова, например *muija* ‘бабья’, сравнительные обороты: *talonpojan saapas* букв. ‘деревенский сапог’, ‘деревенский валенок’, просторечные выражения: *käykää puuta painamaan* ‘усаживайтесь!’ (17), *heikompi astia* ‘дырявое твоё корыто’ (обращаясь к мужу), ругательства *mitä hemmetin kujeita teillä on!* ‘Какого черта!’ (8). Такие выражения усиливают драматическое действие и передают эмоциональное состояние героев.

Персонажи употребляют в своей речи фразеологизмы (например, *sulla on aina niin kiire kuin sikaa pistäissä* «Всегда ты бегаешь, как поросё шелудивый» (14)); веллеризмы (*Lähettiin, sano tai löylyssä* «Ну, погнали, как сказала вошь, в парилке» (19); *Kippis, sano ruotsalainen* «Салют, как говорит швед» (30)).

Фразеологический оборот *haisee kuin ketun raatoa* букв. ‘воняет, как лисья туша’ (25) переводится более знакомым для русской речевой культуры выражением «что тухлая рыба».

Характерным для финской речевой культуры является обращение к женщине по фамилии с суффиксом *-iskal/-iskä*: *Leipälä* Булканен → *Leipäläiskä* ‘Буляшка’, наподобие русских прозвищ. Финские варианты женских имен не имеют коннотативной окраски. В переводе было решено передать значение суффикса, обращаясь к персонажу на *ты*: ‘ты Булканен’, в то время как по отношению к другой героине используется местоимение *вы*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве вывода укажем факторы, влияющие на выбор переводного эквивалента в театральном переводе. Первым фактором является требование сценичности перевода, то есть его пригодности для театральной сцены. Переводчик должен помнить о звуковом восприятии текста,

поскольку текст – это лишь один из элементов спектакля (наряду с актерами, режиссурой, музыкальным сопровождением и оформлением). Вторым фактором является учет тех особенностей, которые приобретают общелитературные слова в условиях использования в театральной пьесе. Третий фактор – учет особенностей стилистики русского языка. В ситуации высказывания, то есть постановки на сцене, часто используются дейктические слова и личные местоимения. В переводе диалектизмы возможно сохранить,

заменяя, например, их разговорно-обиходной лексикой. Говорящие имена (фамилии, ойконимы) переводятся с сохранением национального колорита (например, создание антропонимов с помощью суффиксов, типичных для языка оригинала). Живость языка является успехом перевода драматических текстов. Сложность работы над переводом драматургической пьесы вызвана ее небольшим объемом, что требует выбора точного слова и подбора лаконичной синтаксической конструкции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Heilala Y. Pullan pyörittäjäin kokous. Seuranätelmiä № 27. Hämeenlinna: Boman & Karlsson's kustannus, 1905. 37 p.

² В 1921 году в студию были зачислены первые профессиональные актеры. На этапе театральной студии репертуар состоял из народных представлений и пьес на социальные темы. Позже, получив статус профессионального, театр обратился к драмам, комедиям-фарсам и музыкальным спектаклям. В финансовом плане сцена Който не была успешной, поэтому в 1933 году она объединилась со студией «Кансан Няйттämö» (Kansan Näyttämö), образовав Народный театр Хельсинки (Helsingin Kansanteatteri), который, в свою очередь, в 1948 году подписал соглашение о сотрудничестве с Рабочим театром Хельсинки (Helsingin Työväenteatteri). Наконец, в 1965 году они объединились в городской театр Хельсинки (Helsingin Kaupunginteatteri).

³ В Финляндии пекари подразделялись на учеников, подмастерья и мастеров. Это была мужская работа, поскольку женщинам в конце XIX – начале XX века не разрешалось заниматься ремесленным трудом. Ученик и подмастерье полностью зависели от мастера как в бытовом, так и в материальном отношении. Ученики не получали зарплаты, подмастерья зарабатывали крошечные деньги. Получив элементарные представления о работе, подмастерья разъезжались по провинциям Финляндии для совершенствования своих навыков. Мастерами они становились примерно через пять лет стажировки, после чего могли открыть собственную пекарню [18: 9].

⁴ В фамилии Бриош намеренно не пишется мягкий знак, чтобы графически отделить антропоним от названия хлебобулочного изделия бриошь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисенко Ю. А., Макаров С. С. Проблемы перевода драматических произведений (на материале пьесы Д. Эдгара «Тестируя эхо») // Многоязычие в образовательном пространстве. 2019. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-dramaticheskikh-proizvedeniy-na-materiale-piesy-d-edgara-testiruuya-eho> (дата обращения 01.07.2023).
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Говенько Т. В. Кукольный театр в Мюнстере. Петр Григорьевич Богатырев // Научный альманах «Традиционная культура». 2015. № 2 (58). С. 39–43.
4. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: КомКнига, 2007. 368 с.
5. Куницына Е. Ю. Шекспир – Игра – Перевод. Иркутск: ИГЛУ, 2009. 434 с.
6. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 394 с.
7. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 567–577.
8. Некрылова А. Ф. Театр кукол в трудах П. Г. Богатырева // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. ред. С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 52–67.
9. Олицкая Д. А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 19–24.
10. Пави П. Словарь театра: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
11. Сорокина С. П. Подход П. Г. Богатырева к изучению фольклорного театра на фоне театральной теории и практики начала XX века // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. статей и материалов / Отв. ред. С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 34–41.
12. Топорков А. Л. Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева и проблемы истории русской фольклористики // Функционально-структуральный метод П. Г. Богатырева в современных исследова-

ниях фольклора: Сб. статей и материалов / Отв. ред. С. П. Сорокина и Л. В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 18–33.

13. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикиции в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4 (386). С. 202–207.
14. Шугаева Н. Ю., Кормилини Н. В. Стратегии перевода на английский язык говорящих имен Н. В. Гоголя // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 152–160 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-na-angliyskiy-yazyk-govoryaschih-imen-n-v-gogolya/viewer> (дата обращения 01.07.2023).
15. Шутемова Н. В. Сопоставительный анализ исходного и переводного текстов в соотношении с понятием поэтичности // Язык и культура. 2020. № 50. С. 129–151.
16. Щепалина В. В. Авторские эпитеты в драматургии А. Касоны: особенности функционирования и проблема перевода // Научный диалог. 2018. № 12. С. 195–205.
17. Bassnett S. Translating for the theatre: The case against performability // *Traduction, Terminologie, Redaction*. 1991. Vol. 4, № 1. P. 99–111.
18. Ujas R., Ujas P. *Leiväntekijät. Helsingin Leipomotyöntekijäin ammattiosaston tarina 1888–2018 / Helsingin Leipomotyöntekijäin ammattiosasto ry*. Helsinki: Keuruun Lautupaino Oy, 2019. 406 p.

Поступила в редакцию 03.07.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Nadezhda S. Bratchikova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
n.bratchikova@mail.ru

YRJÖ HEILALA'S COMEDY *THE MEETING OF BAKERS*: DOMESTICATION STRATEGY IN THE TRANSLATION OF DRAMATIC TEXT

Abstract. The paper conducts comparative analysis of the original and translated text in terms of the suitability and representability of the play on the theatrical stage. The article explores discrepancies identified in the Finnish-Russian translation of Yrjö Heilala's comedy *The Meeting of Bakers*. The research has found that translation discrepancies are caused by the desire to make the play suitable for the theatrical stage. The dramatic text sets the working parameters followed by the translator and actors. The author of the publication, like many linguists, sees the translation of theatrical text as its creative adaptation or version. Three factors influencing the choice of translation equivalents in theatrical translation are identified. The determining factor is the criterion of translation performability. The text is just one element of the performance (alongside actors, direction, musical accompaniment, and design). The second factor is the consideration of the auditory perception of the text, which implies not only euphony but also the attractiveness of spoken language. The words are influenced by the structural organization of this type of text. The third factor is the consideration of the stylistic features of the Russian language. Deictic words and personal pronouns are often used in speech situations. Translators can preserve dialectal expressions by replacing them, for example, with everyday colloquial vocabulary. Speaking names (surnames or toponyms) are translated while preserving national color (for example, creating anthroponyms using suffixes typical for the source language). The liveliness of language is a success in translating dramatic texts.

Keywords: translation, theatrical play, translation discrepancies, Finnish language, performability of translation, domestication

For citation: Bratchikova, N. S. Yrjö Heilala's comedy *The Meeting of Bakers*: domestication strategy in the translation of dramatic text. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):35–44. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.938

REFERENCES

1. Borisenko, Yu. A., Makarov, S. S. Translating drama: analysis of David Edgar's play "Testing the Echo. *Russian Journal of Multilingualism and Education*. 2019;11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-dramaticheskikh-proizvedeniy-na-materiale-piesy-d-edgara-testiruya-echo> (accessed 01.07.2023). (In Russ.)
2. Vinogradov, V. S. Introduction to translation studies (general and lexical issues). Moscow, 2001. 224 p. (In Russ.)
3. Goven'ko, T. V. Puppet-show in Münster. Petr Grigoryevich Bogatyrev. *Scholarly Almanac "Traditional Culture"*. 2015;2(58):39–43. (In Russ.)
4. Zolotova, G. A. Communicative aspects of Russian syntax. Moscow, 2007. 368 p. (In Russ.)
5. Kunitsyna, E. Yu. Shakespeare – Game – Translation. Irkutsk, 2009. 434 p. (In Russ.)

6. Levý, J. The art of translation. Moscow, 1974. 394 p. (In Russ.)
7. Mullonen, I. I. Oikonymic system of Southern Karelia in its development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(4):567–577. (In Russ.)
8. Nekrylova, A. F. Puppet theatre in the works of P. G. Bogatyrev. *Functional-structural method of P. G. Bogatyrev in modern folklore research: Collection of articles and materials*. (S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva, Eds.). Moscow, 2015. P. 52–67. (In Russ.)
9. Olitskaya, D. A. Drama translation: specificity, problems, approaches. *Tomsk State University Journal*. 2012;357:19–24. (In Russ.)
10. Pavis, P. Dictionary of the theatre. Moscow, 1991. 504 p. (In Russ.)
11. Sorokina, S. P. P. G. Bogatyrev's approach to the study of folklore theatre in the context of theatre theory and practice of the early XX century. *Functional-structural method of P. G. Bogatyrev in modern folklore research: Collection of articles and materials*. (S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva, Eds.). Moscow, 2015. P. 34–41. (In Russ.)
12. Toporkov, A. L. P. G. Bogatyrev's functional-structural method and the problems of the history of Russian folklore studies. *Functional-structural method of P. G. Bogatyrev in modern folklore research: Collection of articles and materials*. (S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva, Eds.). Moscow, 2015. P. 18–33. (In Russ.)
13. Shelestyuk, E. V., Gritsenko, E. D. Foreignization / domestication in translation and their linguistic evaluation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016;4(386):202–207. (In Russ.)
14. Shugaeva, N. Yu., Kormilina, N. V. Strategies of the translation of N. V. Gogol's charactonyms, or speaking names, into English. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2014;4(84):152–160. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-na-angliyskiy-yazyk-govoryaschih-imen-n-v-golya/viewer> (accessed 01.07.2023). (In Russ.)
15. Shutemova, N. V. Comparative analysis of source and target texts in reference with the notion of poeticity. *Language and Culture*. 2020;50:129–151. (In Russ.)
16. Shchepalina, V. V. Author's epithet in A. Kasona's dramas: features of functioning and problems of translation. *Scientific Dialogue*. 2018;12:195–205. (In Russ.)
17. Bassnett, S. Translating for the theatre: The case against performability. *Traduction, Terminologie, Redaction*. 1991;4(1):99–111.
18. Ujas, R., Uljas, P. Leiväntekijät. Helsingin Leipomotyöntekijäin ammattiosaston tarina 1888–2018 / Helsingin Leipomotyöntekijäin ammattiosasto ry. Helsinki, 2019. 406 p.

Received: 3 July 2023; accepted: 3 August 2023

ИРИНА ВИКТОРОВНА АРХИПОВА

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков
Новосибирский государственный педагогический университет
(Новосибирск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0685-335X; irarch@yandex.ru

НЕМЕЦКИЕ АФФИКСАЛЬНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ И ИХ ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются немецкие аффиксальные deverбативные имена существительные на -en, -ung, -t, -e в аспекте актуализации их таксисных функций, реализуемых в высказываниях с различными предлогами. Целью исследования является описание таксисного функционала deverбативов различных деривационных моделей, наследующих лексическую и вербальную семантику производящих глаголов и участвующих в процессе актуализации примарно-таксисных и секундарно-таксисных значений одновременности, предшествования и следования. Аффиксальные deverбативы различной лексической и словообразовательной семантики становятся таксисными партиципантами при условии сохранения ими вербальной и таксисной семантики, а также свойства ревербализуемости, позволяющего обратно трансформировать их в соответствующие производящие глаголы. Аффиксальные «ревербализуемые» deverбативы реализуют свои таксисные функции одновременности / разновременности в высказываниях, содержащих темпоральные и другие обстоятельственные предлоги. Предложно-deverbативные конструкции трансформируются в придаточные временные и другие обстоятельственные предложения с союзами аналогичной семантики при ревербализации deverбатива в производящий глагол. Диагностический тест на ревербализацию подтверждает их вербальные и таксисные потенции, контекстуально реализуемые как конкретные таксисные функции. Основные методы исследования – гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный и трансформационный. Результаты исследования вносят определенный вклад в теорию таксиса и могут быть использованы для проведения дальнейших исследований в области функциональной грамматики, анализирующих функционал отглагольных имен других языков, в том числе в сравнительно-типологическом аспекте.

К л ю ч е в ы е с л о в а : deverбативы, аффиксальные deverбативы, таксис, примарный таксис, секундарный таксис, таксисные функции

Д л я ц и т и р о в а н и я : Архипова И. В. Немецкие аффиксальные deverбативы и их таксисные функции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 45–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.939

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы описания лексической и аспектуальной семантики немецких deverбативов различных деривационных моделей находят освещение в ряде работ современных отечественных и зарубежных исследователей [1], [4], [6], [8], [9], [10], [11] и др. Е. В. Болотова исследует семантику процессуальных, агентивных и других deverбативов [2], [3]. Н. Н. Зольникова описывает deverбативы различных деривационных моделей [7]. Т. С. Глушак и В. Ф. Балакирев исследуют языковой статус отглагольных имен с суффиксом -ung [5]. Работы зарубежных лингвистов посвящены описанию семантико-синтаксических характеристик имен на -ung [12], [13], [14], [15].

В настоящей статье рассматриваются немецкие deverбативные имена существительные деривационных моделей на -en, -ung, -t и -e с позиции таксисных функций, реализуемых ими в высказываниях с различными предлогами обстоятельственной семантики.

Материалом исследования послужили немецкие высказывания с аффиксальными deverбативами с предлогами, полученные методом направленной выборки из базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC)¹ и Электронного словаря немецкого языка (DWDS)².

В ходе исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный и трансформационный методы,

а также элементы компонентного и дистрибутивного анализа.

ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ ИМЕН НА -EN

Немецкие девербативы на -en наследуют лексическую и аспектуальную семантику производящих их глаголов в максимальной степени. Сохраняя глагольную семантику, они имеют статус девербативов с абсолютными таксисными функциями. К таким именам относятся стальные, процессуальные, событийные и акциональные девербативы. Стальные имена являются образованиями стальных глаголов и характеризуются семами дуративности (длительности) и имперфективности (непредельности) (см. *das Stehen, das Sitzen, das Liegen* и др.). Девербативам, обозначающим дуративные или трансформативные процессы и являющимся производными глаголов процессуальной семантики, свойственны семы имперфективности / перфективности и дуративности / недуративности (см. *das Schlafen, das Einschlafen, das Erwachen, das Nachdenken, das Beobachten, das Betrachten, das Schweigen, das Schauen, das Zuschauen, das Sehen, das Zusehen, das Hören, das Zuhören* и др.). Событийные девербативы являются производными событийных глаголов результативной или моментативной семантики (см. *das Erscheinen, das Eintreffen* и др.). Акциональные девербативы могут быть образованиями перфективных и неперфективных глаголов, сохраняя их аспектуальные характеристики недуративности или дуративности (см. *das Gehen, das Kommen, das Fahren, das Laufen, das Reiten, das Fliegen* и др.). Как правило, все акциональные девербативы на -en актуализируют таксисные значения. Исключение составляют некоторые девербативы типа *das Essen / das Abendessen / das Mittagessen, das Schreiben*, которые могут обозначать не только действие, но и его результат, получая «опредмеченное значение», ср.:

(1) *Beim Essen* erzählt Skuratow, weshalb er hier ist (DWDS).

(2) *Nach dem Mittagessen*, das ihm mehr als einmal durch «Schemelstrecken» gewürzt wird, tritt der Rekrut an zum Appell (DWDS).

В высказывании (1) девербатив *das Essen* в значении «прием пищи» («Mahlzeit») (DWDS) реализует примарно-таксисное значение одновременности, а в примере (2) при употреблении в значении «еда, приготовленная для еды определенная часть» («*die für eine Mahlzeit zubereiteten Speisen bestimmte Portion, Mahlzeit*») (DWDS)

он не участвует в процессе таксисной актуализации.

Диагностическими маркерами вербальности и таксисности имен на -en выступает их семантическая избирательность, то есть употребление с именами прилагательными с семами, обозначающими характер протекания и его «распределение во времени» (дуративность, недуративность или кратковременность и др.), а также обстоятельственная функция времени, условия, цели, причины и др., например:

(3) *Bei genauerem Nachdenken* aber hat er recht (LC).

(4) *Nach langem Schweigen* sorgte Luke Mockridge mit seinem Statement am Wochenende nicht nur auf Instagram für viel Wirbel (LC).

В приведенных выше высказываниях процессуальные девербативы *das Nachdenken* и *das Schweigen* употреблены с качественным и дуративным атрибутами *genauer* и *lang* в функции обстоятельства условия (см. пример 3) и времени (см. пример 4).

Девербативы с максимальной степенью вербальности и таксисности являются ревербализуемыми, поскольку они трансформируются в производящие их глаголы аналогичной лексической семантики. В сочетании с предлогами темпоральной и другой обстоятельственной семантики *während, bei, in, durch, mit, nach, vor, seit, bis* и др. они способны к трансформации в соответствующие виды придаточных предложений с синонимичными союзами *als, wenn, nachdem, seitdem, bevor, wobei, indem* и др., например:

(5) *Beim Schlafen* sind wir froh... (LC). → *Wenn wir schlafen*, sind wir froh...

(6) ...und *beim Zuhören* vergaß ich vollkommen, dass die Kameras liefen (LC). → ...*als ich zuhörte*, vergaß ich vollkommen, dass die Kameras liefen.

(7) Sogar *beim Sprechen* geriet er ausser Atem (LC). → *Sogar als er sprach*, geriet er ausser Atem.

(8) *Beim Schreiben* habe ich feste Rituale (LC). → *Wenn ich schreibe*, habe ich feste Rituale.

(9) Doch Conor feuert *im Sitzen* noch eine letzte Attacke in Richtung Poirier (LC). → Doch Conor feuert, *wenn er sitzt*, noch eine letzte Attacke in Richtung Poirier.

(10) Das Publikum applaudiert *im Stehen* (LC). → Das Publikum applaudiert, *wenn es steht*.

(11) *Beim Lesen* senkt sich die Herzfrequenz... (LC). → *Wenn man liest*, senkt sich die Herzfrequenz...

(12) *Beim Beobachten der Großaufnahmen und Details in diesem Film* gerät man unwillkürlich in die Lebensphase vor dem Erwerb von Sprache (DWDS). → *Wenn man die Großaufnahmen und Details in diesem Film beobachtet*, gerät man unwillkürlich in die Lebensphase vor dem Erwerb von Sprache.

(13) *Nach Erwachen aus dem Koma* habe sie neu laufen gelernt... (LC). → *Nachdem ich aus dem Koma erwacht hatte*, habe sie neu laufen gelernt...

(14) *Nach dem Erwachen des sechsten Bandes* ist die Textausgabe von Borchardts Einzelbriefen jetzt komplett (DWDS). → *Nachdem das sechste Band erschienen ist*, ist die Textaufgabe von Borchardts Einzelbriefen jetzt komplett.

(15) *Vor dem Eintreffen der Polizeikräfte* war die Lage völlig ruhig (DWDS). → *Bevor die Polizeikräfte eintrafen*, war die Lage völlig ruhig.

(16) «Wir nennen es tanzen», sprach er *mit Lachen* (DWDS). → «Wir nennen es tanzen», sprach er, *wobei er lachte*.

(17) *Durch Zuhören* verstehen wir, bilden unsere Meinungen und Werte (LC). → *Indem wir zuhören*, verstehen wir, bilden unsere Meinungen und Werte.

В приведенных выше примерах употребляются процессуальные, статальные, акциональные и событийные девербативы *das Schlafen, das Zuhören, das Sprechen, das Schreiben, das Erwachen, das Sitzen, das Stehen, das Lesen, das Eintreffen, das Beobachten, das Erscheinen*. Они являются именами с абсолютными таксисными функциями. В сочетании с темпоральными предлогами *bei, in, nach, vor* они трансформируются во временные придаточные с союзами *als, wenn, bevor, nachdem* (см. примеры 5–15). Употребляясь с модальным предлогом *mit* и медиальным предлогом *durch* (см. предложно-девербативные конструкции *mit Lachen* и *durch Zuhören* в высказываниях 16–17), они трансформируются в другие обстоятельственные придаточные – образа действия и инструментальное (медиальное). Трансформационный тест диагностирует ревербализуемость и таксисность употребляемых отглагольных имен. Они в максимальной степени сохраняют вербальную и таксисную семантику производящих глаголов. При сочетании с предлогами темпоральной семантики *bei, in, nach, vor* данные девербативы участвуют в актуализации таксисных значений одновременности (см. примеры 5–12), следования (см. примеры 13–14) и предшествования (см. пример 15). При этом они выполняют функцию актуализации примарного таксиса одновременности, следования и предшествования. При употреблении модального и медиального предлогов *mit* и *durch* девербативы *das Lachen* и *das Zuhören* актуализируют модально-таксисное и медиально-таксисное значения одновременности. Они являются участниками процесса актуализации значений секундарного таксиса одновременности – модального, медиального и др.

ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ ИМЕН НА -UNG

Немецкие девербативы на -ung отличаются от имен на -en некоторыми аспектуальными особенностями, обусловленными их деривационной семантикой. Они являются образова-

ными перфективных (предельных) и имперфективных (непредельных) глаголов. В последнем случае они могут «перфективировать» непредельные глаголы или «итерировать» непредельные глаголы, например: *betrachten – die Betrachtungen, beobachten – die Beobachtungen, beschreiben – die Beschreibungen, besprechen – die Besprechungen* и др. При итерации имперфективных глаголов словообразовательно-итеративные имена акциональной и процессуальной семантики выполняют функцию актуализаторов итеративно-примарного или итеративно-секундарного таксиса одновременности / разновременности, например:

(18) *Trotz lebhafter Beschreibungen* wirken beide mehr wie Ideen, nicht wie greifbare Personen (LC).

(19) *Nach mehreren Besprechungen mit seinen Kollegen* schickte der Unparteiische die beiden Teams schließlich wieder zurück in die Kabinen (LC).

(20) Natürlich hat er *bei seinen Betrachtungen* die fränkische Brille auf (LC).

(21) Deshalb bittet die Polizei um Anruf *bei verdächtigen Beobachtungen* (LC).

В высказывании (18) девербатив *die Beschreibungen* с concessивным предлогом *trotz* выполняет функцию актуализации concessивно-итеративно-таксисного значения одновременности. В примерах (19–21) деривационно-итеративные девербативы *die Besprechungen, die Betrachtungen, die Beobachtungen* актуализируют итеративно-примарно-таксисные значения следования (см. пример 19 с предлогом *nach*) и одновременности (см. примеры 20–21 с предлогом *bei*).

Некоторые событийные девербативы на -ung могут выступать в качестве таксисных участников, хотя диагностический тест показывает, что они могут быть трансформированы при условии привлечения некоторых дополнительных глаголов событийной семантики *stattfinden, erfolgen* и др., например:

(22) *Bei der Unterhaltung* handelt es sich um Small Talk (DWDS). → *Während die Unterhaltung stattfindet / erfolgt*, handelt es sich um Small Talk.

(23) Biden und Putin waren *während der Unterredung*, die sich bis in den Abend zog, um Distanz bemüht (LC). → Biden und Putin waren, *während die Unterredung*, die sich bis in den Abend zog, *stattfand / erfolgte*, um Distanz bemüht.

В приведенных примерах (22–23) событийные девербативы *die Unterhaltung* и *die Unterredung* с темпоральными предлогами *bei, während* выполняют функцию актуализаторов значений примарного таксиса одновременности.

Процессуальные девербативы на -ung реализуют секундарно-таксисные функции одновременности в следующих высказываниях:

(24) *In Erwartung eines verstärkten Andrangs* war das Bürgerservice in der Landeshauptstadt bereits im Frühjahr aufgerüstet worden (LC).

(25) Deshalb und *wegen der Erwartung anhaltend positiver Trends* hob das Management seine Jahresziele an (LC).

(26) *Mit Jubel und Begeisterung* haben Anhänger von Julian Assange auf die Gerichtsentscheidung reagiert (LC).

Процессуальные имена *die Erwartung* и *die Begeisterung* в сочетании с предлогами *in, mit* в модальном значении и каузальным предлогом *wegen* актуализируют модально-таксисные и каузально-таксисные значения одновременности. Их ревербализация возможна при сохранении аргументной структуры производящего глагола, в том числе при употреблении постпозитивных атрибутов (см. следующую трансформацию примера 24: *In Erwartung eines verstärkten Andrangs* war das Bürgerservice in der Landeshauptstadt bereits im Frühjahr aufgerüstet worden (LC). → Das Bürgerservice war in der Landeshauptstadt bereits im Frühjahr aufgerüstet worden, *wobei ein verstärkter Andrang erwartet wurde*). Процессуальный девербатив *die Begeisterung* в силу опредмеченной семантики является «ограничительно-ревербализуемым», поскольку он не сохраняет аргументные характеристики глагола *sich begeistern für jmd.* *Akk.* (см. пример 26).

ТАКСИСНЫЕ ФУНКЦИИ ИМЕН НА -Е И -Т

Акциональные девербативы на -е и -т являются, как правило, производными именами некоторых префиксальных глаголов с семантикой движения, то есть отличаются определенными деривационными ограничениями и характеризуются меньшей продуктивностью (по сравнению с именами на -en и -ung). Данные имена реализуют функцию актуализаторов значений примарного таксиса одновременности, предшествования или следования при их употреблении с предлогами темпоральной семантики *bei, während, nach, vor, seit, bis* (см. девербативы *die Abreise, die Anreise, die Einreise, die Ausreise, die Ankunft, die Abfahrt, die Einfahrt, die Durchfahrt, die Auffahrt, die Rückkunft, die Niederkunft* и др.), например:

(27) *Bei der Anreise per Fähre* sind die Angaben widersprüchlich (LC).

(28) *Bei der Einreise* gilt eine Quarantänezeit von zehn Tagen (LC).

(29) *Bei seiner Rückkunft zur Mittagszeit* wurde der Flieger, der in Saarbrücken stationiert ist, mit der traditionellen Taufe durch die Flughafenfeuerwehr empfangen (LC).

(30) *Vor der Abreise nach Skopje* hat der Bundestrainer Nationalstürmer Timo Werner auch vor der Mannschaft noch einmal explizit bestärkt (LC).

(31) Einige Menschen waren kurz *vor der Ausreise* positiv auf das Coronavirus getestet worden, wie ein Sprecher der Airbase damals mitteilte (LC).

(32) *Bis zur Ankunft des Zuges am Hauptbahnhof Halle* wurde der Mann von Mitreisenden festgehalten (LC).

(33) *Seit seiner Ankunft* sei die Stimmung blendend, vor allem bei Freund und Teamkollegen Filip Kostic (LC).

(34) *Nach der Einfahrt Emmen Nord in Richtung Luzern* war ein Lastwagen auf einen Lieferwagen aufgefahren (LC).

(35) Die Strassen werden *nach der Durchfahrt des Trosses* so bald als möglich wieder freigegeben (LC).

(36) *Nach Auffahrt* wird entschieden, wann die Terrasse wieder eröffnet wird (LC).

(37) *Kurz nach der Niederkunft* stellten die Ärzte fest, dass das Herz nicht ganz so schlug wie es sollte, was den Buben aber später nicht daran hinderte, ein guter Fußballer zu werden (LC).

В высказываниях (27–29) девербативы *die Anreise, die Einreise* и *die Rückkunft* с темпоральным предлогом *bei* выполняют функцию актуализаторов примарного таксиса одновременности. В примерах (30–37) акциональные девербативы *die Abreise, die Ausreise, die Ankunft, die Einfahrt, die Durchfahrt, die Auffahrt, die Niederkunft* являются производными перфективных префиксальных глаголов *abreisen, ausreisen, ankommen, einfahren, durchfahren, auffahren, niederkommen* и участвуют в актуализации примарно-таксисных значений предшествования (см. высказывания 30–32 с темпоральными предлогами *vor* и *bis*) и следования (см. высказывания 33–37 с предлогами темпоральной семантики *seit* и *nach*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немецкие аффиксальные девербативы на -en, -ung, -t, -e наследуют вербальную и таксисную семантику производящих их глаголов, что позволяет им реализовывать таксисные функции и становиться участниками процесса актуализации примарно-таксисных и секундарно-таксисных значений одновременности, предшествования или следования при условии употребления с темпоральными и другими обстоятельственными предлогами. Характерное для девербативов свойство ревербализуемости делает возможным их обратную трансформацию в соответствующие производящие глаголы тождественной семантики. Девербативы в сочетании с предлогами трансформируются в придаточные предложения с союзами аналогичного значения. Тестирование девербативов на ревербализацию подтверждает их таксисные функции, реализуемые в условиях определенного контекстуального окружения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета (далее – LC) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения 20.11.2022).
- ² DWDS – Электронный словарь немецкого языка (далее – DWDS) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dwds.de> (дата обращения 20.11.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова И. В. Категория таксиса в разноструктурных языках: Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
- Болотова Е. В. Аспектуальная специфика девербативных агентивов в немецком языке // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. № 38. С. 85–88.
- Болотова Е. В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4, № 1. С. 108–112.
- Волкова И. В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 147–154.
- Глушак Т. С., Балакирев В. Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом -ung) // Иностранные языки в школе. 1980. № 5. С. 17–22.
- Зольникова Н. Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
- Зоммерфельдт К. Е. О классификации отглагольных существительных // Иностранные языки в школе. 1985. № 5. С. 12–18.
- Каримова Р. Х., Болотова Е. В. Структурно-семантический анализ производных с суффиксом -ung в немецком языке (на материале газетной лексики) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 72–79.
- Маслова Н. А. Семантика и синтаксис производных имен существительных в современном немецком языке. Казань: Казанский университет, 1985. 170 с.
- Мурясов Р. З. Словообразование и теория номинализации // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 39–53.
- Пыриков А. В. Скрытые валентностные потенции немецких глаголов и имен существительных: Монография. Барнаул, 2019. 59 с.
- Alexiadou A. Nominalizations: A probe into the architecture of grammar. Part II: The aspectual properties of nominalizations, and the lexicon vs syntax debate // Language and Linguistics Compass. 2010. Vol. 4, Issue 7. P. 512–523.
- Ehrlich V., Rapp I. Sortale Bedeutung und Argumentenstruktur: -ung-Nominalisierungen im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft 19. 2000. S. 245–303.
- Knobloch C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen // Sprachwissenschaft 27. 2002. S. 333–362.
- Rosdeutscher A., Kamp H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns // The semantics of nominalizations across languages and frameworks. (M. Rathert, A. Alexiadou, Eds.). 2010. S. 169–215.

Поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 26.06.2023

Original article

Irina V. Arkhipova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0685-335X; irarch@yandex.ru

GERMAN AFFIXAL DEVERBATIVES AND THEIR TAXIS FUNCTIONS

Abstract. This article considers German affixal deverbative nouns ending with -en, -ung, -t and -e in the aspect of actualization of their taxis functions, implemented in statements with various prepositions. The purpose of the study is to describe the taxis functional of deverbatives of various derivational models that inherit the lexical and verbal semantics of generating verbs and participate in the process of actualization of primary-taxis and second-taxis meanings of simultaneity, precedence and succession. Affixal deverbatives of different lexical and derivational semantics become taxis participants, provided they retain their verbal and taxis semantics, as well as the property of reverbabilizability, which allows them to be transformed back into the corresponding generating verbs. Affixal “reverbabilizable” deverbatives realize their taxis functions of simultaneity/non-simultaneity in statements containing temporal and other adverbial prepositions. Prepositional-deverbative constructions are transformed into temporal clauses and other adverbial clauses with conjunctions of similar semantics when the deverbative is reverbabilized into a generating verb. A diagnostic test for reverbabilization confirms their verbal and taxis potencies, contextually realized as specific taxis functions. The main

research methods are hypothetical-deductive, inductive, descriptive, contextual and transformational ones. The results of the study make a certain contribution to the theory of taxis and can be used to conduct further research in the field of functional grammar, analyzing the functionality of verbal names in other languages, namely in the comparative typological aspect.

Key words: deverbatives, affixal deverbatives, taxis, primary taxis, secondary taxis, taxis functions

For citation: Arkhipova, I. V. German affixal deverbatives and their taxis functions. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):45–50. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.939

REFERENCES

1. Arkhipova, I. V. The category of taxis in languages with different structures: Monograph. Novosibirsk, 2020. 173 p. (In Russ.)
2. Bolotova, E. V. Aspectual specificity of deverbative agentives in the German language. *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*. 2017;38:85–88. (In Russ.)
3. Bolotova, E. V. On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts. *Proceedings of Bashkir University*. 2019;4(1):108–112. (In Russ.)
4. Volkova, I. V. On the status of verbal names in modern German. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2015;4:147–154. (In Russ.)
5. Glushak, T. S., Balakirev, V. F. On the status of verbal nouns in the language (exemplified by the derivatives with the suffix -ung). *Foreign Languages at School*. 1980;5:17–22. (In Russ.)
6. Zol'nikova, N. N. Derivative models of verbal nouns in the German language. *Science and Culture of Russia*. 2015;1:225–229. (In Russ.)
7. Zimmerfeldt, K. E. On the classification of verbal nouns. *Foreign Languages at School*. 1985;5:12–18. (In Russ.)
8. Karimova, R. H., Bolotova, E. V. Structural-semantic analysis of derivatives with the suffix -ung in the German language (the study of newspaper vocabulary). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2020;5(211):72–79. (In Russ.)
9. Maslova, N. A. Semantics and syntax of derived nouns in the modern German language. Kazan, 1985. 170 p. (In Russ.)
10. Muryasov, R. Z. Word formation and the theory of nominalization. *Topics in the Study of Language*. 1989;2:39–53. (In Russ.)
11. Pyrikov, A. V. Hidden valency potencies of German verbs and nouns: Monograph. Barnaul, 2019. 59 p. (In Russ.)
12. Alexiadou, A. Nominalizations: A probe into the architecture of grammar. Part II: The aspectual properties of nominalizations, and the lexicon vs syntax debate. *Language and Linguistics Compass*. 2010;4(7):512–523.
13. Ehrich, V., Rapp, I. Sortale Bedeutung und Argumentenstruktur: -ung-Nominalisierungen im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2000;19(2):245–303.
14. Knobloch, C. Zwischen Satz-Nominalisierung und Nennerivation: -ung-Nomina im Deutschen. *Sprachwissenschaft*. 2002;27(3):333–362.
15. Rosdeutscher, A., Kamp, H. Syntactic and semantic constraints in the formation and interpretation of ung-nouns. *The semantics of nominalizations across languages and frameworks*. (M. Rathert, A. Alexiadou, Eds). 2010:169–215.

Received: 9 January 2023; accepted: 26 June 2023

ОЛЕСЯ РАВИЛЬЕВНА ГАЛИУЛЛИНА

преподаватель кафедры иностранных языков
Самарский государственный технический университет
(Самара, Российская Федерация)
galiullina_olesja@rambler.ru

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СЕТЕВОЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ

А н н о т а ц и я . Прагмалингвистика рассматривает взаимоотношение между языковыми единицами и условиями их актуализации в конкретном коммуникативно-функциональном контексте. Оценочность в парадигме современного прагматического подхода актуализируется на стыке вербальной коммуникации и экстралингвистических факторов, что делает ее одной из центральных категорий прагмалингвистического анализа. Оценочность – одна из жанрообразующих функций кинорецензии. Целью данного исследования является рассмотрение лингвистических способов трансляции негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии в совокупности их прагматических аспектов. Анализ показал, что негативная оценочность в абсолютном большинстве передается эмоционально-экспрессивной лексикой с отрицательной оценочной семантикой. Эмфатические конструкции с отрицательной оценочной семантикой используются рецензентом, чтобы сделать акцент на том или ином недочете фильма и оказать тем самым перлокутивный эффект. Также доказано, что, помимо тенденции к усилению негативной оценочности, существует и тенденция к ее смягчению, что обусловлено жанровыми особенностями кинорецензии. Среди способов смягчения в ходе анализа нами были отмечены высказывания предположения и высказывания предложения, выраженные придаточными условными предложениями и сослагательным наклонением, а также явление противопоставления частей сложноподчиненного или сложносочиненного предложения с противоположной оценочной окраской.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прагмалингвистика, сетевая кинорецензия, оценочность, негативная оценочность, отрицательная оценка, категория градуальности

Д л я ц и т и р о в а н и я : Галиуллина О. Р. Прагмалингвистические аспекты негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.940

ВВЕДЕНИЕ

Прагматический контекст, то есть совокупность социальных и когнитивных факторов, обуславливающих возникновение и протекание определенного высказывания, согласно Т. А. ванн Дейку, определяет прагматическую интерпретацию [6: 150]. Таким образом, в качестве основной задачи прагматики он подразумевал определение тех условий, при которых некоторое высказывание рассматривается как пригодный для определенного контекста речевой акт [6: 291]. Г. П. Грайс в своем рассмотрении основных проблем прагматики особое внимание уделял небуквальному значению выражения; его определение возможно лишь при осознании истинного намерения говорящего, целенаправленная речевая деятельность которого нацелена на оказание того или иного воздействия на адресата¹.

Согласно Джефри Личу, прагмалингвистика как наука изучает выбор говорящими определенных языковых средств с точки зрения их потенциала к выражению тех или иных интенций. Речевой акт, являющийся единицей прагматического анализа, воспринимается Дж. Остином в качестве трехуровневого образования, которое состоит из локутивного акта (самого акта произнесения), иллокутивного акта (посредством которого выражается цель высказывания) и перлокутивного акта (который проявляется в воздействующем эффекте высказывания)².

Прагматика как лингвистическое направление, по словам Н. Д. Арутюновой, связана с поиском ответов на множество вопросов, касающихся описания функционирования языка [2: 417]. Языковая функциональность рассматривает вопросы: 1) общего коммуникативного употребления; 2) особенностей коммуникативного

воздействия языка на адресатов при реализации определенных целей; 3) методов и способов достижения данных целей; 4) выявления имплицитного и скрытого с точки зрения семантических признаков в языке; 5) контекстуальности языка как особого феномена [3: 24].

Под прагматикой Ю. Д. Апресян понимает закрепленное в языковой единице отношение субъекта речи к действительности, содержанию высказывания и адресату [1: 136]. По определению Г. Г. Матвеевой, прагматика является ветвью языкознания, в которой ситуативно обусловленное речевое взаимодействие коммуникантов определяет специфику функционирования речевых единиц [9: 114]. Согласно И. П. Сусову, прагмалингвистика является лингвистической наукой, которая в качестве объекта своих исследований рассматривает взаимоотношение между языковыми единицами и условиями их актуализации в конкретном коммуникативно-функциональном контексте [11: 207]. Прагматически ориентированная лингвистика в качестве базового принципа для описания языкового взаимодействия берет понятие деятельности, в ее рамках язык выступает как средство интерактивного взаимодействия субъектов речи, а функционирование языка ситуативно и контекстуально обусловлено [11: 134].

Языковая компетенция рецензента заключается в умении выражать коммуникативную интенцию разными способами, находить внешние / внутренние сходства / различия среди высказываний, выбирать (и распознавать) правильные с точки зрения языкового выражения высказывания, в селективной способности по выбору из множества языковых средств тех, которые максимально соответствуют коммуникативной ситуации и прагматической интенции.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ

Оценочность в парадигме современных прагматических и дискурсивных подходов актуализируется на стыке непосредственно вербальной коммуникации и экстралингвистических факторов, спектр охвата которых ранжируется от конкретной ситуации общения до общего социокультурного фона. Н. А. Лукьянова делит оценочность на адгерентную и ингерентную [8: 165]. Под ингерентной эмоциональной оценкой автор понимает

«отраженное сознанием эмоциональная реакция и оценка говорящего (лица или коллектива) по отношению к определенному референту и закрепленные в значении данной лексемы или в качестве самостоятельной инвариантной семы, которая реализуется в речи в конкретных словоформах в той или иной ее аллосеме» [8: 168].

Адгерентная эмоциональная оценка, напротив, не закреплена в значении слова и отражает эмоционально-экспрессивную реакцию касательно определенного раздражителя путем актуализации некой словоформы лишь на фоне определенного контекста [8: 179]. Эмоциональная оценочность, таким образом, возникает за счет образования эмоциональных слоев, а именно смысловых оттенков, которые определенная словоформа транслирует лишь в конкретных контекстах [8: 185].

Адгерентная оценочность, согласно И. А. Стернину, формируется в контексте и вбирает в себя как конкретную ситуацию речевого общения, так и транслирующееся языковое сознание продуцента речи с его некой аксиологической шкалой [10: 92]. По определению В. А. Куликовой, адгерентная негативная оценочность в медийном пространстве возникает путем интенсификации негативной оценочности определенных компонентов семантики слова [7: 103]. Адгерентная оценочность, включает автор, зависит от смыслового значения окружающих производящее слово языковых единиц, а также преобладающей эмоциональной окраски высказывания; для трансляции и интерпретации данной оценочности необходим учет как языкового, так и экстралингвистического контекста [7: 105]. Л. С. Бархударов делит контекст на «узкий», анализирующийся в диапазоне словосочетание – предложение, и «широкий», интерпретирующий языковые единицы за пределами предложения, включая контекст всего текстового образования в целом [4: 16].

Медийное пространство как площадка текstopорождения в силу своей гибкости, неконвенциональности и «демократичности» стало обширной платформой для функционирования и широкого распространения аксиологически маркированных слов. Тексты или некоторые их компоненты, созданные в интернет-пространстве, наряду с информационной, также реализуют экспрессивную, аттрактивную (привлечение внимания и интереса), а также фатическую (реализация контактоустанавливающего потенциала) функции языка [5: 330].

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНОЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СЕТЕВОЙ КИНОРЕЦЕНЗИИ

В подавляющем большинстве случаев оценочный компонент формируется под воздействием семантики образующих слов, то есть языковая единица приобретает негативную оценочность, если в смысловом плане примыкает к слову, которое денотирует общественно порицаемые предметы и явления (находящиеся в диапазоне

отрицательных значений на оценочной (аксиологической) шкале). Негативная оценочность образуется путем порождения определенных ассоциаций, апеллирующих к общечеловеческому (реже национальному) историческому, культурному и психологическому бэкграунду [7: 107].

Языковая политика современного публицистического дискурса направлена на привлечение и удержание внимания как можно более обширной читательской аудитории, чем и обусловлена существенная доля оценочной и эмоционально-экспрессивной лексики [10: 38]. Подытоживая все вышеупомянутое, хочется привести слова И. А. Стернина о том, что современная публицистика характеризуется языковой, оценочной и концептуальной свободой с тенденцией к метафоризации языка [10: 71]. Метафоризация как языковой процесс трансляции негативной оценочности имеет широкое распространение в текстах сетевой кинорецензии в силу общей функциональности метафоры в качестве художественного средства выразительности, а также ее прагматического потенциала по оказанию суггестивного эффекта текстов, порожденных в медийном пространстве (метафора в силу своей образности, как правило, легко и быстро считается носителями языка) [10: 27]:

«From the very start, the movie radiates an air of noxious machismo, figuratively puffing out its chest with every wooden line of dialogue», «it's an orgy of erotic nonsense in which lips are often licked (especially after eating melting ice cream cones)», «...who Gypsy reluctantly agrees to drive to an uncle in South Dakota, a trio of goons on their tail. It's a road trip of second chances, redemption and some clunky plotting»³.

Отрицательная оценка производящего слова интенсифицируется в контексте за счет прилагательных и причастий с общей или контекстуальной негативно-оценочной семантикой:

«“In the Shadow of the Moon” has real snap, making up for elements that are more predictable or nonsensical», «A. Miller's lightweight action vehicle makes only a perfunctory stop in theaters», «Wearing the same pained expression the actor adopts for most of these low-budget features», «A late twist that reveals Frank's betrayer is too implausible», «with some well-meaning and poorly executed attempts to examine the racial component of the old Buckout Road tales», «“10 Minutes Gone” is clumsy and cliché-ridden», «stay for the ridiculous drama, stilted acting, hilarious soundtrack, and laughably offensive ideas about male and female desire».

В современной сетевой кинорецензии активно используются пейоративы – слова и словосочетания, которые выражают негативную оценку чего-либо и кого-либо, неодобрение, иронию, а порой и презрение. Пейоративы содержат в себе отрицательно-оценочную семантику, но, как правило, не выражены бранной и ненормативной

лексикой, что позволяет отнести их к средствам эвфемизации. Пейоративная оценка сама по себе имплицитно то или иное отклонение от нормы (нормы социальной, моральной, культурной и т. д.) и реализуется следующими лингвистическими способами:

1. Оценочные существительные с негативным значением: *cinema failure, total nonsense, movie disappointment, cinematic catastrophe.*

2. Предикаты общей и частной оценки (базирующейся на различных критериях) с отрицательным значением: *bad, poor, low, unsatisfactory, agonizing, awful, bizarre, boring, stupid, mindless, clueless, clumsy.*

3. Превосходная форма прилагательных / суперлативы отрицательной оценки:

«The weakest point about this film is that it was ever shot», «it will be one of the biggest Oscar snubs of our time», «The most disastrous biopic ever made», «Miller's frightfully stale 10 Minutes Gone feels like it was cobbled together from the worst parts of other similarly themed crime films», «the most outrageously obvious and rubbish “twist” reveal at the end», «Things are in a pretty sad state when Hulk Hogan gives a movie's most revolting performance», «One of the oddest and most inexplicable sequels in movie history».

4. Частица *not* + существительное:

«Light on the set is not even light (just a distant resemblance)»; «There's just not enough imagination or tact to make this all unsettling or fun»: «not a single shot was perceived how it had originally meant to be».

5. Отрицательное слово *no* с существительным или герундием:

«The screenplay is no improvement over the first film in terms of character and plot development», «And if you can't have a good time with violent stabbings, tawdry 18-wheeler sex, and Crowded House needle drops, there might be no saving you», «But there is no detecting in this detective story, and no story», «But unlike Jack's beaker filled with magic potion, in this cluttered drama there's no chemical reaction».

6. Отрицательные местоимения:

«for example, instead of using a set, they actually built the whole city on top of a huge hill in the middle of nowhere basically», «You see, “Persuasion” is a curious romance in that, for contemporary audiences, there's nothing really keeping its two lovers apart», «“Acts of Violence” displays so much empty reverence to values like brotherhood, family, honor and service, but clearly knows nothing about them».

7. Союз *neither... nor*:

«It's not as if Johnson's Anne is allowed to have the spark of true wit, though the movie's just interesting enough for you to see why Johnson's likable insinuations earned her the role. Nor is there much to be said for the movie's congested drips of romantic chemistry»; «Yet Remy never manages to instill enough empathy for the third act to resonate fully. Nor does Candy Land fully explore the competing concepts it introduces», «An amateurish, contrived drama that's neither captivating, insightful nor engrossing», «An oddly-paced work that is sometimes a thriller and sometimes a love story, succeeding at neither», «Unfortunately, the action scenes

here are neither cartoonish enough to be funny nor realistic enough to be viscerally exciting».

8. Предлог *without*:

«*characters without any consistency*», «*proves emblematic of the project as a whole: a dim-witted tease without any real balls*», «*Unoriginal and insulting, 3 Strikes goes down without scoring a single chuckle*», «*Without much of a story, convincing performances, or visual style to spark your juices, the mind tends to wander*», «*This tale is without the sufficient dramatic potential to work as a feature length film*».

9. Приставки отрицания *-un*, *-in*, *-im*: *unbearable plot, disappointing movie, inconceivable characters, unrealistic settings, unconvincing script, unnerving storyline, unmeaningful pauses, undeleted expletives, unbearable interchanges, inconclusive ending* (приставки отрицания при образовании прилагательных и причастий обозначают некую неполноту проявления негативного качества, его умеренность по сравнению с исходной отрицательной номинацией, что позволяет считать данный морфемный способ словообразования средством эвфемизации).

Проанализировав глаголы, с помощью которых происходит трансляция негативной оценочности, мы пришли к выводу, что в них наличествует семантический компонент движения (его прекращения), реверсивного движения или расположения на условной дороге (*get lost, go, move, halt* и т. д.):

«*10 Minutes Gone*», «*a crime potboiler whose central virtue is its briskness, stars Michael Chiklis as Frank, a crook managing a heist that of course goes wrong*», «*...96 Souls gets lost in the middle with an overload of sci-fi-inflected incident and info*», «*the narrative grinds to halt to allow for an interminable discussion about the metaphysical properties of an onion*», «*This dopey action thriller harks back to grindhouse pictures of the '70s and '80s*», «*Whatever does work here – mainly a soulful performance by Liu Ye – ultimately gets lost in the excess*», «*Lousy plotting and beyond questionable character motivations bring the story to a constant, grinding halt*», «*The movie comes close to the right lack of self-awareness*», «*...they're hijacked by a plot that mimics the plate-spinning business of classic screwball, but moves at agonizing half-speed*».

К тому же нами были отмечены глаголы резкого движения (по преимуществу нисходящего), такие как *fall, throw, drop* и т. д.:

«*9 Bullets just constantly drops our expectations, and never gets better than the inadvertent comedy of Worthington pulling a gun on a dog as a negotiating tactic*», «*But the out-there premise never breaks through the wall of incredulity*», «*Overwritten and under-realized, the movie throws a lot of ingredients together*», «*disastrous comedy at times, with a few unexpected touching moments sprinkled throughout, A Thousand Words fall through to come together like it should*», «*...and populated by two accomplished action stars who look like they just want to get through this job as quickly as possible*», «*An initially ubiquitous use of onscreen text to*

identify locations, characters, and even military equipment soon drops off to nothing».

Буквальное значение падения, остановки движения в верном направлении, поворота в неправильную сторону включает в себя негативную коннотацию и сохраняет ее в процессе метафорического переноса. Все вышеприведенные примеры связаны с метафорическим употреблением глаголов, в то же время у таких глаголов, как *to fail, not manage to, not succeed in*, существует ингерентный негативно-оценочный семантический компонент:

«*But even teens deserve better than the warmed-over good girl/bad boy tropes the series continuously fails to enliven with each new entry*», «*Half of the cast didn't manage to return or were casually recast, not that you'd really notice when all the supporting players are so painfully forgettable to begin with*», «*There's no plot to speak of, either. After We Fell clumsily picks up and then subsequently ignores a dad-centric cliffhanger from the last movie, it doesn't even succeed in finishing with a literal "to be continued" ending*».

Все приведенные выше слова, словосочетания и грамматические конструкции выражают отрицательную оценку. Далее рассмотрим способы ее усиления. Усиление негативной конструкции реализует прагматический потенциал высказывания, а именно акцентирует внимание читателей на высокой степени проявления того или иного отрицательного качества, тем самым все четче транслирует авторскую позицию и оказывает перлокутивный эффект. Среди лингвистических способов усиления негативных конструкций в текстах сетевой кинорецензии наибольшей частотностью обладают следующие:

1. Наречия неполноты действия / признака *nearly, barely, scarcely* и др.:

«*But, really, Moses seems scarcely more cartoonish than her co-stars*», «*...who was just above it all enough to charm our way onto his side. Now he merely alienates us*», «*It's barely the running length of a feature film and still just scrapes together enough plot and character development to fill its less-than-90 minutes*», «*Eye-blink-brief appearances by prominently billed cast names are hardly the only truncated element in a hectic mishmash*», «*Several main plot bones still stick out, however sawed-off, not to mention obscured by a barrage of barely contextualized spectacle*».

2. Наречия *in the least / in the slightest / the least bit*:

«*Taken purely at slasher movie face value, "Candy Land" isn't in the slightest as scary or charmingly gory as many of the films that inspired it*», «*But the ultimate reveal of what's actually inside is the least bit engaging and overwhelming as everything leading up to the moment*», «*he film doesn't explain in the slightest why, for some reason, dozens of high-end crooks*», «*There's no way to believe such ideas in the least which simply revel in the proceedings' superficial opulence because they're constantly being shoved in one's face*», «*but the tone is wildly inconsistent, particularly with plucky, lighthearted music accompaniment*

scoring, which makes the movie the least bit relatable teen crime spree».

3. Эмфатическое наречие *whatsoever*:

«No attempt whatsoever is made to introduce us to the tedious tangle of relationships», «There's also a subplot with a neighbor that is so incredibly stupid and pointless, which actually has no bearing on the story whatsoever», «Signs of a great movie is the repeat viewing of it or it moving you, joker did not move me whatsoever».

4. Усилительная конструкция *at all*:

«If the "special appearances" by stars like Adrien Brody and Fan Bingbing are so abbreviated one wonders why they're here at all», «Is there really any purpose at all in pointing out all the things which make it so wonderful?», «The cinematography is also incredible but the plot is not that great at all», «The filmmakers compress Syracuse's experiences into a loosely plotted one-crazy-night story not loading it with coherent plot development at all».

5. Эмфатические прилагательные *absolute, outright, pure, true, complete, real, utter, entire, total* с определяемыми существительными:

«there is so much utter nonsense at play here, it's just a pure torture to watch», «Age Of Kill isn't just Taken, it's outright theft», «it was a complete mistake from the very beginning to have this actor in such a role».

Проделанный нами анализ позволил отметить, что наибольшим эмфатическим потенциалом усиления негативного значения обладают наречия. Эмфатической конструкцией усиления негативного значения является схема «наречие + причастие второго типа / прилагательное». Возникновение негативной оценочности происходит за счет вложения негативного компонента в наречие при отсутствии эмоционально-экспрессивной окраски причастия:

«The drama itself – about an investigative journalist working on this issue – is woodenly acted, clunkily written and agonisingly directed», «a cartoonishly played part did nothing in terms of its credibility», «Abrasively loud, gratingly acted, appallingly directed and without a moral core, this "3 Ninjas" also boasts a screenplay with the most "Unhhhs" of the decade»,

или, напротив, наблюдается отрицательный эмоционально-экспрессивный компонент семантического значения прилагательного / причастия, активизируемый предшествующим ему усиленным наречием:

«The starry Chinese cast, many among them barely utilized, works hard to dimensionalize roles that remain absolutely one-not», «The style of the film is completely quaint», «Former BA pilot Tristan Loraine's pet project is a perfectly wooden drama», «An Overly Cartoonish Eddie Murphy Ruins A Thousand Words», «Butt-numbingly dull and almost entirely laugh-free».

Усиленная негативная оценочность наблюдается, когда и наречие, и последующее причастие /

прилагательное содержат отрицательную оценочную семантику:

«And for film with a running time bang on 90 minutes it feels torturously slow», «This film is the stupendously wooden and humourless in the series», «Laughable dialogue and constant clunking sink this outrageously shoddy Brit thriller about a marksman», «So many of the developments in "All Roads Lead to Rome" are absurdly contrived».

Частным способом выражения авторской негативной оценки в текстах сетевой кинорецензии также выступает эмфатическая конструкция *the only... is / are / was / were...*, где прилагательное *only* стоит перед существительным (в частности, перед существительным *thing*) или прилагательным с существительным и усиливает его эмоционально-оценочный компонент. В текстах рецензии с общей отрицательной оценочностью автор указывает на единственный, согласно авторскому видению, положительный аспект фильма:

«The only thing I liked was how they interpreted actors», «The one good thing I can truly say about this film is that it encouraged me to look into the comic», «The only reason I didn't give this a zero is because it scared me», «The only thing this movie is good for is punishment...», «the only memorable scene in the film is when they drop exploding napalm», «But, as bad as everything was, there was one thing, one thing, that really, really made me mad: Aliens seems to disregard everything we learn about the "monster" in Alien», «The only thing here that doesn't feel curtailed is the eight-minute closing credits crawl, no doubt featuring many names whose work is no longer much in evidence onscreen».

Данная конструкция выполняет функцию смягчения негативной оценочности и вытекает из определения кинорецензии в качестве аналитического поджанра, в формате которого анализу подвергаются и положительные, и негативные аспекты.

Помимо лексико-грамматических способов передачи негативной оценочности в текстах кинорецензии нами были отобраны и проанализированы те, которые эксплицитно или имплицитно содержат негативную оценочность, актуализируемую на уровне всего предложения. Так, высказывания предположения и высказывания предложения, выраженные придаточными условными предложениями и сослагательным наклонением, содержат компонент (смягченный) негативной оценки. Негативную оценку в данных случаях можно считать смягченной в силу компонента ирреальности, который в английском языке присущ условным предложениям первого и второго типов:

«If the plot held more promises, a film about a deranged serial killer basing his elaborate murders around the seven deadly sins could have been really interesting and really memorable», «it wouldn't be surprising to learn that screenwriters Kelvin Mao and Jeff Jingle drew inspiration

from the cutscenes of some mediocre video game», «Lorraine directs at a very brisk pace but you can't help but feel he could have made his points more effectively in a documentary», «It could have been a clever, Liar Liar-like blend of physical humor and audience-friendly messaging», «Lorraine directs at a very brisk pace but you can't help but feel he could have made his points more effectively in a documentary», «One almost thinks it was done as a joke, to see if someone could make a movie about a serial killer in which nothing ever happens».

Таким образом, употребление условных предположений является косвенным способом коммуникативного смягчения (митигации), направленного на уменьшение возможных нежелательных эффектов, то есть вместо директивного речевого акта критики рецензент вводит условное наклонение, которое предполагает более благоприятный результат при определенных обстоятельствах.

В текстах сетевой кинорецензии отмечены случаи противопоставления оценочных высказываний, а именно когда части сложноподчиненного или сложносочиненного предложения противопоставляются друг другу по оценочной окраске со смысловым перевесом в сторону негативной оценочности:

«Every actor in the movie played his or her part exceptionally well (especially Bening and Birch), but the story was pointless», «I think that this film had something to say before the emergence of alternative teaching styles, but it just seems incredibly outdated now», «At first, Chiklis' more emotive performance provides Frank with a distinguishing counterpoint to Rex's stoicism, but too soon he slides into showy hysterics, undercutting his own effectiveness», «Although its opening scenes suggest a budget-challenged kickoff for a comic-book movie franchise, "96 Souls" turns out to be something even less engaging».

Несмотря на коммуникативно-прагматический перевес негативной оценочности, данный синтаксический способ также реализует функцию коммуникативного смягчения безапелляционности и категоричности негативного семантического компонента предложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что метафоризация как языковой процесс трансляции

негативной оценочности имеет широкое распространение в текстах сетевой кинорецензии в силу прагматического потенциала метафоры в качестве средства оказания суггестивного эффекта текстов, порожденных в медийном пространстве. Сетевая кинорецензия демонстрирует широкий диапазон лингвистических средств передачи негативной оценки, доминантными из которых являются средства эмоционально-экспрессивной лексики и синтаксиса, а именно оценочные существительные с негативным значением, предикаты общей и частной оценки (базирующейся на различных критериях) с отрицательным значением, превосходная форма прилагательных / суперлативы отрицательной оценки, частица *not* + существительное, отрицательное слово *no* с существительным или герундием, отрицательные местоимения, союз *neither... nor* и т. д. Проведенный анализ выявил различные способы усиления негативных конструкций (наречия неполноты действия / признака *nearly, barely, scarcely*, эмфатическое наречие *whatsoever*, усиленная конструкция *at all*, эмфатические прилагательные *absolute, outright, pure, true, complete* и т. д.), основной задачей которых является оказание перлокутивного эффекта по убеждению читателей в обоснованности отрицательной оценки продукта кинематографа. Наряду с прагматической интенцией усиления негативного значения нами была отмечена обратная тенденция, а именно тенденция к его смягчению, происходящая за счет высказываний предположения и высказываний предложения, выраженных придаточными условными предложениями и сослагательным наклонением (что делает критику рецензента менее безапелляционной), а также благодаря противопоставлению частей сложноподчиненного или сложносочиненного предложения: одна из частей содержит положительную оценку, за счет чего и происходит митигация негативной оценки, заложенной в другой части. Данная тенденция удовлетворяет одной из главных функциональных задач рецензии как жанра, а именно демонстрации объективности оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Грайс Г. П. Межличностное общение: Хрестоматия: [невербальная коммуникация, мужской и женский стили общения, манипуляции в межличностном общении, аксиомы межличностной коммуникации, речь в межличностном общении] / Сост. Н. В. Казаринова, В. М. Погольши. СПб.: Питер, 2001. С. 171–194.
- 2 Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, 1999. 332 с.
- 3 Здесь и далее примеры взяты с сайта Rotten Tomatoes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rottentomatoes.com/> (дата обращения 12.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 304 с.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
5. Венедиктова Т. Д. Литературная прагматика: конструкция одного проекта (обзор исследований литературы как коммуникации) // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135). С. 326–345.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
7. Куликова В. А. Особенности формирования адгерентной негативной оценочности медийных новообразований // Научный диалог. 2020. № 5. С. 97–112.
8. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
9. Матвеева Г. Г. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта, 2013. 230 с.
10. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1985. 170 с.
11. Сусов И. П. История языкознания. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006 (Владимир: Владимирская книжная типография). 295 с.

Поступила в редакцию 12.04.2023; принята к публикации 26.06.2023

Original article

Olesya R. Galiullina, Lecturer, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation)
galiullina_olesja@rambler.ru

PRAGMALINGUISTIC ASPECTS OF NEGATIVE EVALUATION IN ENGLISH-LANGUAGE ONLINE MOVIE REVIEWS

Abstract. Pragmalinguistics deals with the relationship between linguistic units and the conditions of their actualization in a specific communicative and functional context. Evaluation in the paradigm of the modern pragmatic approach is actualized at the junction of verbal communication and extralinguistic factors, which makes it one of the central categories of pragmalinguistic analysis. Evaluation is one of the genre-forming functions of film reviews. The purpose of this study is to examine the linguistic ways of transmitting negative evaluation in the English-language online film reviews in the totality of their pragmatic aspects. The analysis showed that negative evaluations in the absolute majority of cases are transmitted by emotionally expressive vocabulary with negative evaluative semantics. Emphatic constructions with negative evaluations are used by reviewers in order to focus on certain weak points of a movie, thereby creating the perlocutionary effect. It is also proved that in addition to the tendency to increase negative evaluation, there is also a tendency to mitigate it, which is due to the genre features of film reviews. The identified techniques of mitigation include assumptions and suggestions expressed by subordinate conditional sentences and the subjunctive mood, as well as the phenomenon of contrasting parts of a compound or complex sentence that contain opposite evaluations.

Key words: pragmalinguistics, online movie review, evaluation, negative evaluation, category of graduality

For citation: Galiullina, O. R. Pragmalinguistic aspects of negative evaluation in English-language online movie reviews. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):51–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.940

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. Modern methods of studying meanings and some problems of structural linguistics. Problems of structural linguistics. Moscow, 1966. 304 p. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. Language and the human world. Moscow, 1999. 896 p. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. Metaphor and discourse. *Theory of metaphor: Collected papers*. (N. D. Arutyunova, Ed.). Moscow, 1990. P. 5–32. (In Russ.)
4. Barkhudarov, L. S. Language and translation (Questions of general and particular theory of translation). Moscow, 1975. 240 p. (In Russ.)
5. Venediktova, T. D. Literary pragmatics: the construction of a single project (review of literature studies as communication). *New Literature Review*. 2015;5(135):326–345. (In Russ.)
6. Dijk, T. A. van. Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk, 2000. 308 p. (In Russ.)
7. Kulikova, V. A. Formation of adherent negative assessments of media neologisms. *Scientific Dialogue*. 2020;5:97–112. (In Russ.)
8. Lukyanova, N. A. Expressive colloquial vocabulary. Problems of semantics. Novosibirsk, 1986. 230 p. (In Russ.)
9. Matveeva, G. G. Fundamentals of pragmalinguistics. Moscow, 2013. 230 p. (In Russ.)
10. Sternin, I. A. Lexical meaning of words in speech. Voronezh, 1985. 170 p. (In Russ.)
11. Susov, I. P. History of linguistics. Moscow, 2006. 295 p. (In Russ.)

Received: 12 April 2023; accepted: 26 June 2023

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВИЧ АРЗАМАЗОВ

доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии

Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук»

ведущий научный сотрудник лаборатории сопоставительного татароведения

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

(Казань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7577-5917; arzami@rambler.ru

ЭТНОПОЭТИЧЕСКИЙ МИР ЗОИ ДУДИНОЙ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются стихотворения Зои Дудиной, одной из наиболее известных и художественно оригинальных представительниц современной марийской поэзии. Актуальность темы обусловлена как многогранностью литературного таланта, широтой диапазона поэтических приемов автора, так и фиксируемой малоизученностью его творческой концепции. Новизна работы определяется общей филологической неписанностью произведений Зои Дудиной в контексты национальной традиции, финно-угорской словесности, теоретико-методологической неразработанностью темы женской лирики в истории марийской литературы. Цель статьи – проанализировать характерные для художественной картины мира марийского поэта индивидуально-авторские особенности, восходящие к фольклору и мифологии народа мари этнокультурные компоненты, экзистенциально-психологические аспекты творческого высказывания. Среди основных реализуемых в статье задач – рассмотрение мотивно-образного комплекса (мотив смерти, атмосферные, орноморфные символы), проблемно-тематических приоритетов автора, отдельных лингвоэстетических параметров, корреспонденций с именами и произведениями национальных классиков (С. Чавайн), степени соотнесенности оригинальных текстов с русскоязычным переводом. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** национальная литература, этнокультурная идентичность, современная марийская поэзия, образная система, лингвопоэтические особенности, лирический герой, фольклорно-мифологический контекст, Зоя Дудина

Д л я ц и т и р о в а н и я : Арзамазов А. А. Этнопоэтический мир Зои Дудиной // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.941

ВВЕДЕНИЕ

К приоритетным направлениям современной отечественной гуманитаристики относится исследование этнокультурного многообразия России. Национальные литературы в этом плане представляют большой научный интерес, располагают богатым, разнообразным фактическим материалом, на основе которого может осуществляться теоретическое моделирование. Зачастую именно в художественном преломлении наиболее выразительно проявляется этническая идентичность, получают отражение мировоззренческие особенности народа. На фоне гетерогенных литературных традиций России выделяются финно-угорские литературы, вобравшие в себя духовно-эстетические категории и об-

разно-символические пласты Запада и Востока, но при этом не утратившие свою глубинную самобытность. Финно-угорские литературы Урало-Поволжья неоднократно становились объектом фундаментального научного рассмотрения¹ [5], [9], [10], [12], [13], [14]. В обозначенном контексте национальных литератур урало-поволжской этнокультурной зоны наименее исследованной представляется марийская словесность, до сих пор осталось очень много пробелов, белых пятен. Между тем в истории литературы мари немало талантливых поэтов, писателей, творчество которых предполагает монографическое осмысление. Как особый феномен может быть прочитана марийская женская лирика.

* * *

Прежде чем перейти к анализу конкретной поэтической системы, необходимо обозначить некоторые важные реалии развития национальной литературы.

Марийская литература несколько в меньшей степени, чем другие литературы народов Поволжья и Урала, известна русскоязычному читателю. Особенно это касается ее современного пласта. Если отдельные произведения, книги марийских классиков советской эпохи были переведены на русский язык, то писатели среднего и молодого поколения узнаваемы, читаемы в узком кругу своих. Одно из важных достижений («сохранений») марийской литературы, творческо-гуманитарного сообщества – верность писателей родному языку. Переход на русский для марийского автора не является ни естественным, ни предпочтительным. Так было на протяжении XX века, так остается и сейчас. Творить, писать по-марийски – значит быть своим среди своих, быть собой, значимой частью марийского мира.

Марийская поэзия с большой регулярностью отражает социальную незащищенность мари в условиях нового времени, когда неясно, как жить. Это противоборство старого и нового, советского прошлого и постсоветского настоящего наблюдается в творчестве поэтов разных поколений. При этом речь идет о диаметрально противоположных оценках истории и современности, приводятся разные аргументы и факты. Показательно, что постсоветская действительность контекстуально тесно связана с городом, воплощающим в себе ложные ценности (пьянство, потребительство, стирание этнических корней и т. д.). Вместе с тем образный язык марийской поэтической урбанистики не отличается разнообразием, наличием развитой мифологической семантики.

Центральное место в марийской поэзии занимает природа, частью которой мариец ощущает себя. Мир, люди природы (прежде всего родная деревня, ее окрестности, родители, старики) противопоставляются топосу, аксиологии, человеку города. Лирический герой, возвращаясь в родные места, встречаясь с сельскими жителями и разговаривая с ними на своем языке, занимаясь физической работой, по-настоящему становится счастливым, обретает полноту этнического самовыражения. Нельзя не заметить, что марийская поэзия в большей степени пессимистична. Внешняя жизнерадостность марийцев на внутреннем уровне поэзии опровергается меланхолией, не-

верием в себя, боязнью грядущего, глухой закрытостью от других.

Одна из наиболее ярких, активных в творческом плане представительниц современной марийской женской поэзии – Зоя Михайловна Дудина (род. 1962). Ее стихотворения переведены на все основные финно-угорские языки; сама Зоя Дудина почти с самого начала своей писательской работы переводит на родной язык авторов из разных культур и традиций. Восхождение поэтессы к вершинам национальной словесности со стороны кажется стремительным и легким – уже первые сборники обратили на себя внимание читательской аудитории. Линии профессиональной жизни Зои Дудиной видятся ровными, в целом перекликаются с биографическими стандартами и контекстами других марийских писателей, наивысшая творческая и личная активность которых пришлась на 1990-е годы. Уже в значительной степени свободное от соцреализма новое поколение поэтов, прозаиков и драматургов осознало текстообразующую неизбежность этнокультуры, на глубинных уровнях обратилось к образно-символическому пласту мифологии, фольклора мари. Интенсифицировалось художественное переосмысление продуктивного литературного опыта предшествующих писательских поколений, духовно-интеллектуального наследия национальной классики.

Анализ творчества Зои Дудиной осуществлен с учетом новых литературоведческих работ, обращенных к марийской литературе, культуре [1], [2], [3], [4], [6], [7], [8], [11].

В основе осуществленного прочтения творчества Зои Дудиной – стихотворения из сборника «Доля земная» (2017), в который вошли переведенные на русский язык разными авторами произведения. Рассматриваемая книга требует некоторых исходных определений и замечаний. Очевидна достаточно жесткая структурированность издания: все разделы тематически аргументированы, прослеживается сложноподчиненная смысловая связанность большинства текстов. В этом аспекте может идти речь об определенной степени авторской рефлексии, ракурсе понимания композиции художественного целого. Одна из содержательных платформ книги – автобиографические модулы. Зоя Дудина предлагает вниманию реципиента «долю земную» женщины, при этом апеллирует к событиям собственной жизни. Такое часто встречающееся в национальной лирике стремление к актуализации личного-своего может рассматриваться с точки

зрения теории литературы как стадийно-типологически обусловленная реальность внутреннего проблемно-тематического моделирования, так и психологическая доминанта, обнажающая потребность выговориться, поделиться болью, разобраться в себе и других. Еще одна заметная деталь, подтверждающая автобиографическое начало многих произведений, – наличие большого количества посвящений, адресаций. Регулярно встречаются и эпитафии, преимущественно из русской поэзии. Переводы стихов Зои Дудиной на русский язык – разного качества, разной точности.

Художественный мир Зои Дудиной состоит из повсеместно регистрируемых тем, мотивов, образных констант. Некоторые из них подготовлены национальной традицией, другие имеют индивидуально-новаторский характер.

Большой проблемно-тематический пласт поэзии Зои Дудиной связан с репрезентацией этнической идентичности, обозначением этнокультурной самобытности мари. Это стержневое направление словесности, которое сознательно (и бессознательно) сдерживалось, осознанно ослаблялось в советские годы, после перестройки становится творчески очень востребованным: литература воспринимается как одна из основных форм выражения социогуманитарных ожиданий, отстаивания национальных интересов. В широком смысле этнохудожественная составляющая в стихотворениях Зои Дудиной представлена серией своих тем, символов, номинаций, адресаций. Эмблематизация этнической идентичности прежде всего происходит за счет привлекаемых автором (сохраненных переводчиком) языковых средств, марийских вкраплений. Так, в отдельных текстах приводятся эпитафии только на марийском (59)² (без перевода на русский язык цитируются строки писателя Вячеслава Абукаева). В пространстве произведения произносятся фразы, реплики по-марийски (17). Выраженной символической этноидентификационной значимостью наделены топонимы (Сернур, Йошкар-Ола, Купсола), гидронимы (Лемде, Оно, Руй). Звучат имена персонажей марийской мифологии (Ош Кугу Юмо, Шайтан, Керемет, Азырен и др.).

Ключевое место в творчестве Зои Дудиной занимает стихотворение, обращенное к родному языку:

«Живу на чужбине. Но душу и тут / Спасает язык мой родимый: / Он – светоч, родник, собеседник, редут... / Он – в чем-то непередадимый. / Марийское слово остро, но оно / На дружество с вами подвигнет; / Мне мамина песня – рассветом в окно, / И ВЕРА, что с детства не гибнет. / Пронизет, как молния, бы-

страя речь, / А то перекажется громом; / Я помню, как клялся ее уберечь / Отец в своем слове весомом. / Чавайн ли, Шкетан ли, волшебник-Колумб – / Всё дили от пращуря Слово; / Незнайка – тот скажет всегда наобум, / Без корня нет роста живого. / России мы – лишь невеликая часть, / Но, было, звучали весомо; / И стоит мне к говору леса припасть – / Услышу, что молвят знакомо. / На речи богатой – культура веков / И в рощах священных молитвы... / Народ мой, глядите, сегодня как-ков: / Пригодный для мира и битвы. / Храню чистоту моего языка, / И он – оберег на чужбине. / Полны мы достоинства, чести, пока / Он в наших устах на помине» (перевод Г. Пирогова) (86–87).

В приведенном тексте нашли отражение регулярно используемые в произведениях подобного рода риторические стратегии, оценочные определения, «высокие» ассоциации. С первой строки обозначается оппозиция своего / чужого, родной язык преподносится как важнейшая духовная ценность, культурное наследие этноса. Прославляющий марийский язык контекст поддерживают цепочки корреспонденций: родной язык – светоч, родник, собеседник, редут. Он сопоставляется с отцом и матерью, переносит в счастливое детство, в нем слышатся говор леса и молитвы священных рощ. Марийский язык может уподобляться молнии и грому. Он называется богатым, на нем творили классики национальной литературы. Тема родного языка частично раскрывается в «Песне учительницы» (19). Автор именно на нее возлагает большие надежды – учитель должен помочь растущим поколениям приоткрыть богатство и щедрость марийской речи.

Для Зои Дудиной чрезвычайно важно предъявить потенциальному читателю (самой себе?) некоторые «объемы» марийской литературно-художественной традиции, проявить наличие своих основ, истоков, имен. Поэт неоднократно подчеркивает соотнесенность собственного творчества с национальной классикой. Зоя Дудина в ряде стихотворений перечитывает-переосмысливает тексты зарождения марийской словесности. Выразительный пример – «Над “Рощей” Чавайна» (88). Пессимистический фон произведения может быть обусловлен трагической судьбой родоначальника литературы мари Сергея Чавайна. Автор при таком ракурсе интерпретации обращается к теме репрессий, неоправданных человеческих потерь, духовных утрат. Однако это всё – внутренние закрытые смыслы текста. У Дудиной нет стремления открыто актуализировать исторические нарративы, давать развернуто-аргументированные оценки случившемуся. Ощутимую затемненность тексту придает переводческое прикосновение Германа Пирогова. Это тот случай, когда в процессе перевода под-

вергаются изменению стержневые параметры исходного текста.

В ряде стихотворений из книги «Доля земная» затрагивается тема марийской веры (*ошмарий-чимарий*), произносится имя Белого Великого Бога (Ош Кугу Юмо). Эти тексты скреплены высоким уровнем этнического самосознания, их адекватное, детальное понимание возможно в контексте традиционного мировоззрения мари. Стихи обозначенного тематического блока могут рассматриваться и как квинтэссенция этнохудожественной сфокусированности автора. В широком смысле это перспективный для творческого совершенствования и аналитического прочтения опыт поэтической репрезентации марийского мира:

«Среди Вселенной без конца и края, / Напор времен невозмогая, / Удерживая дней водоворот, / Дождем и солнцем душу очищая, / Живет марийский мир, / Земли моей народ. / Живут мари среди родной природы, / Храня заветы древнего народа, / Традиции не пряча под замок, / Любя земли своей леса и воды, / Тебе молясь, Великий Белый Бог...» (перевод Т. Лейко) (113).

Сакральный локус марийской земли, к которому Зоя Дудина многократно возвращается, – роща / ото. Здесь этнофор остается наедине со своим Богом:

«Вы лжете – есть своя у наших вера / И голос свой... Как гордо он звучит! В Священной роще вставшему у древа / В лихие дни они – надежный щит...» (перевод Г. Пирогова) (113);

«Поэт, мы по-прежнему правнуки роцц, / Завидя их, нечисть пускается прочь, / И молится Белому Богу душа...» (перевод Г. Пирогова) (121).

Многие лирические произведения Зои Дудиной пессимистического склада, минорной тональности. Широкое распространение получает мотивно-образный кластер смерти, к которому относятся мотивы гниения, высыхания, образы кладбища, могилы, ямы, сырой земли. Данные негативизирующие константы чаще применяются в текстах, художественных традициях, близких к народной культуре, фольклорно-мифологическим первоосновам своего этноса. Марийцы в этом плане – активные носители этнических представлений, поэтому национальная литература «чувствительна» к названным сюжетам, контекстам. Переживание смерти отца, осознание перспективы прерывания рода, остродраматическое, но при этом «приглушенное» ощущение сиротства явлены в стихотворении «На задворках» (15). На фоне как фактического, так и мистико-интуитивного соприкосновения со смертью обостряются психофизиологические возможности восприятия: замечается то, что раньше не заме-

чалось. Реальность вокруг определяется мифологическим шепотом цветов, запахом махорки покойного, мерцанием погоста. В другом произведении «На родине» (42) лирическая героиня после смерти родителей осознает свое одиночество на родной земле. Погост при этом изображается как место силы, восстановления – там все свои, там ждут.

Лирического субъекта с пугающим постоянством одолевают мысли о смерти. Ей кажется, что со смертью у нее особые, почти семейные, отношения: «С духом смерти Азыреном я давно обручена» (149). Упоминание Азырена существенно усиливает этноспецифическую компоненту стихотворения. Необходимо заметить, что, согласно представлениям мари, духа смерти Азырена видят не все, а только грешные, злые люди. Праведным, добрым он обычно не напоминает о себе. Таким образом, лирический персонаж подчеркивает свою греховную сущность.

В женском облике предстает смерть в произведении «В городе Царёве» (31). Это вторичная интерпретация переводчика – гендерный фокус русского языкового мышления. На поверхности текста – постоянство присутствия смерти в сознании лирического Я. У Зои Дудиной есть произведения, в которых активированы суицидальные мотивы, фиксируются завуалированные призывы к совместной гибели. Такие эпизоды могут трактоваться как элемент любовной риторики, инструмент поэтической драматизации чувства. Это и символическое обыгрывание краха отношений, неутешительного финала любви:

«Мой верный друг, любимый человек, / Устроить жизнь мы всё же не сумели. / Быть может, лучше лечь, окончив век, / Среди берез нам в черной колыбели?!» (перевод А. Спиридонова) (145);

«На улице – лучи весны последней / Поодиночке в небо нас зовут. / А, может, полетим с тобою вместе? / На небе будет легче нам, чем тут...» (перевод А. Ковихина) (155).

К выразительным образно-символическим кодам поэзии Зои Дудиной относятся отрицательные атмосферные явления. Прежде всего они встречаются в любовной лирике – градус непримиримости, разочарования здесь достигает максимальных риторических высот. Вьюга, метель, буран, снег, дождь, ветер вводятся в пространство текста, чтобы выразить боль, отчаяние, обиду, страх, одиночество. Примечательно, что перечисленные доминанты реализуются преимущественно в творчестве авторов-женщин (не только мари, но и коми, удмуртов, чувашей и др.). Приведем наиболее показательные примеры:

«Не клянись, что любить будешь вечно, / Наша жизнь – это ветер и дождь... / Не клянись, что любить будешь крепко, / Мы и сами – как ветер с дождем...» (перевод А. Коковихина) (167);

«Шорт-шорт! – плачет снег под ногами... / Как яростно ветер визжит! / Знать, ангелов где-то над нами / Кнутами пурга потрошит. / Откуда идет эта стужа? / Я знаю: ты просто забыл. / Сказал то, что высказать нужно / И душу мою застудил!» (перевод А. Спиридонова) (174);

«На улице срывает ветер листья, / Бросает на асфальт по одному. / Вот также потерялись, разошлись мы, / Сердцами, друг мой, рухнули во тьму...» (перевод А. Коковихина) (155).

Отдельного прочтения заслуживает стихотворение «Бураны России». Экзистенциально-психологические смысловые контексты снега, бурана здесь замещаются социальными, и даже геополитическими. Рисует драматическая картина действительности. Люди (жители России) изображаются потерянными, испуганными, обреченными на «ничто»:

«Снега и с “норда”, и с “норд-веста” / Идут полками на восток, / Найти себе не могут места / Ветра, сбивая с пеших ног. / По всей России нынче вьюжно: / Бураны страхом замели; / Того гляди, им станет нужно / Закинуть нас на край земли. / Порвав живую связь с домами, / В ничто сограждане идут, / В испуге мечутся стадами, / Покоя нет ни там, ни тут...» (перевод Г. Пирогова) (84).

Переключение на социальные проблемы, темы в женской лирике – явление не очень распространенное, привлекающее внимание своеобразием образного языка.

Как и в творчестве многих марийских поэтов, в стихах Зои Дудиной получили широкое художественное представление орнитоморфные образы. Как правило, птицы семантически сопряжены с мифологическими представлениями разной степени сюжетно-ситуативной проявленности. Функциональный диапазон их поэтического привлечения может быть обусловлен «работающей» фольклорной памятью этнофора. Излюбленный птичий символ Зои Дудиной – жаворонок. В стихотворении «В Радуницу» птица вписана в образно-ассоциативное пространство смерти:

«Утром в небе над сернурским полем / Серый жаворонок мельтешит. / – Одинокую мыкаешь долю, – / Укоряет и учит, как жить... / Птица серая, всё не так просто: / Никогда мне одной не бывать – / Как я жизнью играю, с погоста / Наблюдают отец мой и мать» (перевод А. Коковихина) (23).

Приведенный текст – пример литературно-поэтического взаимоналожения категорий нескольких понятийных, мировоззренческих систем, трех субъектов творчески моделирующего сознания (традиционно-марийский (поэт), русско-православный (переводчик), лириче-

ско-любовный (лирическая героиня)). Такая дезориентирующая мотивированного читателя многослойность точек зрения – противоречивая реальность литератур народов России, показатель удаленности переводчика от поэта, его этнокультуры.

Жаворонок у Зои Дудиной может появляться и в не осложненных фольклорно-мифологическими сценариями лирических контекстах. Так, в стихотворении «Моя земля» птица – заметный элемент панорамы малой родины, символ гостеприимства мира мари, радушия марийской природы:

«Поет жаворонок, / Легко ему к солнцу подняться. / Друг мой, смотри, / Он нас приглашает, / Зовет на качелях качаться! / Прочь от земли!» (перевод А. Спиридонова) (10).

Сложный социогуманитарный фон определяет семантику образа кукушки в одном из текстов Зои Дудиной. Автор при помощи ассоциативного орнитоморфного кода характеризует состояние / статус своего этноса: «Я поняла, что истина с народом: / Но мы кукушки у лесной межи...» (перевод Г. Смирнова) (10). Попытки поэтической этнической саморефлексии, в данном случае промежуточно-заявочной, нераскрытой, в плане посылов метафорически затемнены.

Кукушка ассоциирована со смертью, одиночеством в стихотворении «Кукушечка» (101), входящем в пронизанный болью, отчаянием цикл «Памяти сына». Примечательно, что в тексте представлен не столько марийский, сколько славянский компонент (Купала, Петров день). Переводчик (А. Спиридонов), опираясь на более понятные, привычные этнокатегории восточнославянских культур, переводит марийскую действительность на свой лад. Подобные примеры славянизации, этнического замещения финно-угорских, тюркских картин мира «русскими знаками» – распространенное явление в переведенных на русский язык произведениях национальных писателей.

Образ раненой птицы в одноименном стихотворении (72) соотносится с лирической героиней, разбитой разлукой с любимым мужчиной. В произведении «Вещунья-птица» птице приписывается роль предвестницы беды. Это универсальное мифологическое толкование актуализируемого символа. В финале текста вновь звучит тема смерти, фигурирует образ ямы:

«Не надо быть, вещунья-птица, / Всегда предвестницей беды – / Вот так в окно о стекла биться, / Когда уйду – решишь не ты. / Напрасно думать: напророчу – / И в тень сойдет, как по струне... / Еще не вырастила роуцу, / Где яму выкопают мне» (перевод Г. Пирогова) (54).

В стихотворении «Трясогузка» (67) нет дополнительных мифологических подтекстов – птица изображается как наивно-веселое дитя природы, радующее людей своим пением.

Заметная языковая деталь, психоэмоциональная особенность поэзии Зои Дудиной – активность отрицательной частицы «не». Дискурс отрицания ожидаемо преобладает в произведениях о любви. «Не» говорится разным актантам – себе, приближенному Ты-субъекту, далеким и другим лицам. С большой регулярностью «не» представлено в заглавиях: «Не скажу», «Не клянись», «Не дарите мне любви», «Не знаю», «Нет, не отважна я», «Не гони».

ВЫВОДЫ

Поэзия Зои Дудиной в значительной степени трафаретна. Раскрываемые автором темы, мо-

тивны, образные комбинации совпадают с тем, о чем и как пишут другие марийские поэты. Повсеместно регистрируемое заметное однообразие, низкие скорости сюжетно-содержательного обновления – одна из острых проблем, стоящих перед марийской (и не только) литературой. Стихотворное творчество Зои Дудиной, бесспорно, *sub specie* художественных критериев имеет сильные стороны – пристальное внимание к религиозно-мифологической картине мира мари, подчас эмоционально-интуитивное высвечивание марийскости, привлекательная для доверительного сопереживания реципиента психологическая достоверность поэтизируемого. Важно, что тексты Зои Дудиной в достаточно большом количестве переведены на русский язык. Это обстоятельство открывает почти не представленную по-русски самобытную поэзию марийских женщин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Литература народов России: Учеб. пособие / Под ред. Р. З. Хайруллина, Т. И. Зайцевой. М.: ИНФРА-М, 2023. 385 с.
- 2 Дудина З. Доля земная: Избранные стихотворения, венок сонетов, поэмы. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2017. 232 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: Коллективная монография / Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева, Г. Е. Шкалина и др.; Сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019. 353 с.
2. Арзамазов А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения. Казань: Изд-во АН РТ, 2022. 316 с.
3. Гендерная репрезентация марийской этнической идентичности: язык, фольклор, литература: Монография / Н. Н. Глухова, Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева и др.; Под общ. ред. Н. Н. Глухой. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 383 с.
4. История марийской литературы / К. К. Васин, С. Я. Черных, А. Е. Иванов и др; Отв. ред. К. К. Васин, А. А. Васинкин. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 432 с.
5. Колчева Э. М. Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2008. 164 с.
6. Кудрявцева Р. А. Генезис и динамика поэтики марийского рассказа в контексте литератур народов Поволжья. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2011. 324 с.
7. Манаева-Чеснокова С. П. Художественный мир современной марийской поэзии: Монография. Йошкар-Ола, 2004. 188 с.
8. Марийцы: Историко-этнографические очерки. Изд. 3-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. 482 с.
9. Пантелева В. Г. Удмуртская поэзия рубежа XX–XXI вв: жанрово-стилевые и образные модификации // *Studia Litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 286–309. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309
10. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности: Коллективная монография / Науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. Екатеринбург; Ижевск; Сыктывкар: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.
11. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: Коллективная монография / Р. А. Кудрявцева, Н. Н. Старыгина, Н. И. Любимов и др.; Сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2022. 181 с.
12. Domokos P. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1985. 353 ol.
13. Toulouse E. Kuzebay Gerd and Udmurt literature // *Études finno-ougriennes*. 1996. 28. P. 5–28.
14. Toulouse E., Anisimov N. How the Udmurt understand the world, and man in it: Book review // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020. Vol. 14, No 1. P. 143–146. DOI: 10.2478/jef-2020-0010

Aleksey A. Arzamazov, Dr. Sc. (Philology), Head of Laboratory, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Leading Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7577-5917; arzami@rambler.ru

ETHNOPOETIC WORLD OF ZOYA DUDINA

Abstract. The article deals with the poems of Zoya Dudina, one of the most famous and artistically original representatives of modern Mari poetry. The relevance of the topic is due to the versatility of literary talent and the variety of poetic techniques of the author, as well as the obvious lack of studies on her creative concept. The research novelty of this work is determined by the fact that Dudina’s poems have not been studied in the context of the national tradition and Finno-Ugric literature, as well as by the theoretical and methodological underdevelopment of the theme of women’s lyric poetry in the history of Mari literature. The purpose of the work is to analyze the individual author’s features of the Mari poet’s artistic picture of the world, the ethno-cultural components, and the existential psychological aspects of her creative expression, which originate from the folklore and mythology of the Mari people. The main objectives of the study are to consider the motif-figurative complex (the motif of death, atmospheric and ornithomorphic symbols), the problem-thematic priorities of the author, individual linguo-aesthetic parameters, correspondence with the works of national classics (S. Chavain), and the degree of correlation between the original texts and their Russian translations.

Key words: national literature, ethnocultural identity, modern Mari poetry, figurative system, linguistic and poetic features, lyrical subject, folklore and mythological context, Zoya Dudina

For citation: Arzamazov, A. A. Ethnopoetic world of Zoya Dudina. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.941

REFERENCES

1. Axiological paradigm of the Mari literature of the XX–XXI centuries: Collective monograph. (R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyayeva, G. E. Shkalina et al.; R. A. Kudryavtseva, Ed.). Yoshkar-Ola, 2019. 353 p. (In Russ.)
2. Arzamazov, A. A. Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience. Kazan, 2022. 316 p. (In Russ.)
3. Gender representation of the Mari ethnic identity: language, folklore, literature: Monograph. (N. N. Glukhova, R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyayeva et al.; N. N. Glukhova, Ed.). Yoshkar-Ola, 2017. 383 p. (In Russ.)
4. History of Mari literature. (K. K. Vasin, S. Ya. Chernykh, A. E. Ivanov et al.; K. K. Vasin, A. A. Vasinkin, Eds.). Yoshkar-Ola, 1989. 432 p. (In Russ.)
5. Kolcheva, E. M. Ethnofuturism as a cultural phenomenon. Yoshkar-Ola, 2008. 164 p. (In Russ.)
6. Kudryavtseva, R. A. Genesis and dynamics of the Mari story poetics in the context of the literatures of the peoples of the Volga region. Yoshkar-Ola, 2011. 324 p. (In Russ.)
7. Manaeva-Chesnokova, S. P. Artistic world of modern Mari poetry: Monograph. Yoshkar-Ola, 2004. 188 p. (In Russ.)
8. The Mari: Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola, 2018. 482 p. (In Russ.)
9. Panteleeva, V. G. Udmurt poetry of the late 20th and the early 21st century: transformation of genres, styles, and images. *Studia Litterarum*. 2019;4(1):286–309. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-286-309 (In Russ.)
10. Perm literature in the context of Finno-Ugric culture and Russian literature: Collective monograph. (T. A. Snigiryov, E. K. Kozin, Eds.). Ekaterinburg, Izhevsk, Syktyvkar, 2014. 556 p. (In Russ.)
11. Modern Mari lyric poetry: artistic models of the world and the poetics of creative individuality: Collective monograph. (R. A. Kudryavtseva, N. N. Starygina, N. I. Lyubimov et al., R. A. Kudryavtseva, Ed.). Yoshkar-Ola, 2022. 181 p. (In Russ.)
12. Domokos, P. A kisebb uráli népek irodalmának kialakulása. Budapest, 1985. 353 ol.
13. Toulouze, E. Kuzebay Gerd and Udmurt literature. *Études finno-ougriennes*. 1996;28:5–28.
14. Toulouze, E., Anisimov, N. How the Udmurt understand the world, and man in it: Book review. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020;14(1):143–146. DOI: 10.2478/jef-2020-0010

Received: 5 May 2023; accepted: 26 June 2023

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАЗАКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5236-3423; mvk-2013@bk.ru

ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ БАЛАНДИН

магистрант Института филологии
Петрозаводский государственный университет
стажер-исследователь сектора языкознания Института
языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0003-0052-025X; idann205@gmail.com

**БИЛИНГВАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ АБРАМОВА:
ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО ПЕРЕВОДА**

А н н о т а ц и я . Рассмотрены особенности взаимодействия двуязычной художественной картины мира вепсского поэта Николая Абрамова на примере его авторского перевода, а также специфика трансформации культурного кода при передаче на второй язык. Актуальность исследования связана с необходимостью продолжить обсуждение проблем двуязычного творчества, а также процессов развития младописьменной вепсской литературы. Целью статьи является анализ репрезентации национальной картины мира в билингвальном творчестве на примере авторских переводов Н. Абрамова. В исследовании представлены авторские переводы стихотворений Н. Абрамова с вепсского языка на русский, которые отражают особенности диалогического мышления поэта, пишущего на двух языках, а также являются самостоятельными произведениями, получившими новое смысловое наполнение. В своем двуязычном творчестве Н. Абрамов стремится передать мысль, используя традиционные символы и образы, доступные носителю языка и культуры, на котором написан текст, а также отражающие национальное сознание народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : билингвальное творчество, Николай Абрамов, вепсыязычная литература Карелии, авторский перевод

Д л я ц и т и р о в а н и я : Казакова М. В., Баландин Д. Ю. Билингвальное творчество Николая Абрамова: особенности авторского перевода // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.943

ВВЕДЕНИЕ

Литература Карелии как художественная словесность, возникшая в процессе взаимодействия разных культур (русской, карельской, вепсской, финской), имеет ряд уникальных особенностей, к числу которых относится и ее билингвальная природа. Под художественным билингвизмом мы понимаем прежде всего особую форму диалога сознания двуязычного автора, который воплощает в художественном произведении момент коммуникации двух художественных картин мира, отражающих национальную специфику каждой из взаимодействующих культур.

«Используя два языка в своем творчестве, писатели аккумулируют опыты двух культур, тем самым обогащая его и расширяя границы самовыражения» [11: 277]. Необходимость билингвального творчества в литературе Карелии обусловлена историческими причинами. Литературный вепсский и карельский языки были фактически созданы во второй половине 1980-х годов, первая попытка в 1930-е годы заложить основы литературных языков для карелов и вепсов была драматичной и завершилась арестами исполнителей, уничтожением учебников и многочисленных произведений [11: 241].

На раннем этапе развития литературы Карелии писатели не имели возможности в полной мере реализовать свой творческий потенциал на родном языке, хотя и стремились использовать его в полотно художественного произведения. Так, карел Антти Тимонен, писавший произведения на финском языке, обращался к карельскому языку в диалогах героев для создания особого национального колорита. Билингвальные авторы Карелии

«(в отличие от писателей других народов бывшего Советского Союза) в силу социально-политических причин начинали писать не на родном, а на русском языке и лишь спустя время, имея уже творческий опыт, переходили в своей художественной деятельности на родной язык» [8: 342].

Таким образом, творчество на родном языке стало для них возможностью выразить свою национальную идентичность, определить границы «своего» мира, при этом «чужой» мир не воспринимается отрицательно, а наделяется коннотацией «иной», то есть отличный от «своего», но не противопоставленный ему. Такая дихотомичность восприятия призвана не разделить две картины мира, а обогатить каждую составляющую, привнести новые смыслы. Согласно концепции М. М. Бахтина [1], тексты, созданные в процессе диалога сознания, стоит расценивать как самостоятельные произведения, являющиеся результатом уникального способа познания мира. Особенно ярко акт диалога на уровне сознания проявляется в авторских переводах произведений на второй язык (например, в творчестве финна-ингерманландца О. Мишина – А. Хийри, вепса Н. Абрамова, карела А. Волкова). В процессе самоперевода автор не ограничен в должной мере рамками, поскольку только он сам управляет творческим процессом, находясь в реалиях двух культурных пространств, пользуясь разными языковыми средствами, необходимыми или доступными (в случае с младописьменными языками) для реализации творческой идеи.

Актуальность заявленной проблематики обусловлена необходимостью продолжения дискуссии о специфике билингвального художественного творчества, а также процессах развития младописьменной вепсской литературы. Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых (У. Вайнрайх [2], Х. Гренстранд [12], М. К. Кабакчи [7], А. Нурми [13], А. Сархимаа [14], А. М. Финкель [10]), которые определяют би-

лингвальное творчество как независимый процесс, поскольку тексты, созданные в результате авторского перевода, являются художественно равноценными.

Целью данной статьи является анализ особенностей реализации билингвальной картины мира в творчестве вепсского писателя Н. Абрамова на примерах авторских переводов. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в преподавании дисциплин, связанных с культурой и литературой Карелии.

* * *

Николай Викторович Абрамов (1961–2016) родился в селе Ладва Подпорожского района Ленинградской области. Воспитанный на русской литературе, первые свои стихи публиковал на русском языке в периодической печати Ленинградской области и Карелии, а также коллективных сборниках. Волна национального возрождения повлияла и на его творческую судьбу. Свою первую книгу на вепсском языке «Koumekümne koume» («Тридцать три») Н. Абрамов издал в 1994 году, она и положила начало зарождающейся вепсской литературе [5]. Переход на родной язык Н. Абрамову дался нелегко. Характеризуя творчество поэта, Н. Г. Зайцева писала:

«Будучи двуязычным, он поначалу думал по-русски, но писал на вепсском языке. Когда он стал мыслить образами родного языка, его стихи приобрели подлинно народное звучание» [6: 425].

Н. Абрамов активно занимался переводами классиков русской (А. Пушкин, Л. Толстой, С. Есенин, Б. Пастернак, Е. Евтушенко, В. Высоцкий) и зарубежной литературы (Шекспир, Поль Верлен, Омар Хайям) на вепсский язык, чтобы показать возможности и красоту поэтического вепсского языка.

Переживание за судьбу своего народа, своей малой родины и вепсского языка определяет и тематическое наполнение билингвального творчества поэта: безграничная любовь к своему родному краю, к своей малой родине, языку и культуре своих предков.

Обратимся к заявленной нами проблематике и рассмотрим стихотворение «Zirkol», которое было написано Н. Абрамовым на вепсском языке и перенесено им же на русский язык в мае 1992 года. Приведем полный вепсоязычный текст стихотворения с дословным переводом.

Zirkol

Sinai zirkol kerdal kaika, kaika...
 Äjan kerdoid sihe sinä kacud.
 Vaiše mindai varastada aigad
 Eile sinai... laske rindal astud.
 Andoi elo nügüd' minei holen,
 Kudamb künzib, kuti kondjan künded:
 Jose minä hubemb zirkolt olen?
 Jose ei voi nägištada mindai?

Olgha huba elo, aigahk kolda,
 Lujas kebn om tožhe mirhu lähtta.
 Minä tahtoin sinun zirkolon olda,
 Miše kaiken aigan sindai nähta...¹

Зеркало

У тебя зеркало с собой всегда, всегда...
 Много раз в него ты смотришь.
 Только меня ждать времени
 Нет у тебя... хотя рядом идешь.

Дала жизнь теперь мне заботу,
 Что режет, как медведя когти:
 Разве я хуже зеркала?
 Разве нельзя любоваться мной?

Пусть плоха жизнь, рановато умирать,
 Очень просто в иной мир отправиться.
 Я хочу твоим зеркалом быть,
 Чтобы все время тебя видеть...²

Стихотворение является ярким примером любовной лирики Н. Абрамова, в центре которого – образ зеркала: данная лексема не только выносится в заглавие, но и часто упоминается (три раза прямо, один раз косвенно); лирический герой хочет стать зеркалом для своей возлюбленной («Minä tahtoin sinun zirkolon olda» – Я хочу твоим зеркалом быть). В стихотворении нет и намек на соперничество или борьбу, оно лирично и бесконфликтно.

В любовной лирике Н. Абрамова на вепском языке часто присутствуют легко угадываемые вепские фольклорные образы, в данном случае это образ медведя, который используется поэтом в сравнительном обороте («kuti kondjan künded» (н. ф. – kondi) – как медведя когти). Этот факт важен потому, что медведь является культовым животным в мифологическом сознании вепского народа [3: 54–55], соответственно, гармонично вписывается в образную систему вепского читателя.

Теперь рассмотрим авторский перевод этого стихотворения, выделим его характерные особенности и сравним с вепскоязычным лирическим текстом.

Зеркало

Я простому завидую зеркалу –
 Ты глядишь в него утром и вечером.
 Только с этой стеклянной поделкою
 Грусть мою даже сравнивать нечего.

Ежедневно в твоей оно власти,
 Ты глядишь, красоту свою видя.
 Только мне, как сопернику в счастье,
 Остается его ненавидеть.

Повторять я не стану извечное,
 Говорить, что вся жизнь исковеркана...
 Просто знай, что и утром, и вечером
 Твоему я завидую зеркалу (44).

В первую очередь отметим явное различие настроений этих двух стихотворений. Если в вепскоязычном тексте печаль представлена лишь незначительной жалобой на жизнь («olgha huba elo» – пусть плоха жизнь) и спокойным, пассивным негодованием, вызванным невозможностью быть любимым, то в авторском переводе печаль выражается иначе: жизнь лирического героя «исковеркана» и, видимо, с давних пор («повторять я не стану извечное»), а его душевное состояние потрясает не только любовь, но и чувства, прямо ей противоположные.

Собственно, в авторском переводе представлены крайне негативные чувства, отсутствовавшие в «оригинале», – ненависть («остается его ненавидеть») и зависть («я простому завидую зеркалу», «твоему я завидую зеркалу»). Деструктивные чувства резко меняют настроение стихотворения, оно становится и более мрачным, и более воинственным: в тексте появляется мотив соперничества, которого не было в оригинале (или, по крайней мере, этот мотив был куда менее выраженным). Русский лирический текст утрачивает «вепское спокойствие» и становится «по-русски активно деятельным». Отметим также исчезновение при переводе с вепского образа медведя – символа хозяина леса, который является понятным и знаковым в культуре вепского народа.

Перейдем к синтаксическим различиям: в вепском тексте присутствуют два предложения, заканчивающиеся многоточием, что может означать неуверенность, подчеркивать смиренную печаль лирического героя, и два вопросительных предложения, в которых вопросы являются риторическими. В переводе же из всех нестандартных предложений осталось только одно, заканчивающееся многоточием. Это может свидетельствовать в пользу нашей гипотезы о диалоге вепской и русской художественных картин мира Н. Абрамова, при котором явно выраженное размеренное вепское начало полемизирует с активно действующим русским.

Рассмотрим другой пример – стихотворение «Kaikuččel – ičeze mägi...» («У каждого – своя гора...») 1987 года.

Kaikuččel – ičeze mägi,
Kaikuččel – ičeze koum...
Tähthaižen homencel nägen,
Dengoid vól kormanäs om.

Jokstase jänišad-voded,
Pördamoiš kodinnoks mest.
Kaikuččel – ičeze jogi,
Kaikuččel – ičeze mec.

Nores mö uradad olem,
Tuleb i meidennoks mel'.
Kaikuččel – ičeze elo,
Kaikuččel – ičeze kel'(6).

У каждого – своя гора,
У каждого – своя могила...
Звездочку по утру вижу,
Деньги еще в кармане есть.

Бегут зайцы-годы,
Вернемся к дому снова.
У каждого – своя река,
У каждого – свой лес.

В молодости мы – дураки,
Придет и к нам ум.
У каждого – своя жизнь,
У каждого – свой язык.

Тема этого стихотворения – тоска по малой родине. Вероятно, оно имеет непосредственное отношение к жизни автора: известно, что Николай Викторович долгое время жил вне родного вепсского поселка и, вероятно, тосковал по своей малой родине³.

В стихотворении особым образом выделяются строки, начинающиеся со слова «каikuččel» (каждому), они выражают авторскую позицию: у каждого человека есть свое место в жизни – свой дом, культура и язык (именно свой, слово «ičeze» (своя) повторяется в стихотворении шесть раз).

В представленном тексте, равно как и в предыдущем, присутствует образ животного, почитаемого вепсами, – зайца [3: 55].

Далее дан авторский перевод стихотворения, опубликованный в сборнике Н. Абрамова «Pagiškam, vel'l!» / «Поговорим, брат».

Каждому – вера и слово,
Каждому – посох и путь.
Вспомни своих родных снова,
Дом и язык не забудь.

Так нам даровано Богом,
Не на года, на века,
Каждому будет – дорога,
Каждому будет – река.

Юности внешние воды,
Старости тихий окрест...

Каждому – счастье на годы,
Каждому – тяжкий свой крест (42).

Главное отличие этих двух стихотворений состоит в наличии у перевода религиозного подтекста, это можно заметить по религиозно окрашенной лексике: «вера», «слово», «посох», «Бог», «крест». Употребление лексем «путь», «посох», «дорога» свидетельствует о том, что здесь найдено определенное выражение мотив странничества, повсеместно распространенный в русской культуре [4]. Известно, что синкретизм присущ вепсской культуре с давних времен: об этом свидетельствуют многие сохранившиеся языческие обычаи и народные мифы, которые впитали в себя некоторые элементы христианской культуры (см., например, вепсский миф о происхождении духов, записанный А. И. Колмогоровым [9: 136]).

В «оригинальном» стихотворении описание довольно статично, сосредоточено на наблюдении, созерцании («своя гора», «своя могила», «звездочку вижу» и т. д.); в переводе же заметно весьма бурное движение сугубо христианской жизни («посох и путь», «дорога», «счастье на годы»). Таким образом, вепсское мироощущение автора проявляется в созерцании, наслаждении родным краем, а русское мироощущение – в движении, подвиге деятельной религиозной жизни.

Обращает на себя внимание то, что в вепсском стихотворении у каждого человека *уже* есть своя гора, могила и т. д., а в русском лексема «каждому» указывает не на то, что есть *сейчас*, а на то, что *должно быть*. В авторском переводе строка «Не на года, на века» подчеркивает вечность божественного установления.

Последнее выбранное нами для анализа стихотворение Н. Абрамова называется «Vanh koir» («Старый пес»), оно было написано в 1991 году.

Vanh koir

Venub pertiš laval koir,
Oli hän-ki konz-se nor'.
Vaiše vanhtui lujas pigäi –
Lühüd živatoiden igä.

Kävel' mectamaha koir,
Nuti oravid i nädoid.
Nügüd' – jäl'gil hänen kor'b,
Hubin kuleb, hubin nägeb.

Minä koirad ambu en,
Ehtal sômäd külläks andan.
Õl hän koleb... Mecha ven,
Koivun alle kauman kaivan (7).

Старый пес

Лежит в доме на полу пес,
 Был и он когда-то молод.
 Только состарился очень быстро –
 Короток животного век.

Ходил на охоту пес,
 Лаял на белок и куниц.
 Сейчас – позади его чаща,
 Плохо слышит, плохо видит.

Я пса не застрелю,
 Вечером еды много дам.
 Ночью он умрет... В лес отнесу,
 Под березой могилу вырою.

Это стихотворение более остальных, представленных в статье, приближено к бытовой рабоче-крестьянской жизни и демонстрирует читателю образ любимого старого пса, некогда молодого помощника хозяина. В произведении представлены образы животных (пес, белка, куница), упоминается чаща и конкретное дерево – береза.

Рассмотрим авторский перевод этого стихотворения.

Старый пес

Помирает старый пес,
 а когда-то службу нес.
 Не видать теперь удачи,
 доживает век собачий.

«Ты, хозяин, не ругай,
 я теперь ведь плохо слышу.
 Ай, охота, лай да лай!
 Заскрипят по насту лыжи...»

Снова миска до краев,
 Только пес уже не в силах...
 И у леса на краю
 будет свежая могила (43).

Самое яркое отличие русского «перевода» от вепсского «оригинала» – прямая речь пса, который обращается к любящему хозяину с просьбой быть снисходительным к нему.

По всей видимости, произведение на вепсском языке обладает большей лиричностью благодаря

особой мягкости этого языка (например, многие слова в этом стихотворении заканчиваются мягкими согласными звуками: *kävel', nor', nügüd'*). В авторском переводе, напротив, встречаются лексемы, как бы подчеркивающие сниженное отношение человека к животным: «помирает», «доживает». Вероятно, это было неосознанным обращением к элементу христианской культуры, справедливо подчеркивающему превосходство человека над всеми иными существами, населяющими землю:

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1:26).

Что же касается «оригинала», то в тексте используется глагол «*kolda*» (умирать), не имеющий никакого особенного оттенка: он употребляется по отношению к животным точно так же, как и по отношению к людям. Для вепсского народа характерным является гармоничное сосуществование с миром природы, что и нашло отражение в вепсском тексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерной особенностью билингвальных стихотворений Н. Абрамов является их взаимодействие с национальной спецификой культуры, на языке которой написан текст. Анализ авторских переводов стихотворений позволяет говорить о диалогическом характере этих взаимоотношений. Н. Абрамов стремится создать стихотворение, которое будет отражать национальное сознание народа, включать знаковые образы и символы. Двуязычное творчество позволяет, с одной стороны, сделать «свою» культуру доступной внешнему читателю, с другой – избежать замкнутости и изолированности, соответственно, расширить возможности и перспективы родной культуры, языка и литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Абрамов Н. Поговорим, брат. Петрозаводск: Периодика, 2005. С. 13. Цитируется по данному изданию, в круглых скобках дана страница.
- ² Перевод с вепсского на русский выполнен Д. Ю. Баландиным.
- ³ Мошников О. «Поцелуй безответный – и дорог, и горек... Прощай...» // Лицей: интернет-журнал. 2019 г. 25 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/75735-potseluy-bezotvetnyiy-i-dorog-i-gorek-proshhay> (дата обращения 01.03.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: Сб. избранных трудов. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979. 260 с.

3. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
4. Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Вестник культурологии. 2010. № 1. С. 63–87.
5. Зайцева Н. Г. Вепская художественная словесность – путь к возрождению народа («вверх по лестнице, ведущей вниз»?) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18, № 4. С. 433–441. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441
6. История литературы Карелии. Т. 3 / Под ред. Ю. И. Дюжева; РАН, Институт мировой лит. им. М. Горького, Карельский научный центр, Институт языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. 458 с.
7. Кабакчи М. К. Билингвизм как ключевой фактор авторизованного перевода художественного произведения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2011. Вып. 3. С. 111–117.
8. Казакова М. В. Билингвальная картина мира в творчестве А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) (на примере авторского перевода) // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 338–353. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353
9. Строгальщикова З. И. Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2014. 284 с.
10. Финкель А. М. Об автопереводе // Теория и критика перевода. Л., 1962. С. 104–125.
11. 100 лет литературе Карелии. Время, поиски, портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова. Петрозаводск: Periodika, 2020. 432 с.
12. Grönstrand H. Self-translating: linking, languages, literary traditions and cultural spheres // Cosmopolitanism and transnationalism: Visions, ethics and practices. Helsinki, 2014. P. 116–137.
13. Nurmi A., Isomaa S., Pahlta P. Kielten ja kirjallisuuksien mosaiikki: näkökulmina valta, periferia ja arki. Helsinki: SKS, 2019. 338 s.
14. Sarhimaa A. Kaksikielisyystutkimuksen klassikoita // Virittäjä. 2002 (2). S. 315–322.

Поступила в редакцию 05.06.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Maria V. Kazakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-5236-3423; mvk-2013@bk.ru

Daniil Yu. Balandin, Master's Student, Petrozavodsk State University, Trainee Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0009-0003-0052-025X; idann205@gmail.com

BILINGUAL WORKS OF NIKOLAI ABRAMOV: FEATURES OF SELF-TRANSLATION

Abstract. The article examines the specifics of interaction of the bilingual artistic worldview of a Veps writer Nikolai Abramov through the example of his own translations, as well as the specific features of the cultural code transformation when transcoding it to another language. The relevance of the research is determined by the need to continue discussing the problems of bilingual literary works, as well as by the processes of development of newly scripted Veps-language literature. The purpose of this article is to analyze the representation of the national picture of the world in bilingual literary works exemplified by Nikolai Abramov's self-translations. The research focuses on Abramov's self-translations of his poems from the Veps language into Russian, which manifest the features of the dialogical thinking of the bilingual poet. The translations can also be seen as independent works with new semantic content. In his bilingual works, Nikolai Abramov strives to convey his ideas using traditional symbols and images available to a culture bearer and a native speaker of the language in which the text is written, which also reflect the national consciousness of the people.

Key words: bilingual literary works, Nikolai Abramov, Veps-language literature of Karelia, self-translation

For citation: Kazakova, M. V., Balandin, D. Yu. Bilingual works of Nikolai Abramov: features of self-translation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.943

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. Author and hero in aesthetic activity. *Bakhtin, M. M. Aesthetics of verbal creativity: Collection of selected works*. Moscow, 1979. P. 7–180. (In Russ.)
2. Weinreich, U. Language contacts: State and problems of research. Kiev, 1979. 260 p. (In Russ.)
3. Vinokurova, I. Yu. Mythology of the Veps: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
4. Dorofeev, D. B. The phenomenon of wandering (“strannichestvo”) in Western European and Russian cultures. *Herald of Culturology*. 2010;1:63–87. (In Russ.)
5. Zajceva, N. G. Vepsian literature as an aspiration of the revival of the people (“up the stairs leading down”?). *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2021;18(4):433–441. DOI: 10.22363/2618-897X-2021-18-4-433-441 (In Russ.)
6. History of Karelian literature. Vol. 3. (Yu. I. Dyuzhev, Ed.). Petrozavodsk, 2000. 458 p. (In Russ.)
7. Kabakchi, M. K. Bilingualism as a key factor of authorized translation of belles-lettres. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9: Philology, Asian Studies, Journalism*. 2011;9(3):111–117. (In Russ.)
8. Kazakova, M. V. Bilingual worldview in the poetry of Oleg Mišin – Armas Hiiri: the study of self-translation. *Studia Litterarum*. 2021;6(1):338–353. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-338-353 (In Russ.)
9. Strogalshchikova, Z. I. The Veps. Essays on history and culture. Documenting the language. St. Petersburg, 2014. 284 p.
10. Finkel, A. M. About self-translation. *Theory and criticism of translation*. Leningrad, 1962. P. 104–125. (In Russ.)
11. 100 years of Karelian literature. Time, searches, portraits. (E. I. Markova, N. V. Chikina, O. A. Kolokolova, M. V. Kazakova). Petrozavodsk, 2020. 432 p. (In Russ.)
12. Grönstrand, H. Self-translating: linking, languages, literary traditions and cultural spheres. *Cosmopolitanism and transnationalism: Visions, ethics and practices*. Helsinki, 2014. P. 116–137.
13. Nurmi, A., Isomaa, S., Pahta, P. Kielten ja kirjallisuuksien mosaiikki: näkökulmina valta, periferia ja arki. Helsinki, 2019. 338 s.
14. Sarhimaa, A. Kaksikielisyystutkimuksen klassikoita. *Virittäjä*. 2002;2:315–322.

Received: 5 June 2023; accepted: 3 August 2023

АЛЕВТИНА ВАСИЛЬЕВНА КАМИТОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук

(Ижевск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7119-1797; akamitova@mail.ru

СТИХОТВОРЕНИЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО И Л. Н. МОДЗАЛЕВСКОГО В УДМУРТСКИХ УЧЕБНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Освещаются вопросы презентации художественных текстов в удмуртских учебных изданиях второй половины XIX – начала XX века. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена ее малоизученностью в удмуртской филологии. Утверждается, что основным корпусом, выбранным в качестве материалов для чтения и изучения в национальных учебниках, являлись произведения отечественных писателей, выступавшие в качестве хрестоматийных образцов в русской учебной программе. Целью работы является выявление трансформационных изменений (образных, смысловых, рифмо-ритмических и других структурных особенностей), произошедших в удмуртских текстах во время переложения. Анализ осуществлен на примере стихотворений В. Ф. Одоевского и Л. Н. Модзалевского с применением сравнительно-сопоставительного, мотивно-образного и контекстуального подходов. Выявлено, что содержательная и смысловая части переводных вариантов зависели от социально-культурной и политической ситуации в стране. Со временем тексты из учебных книг кочевали в другие сферы, заимствовались поэтами и внедрялись в прозаические тексты, обрстая новым интертекстуальным контекстом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : удмуртская литература, учебники, хрестоматии, стихотворения, оригинал, переводы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Камитова А. В. Стихотворения В. Ф. Одоевского и Л. Н. Модзалевского в удмуртских учебниках второй половины XIX – начала XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 72–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.942

ВВЕДЕНИЕ

Появление первых литературных переводов на удмуртский язык в большинстве своем связано с началом издания в середине XIX века азбук, букварей, книг для чтения и учебных пособий. Основным корпусом для переводческих опытов служили произведения русских писателей и поэтов, которые, в свою очередь, в большинстве случаев заимствовались авторами удмуртских школьных пособий из русскоязычной учебной литературы. Как правило, в первых учебных книгах (как национальных, так и русских) не указывались имена авторов оригинальных текстов и ссылки на использованный источник, а сами произведения могли фигурировать без названия или под другими заголовками. На сегодняшний день провести атрибуцию таких литературных текстов возможно благодаря их известности и узнаваемости. Однако в научной литературе как переводы, так и их оригиналы не удостоиваются подробного рассмотрения. Наиболее

удовлетворительное рассмотрение и решение вопросов о механизмах отбора, включения, атрибуции произведений, публиковавшихся в ранних школьных книгах, наблюдается в русской филологии (см., например: [3], [5], [6], [7], [8] и др.). Внимание удмуртских исследователей в большинстве случаев сфокусировано на частных аспектах переводных художественных текстов, включенных в учебные издания, в частности на сравнении оригинала и его прототекста в жанровом, образно-смысловом, тематическом отношении, использовании авторами художественных, рифмо-ритмических средств и т. п. [2], [4].

Целью данной работы является определение корпуса текстов отечественных писателей, выбранных в качестве материалов для чтения и изучения в удмуртских учебниках, и их подверженности трансформациям в новых условиях. Отдельные выводы и наблюдения могут быть учтены при подготовке современных учебников, учебных и методических пособий, образователь-

ных программ и планов для высшей и средней школы.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве материала исследования в работе использованы удмуртские учебники второй половины XIX – начала XX века и вошедшие в них стихотворения русских поэтов в переводе на удмуртский язык. Анализ осуществлен на примере текстов В. Ф. Одоевского и Л. Н. Модзалевского. Выбор материала в значительной степени обусловлен тем, что стихотворения названных авторов включались в удмуртские учебники в качестве текстов для литературного чтения чаще всего, при этом их составители заимствовали произведения из предыдущих школьных изданий, модифицируя согласно своему видению. Проследить различные уровни трансформаций, произошедших в переводных текстах, позволило применение сравнительно-сопоставительного, мотивно-образного и контекстуального подходов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Авторы первых удмуртских учебников при отборе художественных (поэтических) текстов ориентировались на хрестоматийные образцы русской учебной программы. Н. Н. Блинов одним из первых включил в свою азбуку «Лыдзонь» (1867) произведения русских писателей в удмуртском переводе. В его издании представлены отрывок поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» и стихотворение Б. М. Федорова «Весна». Пушкинский отрывок поэмы позднее включит в свой «Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда» В. А. Ислентьев. Объяснить включение данного текста в удмуртские учебники возможно двумя причинами. Во-первых, данный пушкинский текст входил в ядро сформировавшегося к концу 1850-х годов российского школьного литературно-дидактического канона [1: 160]. Во-вторых, нормы и правила, которым должны были следовать учебно-методические издания этого периода, а именно – воспитание человека в духе православной культуры. Этот же фактор мог послужить основанием для включения в удмуртские учебники «Утренней песни» В. Ф. Одоевского. Впервые стихотворение русского поэта было опубликовано в «Сборнике детских песен дедушки Ирины» в 1847 году. Для наглядности приводим отрывок стихотворения «Встань поутру, не ленись!»:

*Мылом вымойся, утрись.
Кто растрёпан, не умыв,
Тот собой людей смешит.*

*Зубы, дёсны, крепче три
И снаружи; и снутри;
Чистым гребнем причешишь,
Да и Богу помолись¹.*

Вошедший в «Букварь для крещеных вотяков» текст «Покчи дышескислы» («Для юных учеников»), представляющий собой пересказ сюжета стихотворения прозой без отсылки к источнику и автору, перекликается с данным стихотворением русского поэта:

Щукна ижыса султем бере пыдде чад кутса; киде, банде, сінде жес миски. Ёырсыде сына кӧс кертонде керты деремде тупаты. Со бере тоне сӱллыкен султы-темезлы Иңмарлы тау кары; лымыт муртен таты-улыкен орчытыны Иңмарлыс кужым куры² («Проснувшись утром, быстро обуйся, руки, лицо, глаза хорошо умой. Расчеши волосы, завяжи пояс, подправь платье. Затем, что ты проснулся грешным, благодари Бога; проси у Бога сил, чтобы провести день с примирением рядом с другими людьми³»).

По существу удмуртский вариант воспринимается как самостоятельное художественное произведение, построенное на сюжете известного сочинения. В последующем удмуртский вариант текста «Покчи дышескислы» («Для юных учеников») с некоторыми изменениями будет повторяться и в других изданиях⁴.

Удмуртский перевод «Утренней песни» В. Ф. Одоевского в «Букваре...» (1889) и «Учебнике...» (1889) В. А. Ислентьева вышел под названием «Чукна» («Утром») в двух вариантах: в одном случае в прозаической форме, в другом, без всяких изменений, строфически оформленный как стихотворение с прослеживающимися в нем ритмом и рифмой:

II. Игром

*Встань поутру, не ленись!
С мѣлом вѣмойся, утрись!
Частым гребнем причешишь,
Да и Богу помолесь⁵.*

II. Чукна

*Султы чукна, эн азьтэмчы!
Майталэн мисьтаськы но чучкы!
Чылкыт сынэн сынаськы,
Но соборе Иңмарлы вӧсяськы⁶.*

В «Букваре...» (1907) И. С. Михеева данное стихотворение В. Ф. Одоевского на удмуртском языке транслировано в виде пересказа без названия и указания автора:

Изьыса султэм берад, пыддэ жӧг кутча; кидэ, бамдэ жеч миськы. Ёырсыдэ сына, дэремдэ тупаты. Со бере Иңмарлы вӧсяськы⁷ («После того, как проснулся, быстро обуйся, руки, лицо хорошо умой. Причеши волосы, поправь платье. Затем помолись Богу»).

Во фрагментарно воссозданном переводе сохранен религиозный маркер исходного текста, а транслированные примеры простейших норм бытового поведения православного христианина служат образцом для выработки детьми стратегий своего поведения.

Этот же отрывок «Утренней песни» В. Ф. Одоевского представлен в учебнике И. С. Михеева «Первая книга для чтения на вотском языке» (1907). Его удмуртский перевод, переданный ритмизованной речью, вошел как поэтический субстрат в прозаический текст ‘Утро / Утром’ («Љукна»). Повествование данного рассказа начинается со стихотворения:

*Љукна султыны эн азьтэмняськы,
Султы но ёсөггес дйсьяськы.
Ырдэ чебер сына но,
Собере Инмарлы вёсьяськы⁸.*

‘Не ленись утром просыпаться,
Вставай и побыстрее одевайся.
Голову красиво причеши и
Потом помолись Богу’.

Автор учебника, совместив в одном пространстве поэзию и прозу, показал себя как создатель простейших «синтетических» текстов, тем самым продемонстрировав текстопорождающие стратегии и возможности писателя, продуктивные и конструктивные модели взаимодействия поэзии и прозы.

В «Первой книге для чтения...» представлен другой, близкий по тональности к стихотворению В. Ф. Одоевского текст Л. Н. Модзалевского «Приглашение в школу». Удмуртский вариант дан без названия и указания автора. Оригинал стихотворения впервые был опубликован в 1864 году в учебнике К. Д. Ушинского «Родное слово» и стал широко известен благодаря последующим публикациям в выходивших во второй половине XIX века школьных хрестоматиях. В удмуртском варианте прослеживается свободное обращение переводчика с оригиналом стихотворения Л. Н. Модзалевского, при этом реконструируется сюжетная линия, в которой затронута ключевая для эпохи тема православного воспитания. Для наглядности представляем оригинал параллельно с удмуртским переводом:

*Дети, в школу собирайтесь!
Петушок пропел давно.
Попроворней одевайтесь!
Смотрит солнышко в окно.*

*Человек, и зверь, и птишка –
Всё берется за дела;*

*С ношей тащится букашка;
За медком летит пчела.
Ясно поле, весел луг;
Лес проснулся и шумит,
Дятел носом: тук да тук!
Звонко иволга кричит.
Рыбаки уж тащут сети;
На лугу коса звенит...
Помолясь, за книгу, дети!
Бог лениться не велит!⁹*

*Эй пинялёс, школэ люкаське!
Атас но кемалась чортйз ини,
Шунды но укное учке ини,
Дыртысагес дйсьяське.
Адями, звърёс, тылобурдоёс, –
Каждоез ас ужезэ ужало:
Мўшьёс мулы лобало,
Тылобурдоёс номыр люкало.
Нюлэскын тылобурдоёс кырзало,
Бусыйын муртъёс ужало;
Шурын чорыг кутыло,
Возь вылын турым турнало.
Вёсьяськыса книгадэс басьтэ но,
Иньтыяды пукселэ.
Инмар азьтэмняськыны уг косы,
Мылйсь-кыдйсь дышечке!¹⁰*

В удмуртском варианте выдержано строфическое построение, наблюдаются попытки организации текста по законам стихосложения. Разные схемы рифмования и ритмических рисунков, используемых в пределах данного перевода, являются отражением творческих поисков переводчика. Невыдержанность ритма и рифмы в пределах стихотворения свидетельствует об ученическом, начальном периоде развития стихотворства в удмуртской литературе. Несмотря на бедность художественных приемов, перечислительную интонацию, почти буквальная перевод, очевидно настойчивое и утвердительно освоенное переводчиком поэтическое искусство. Это же стихотворение Л. Н. Модзалевского использует М. И. Ильин в «Первой книге для чтения» без ссылки на автора и источник, из которого оно было извлечено. Оригинал, проникнутый духовно-религиозной мотивацией, в переводе М. И. Ильина свободен от религиозного контекста, что объясняется социально-культурной и политической ситуацией в стране: начавшиеся реформы в системе образования России были направлены на демократизацию школы, отделение ее от церкви. Кроме того, текст Л. Н. Модзалевского в удмуртском варианте претерпел существенную переделку и увеличился в объеме благодаря дополнительному развитию сюжетной линии. В целях получения объектив-

ной картины предлагаем версию М. И. Ильина с подстрочным переводом:

*Школэ öтён
 Чалякгес тй люкаськелэ,
 Ныл-пиёсы, школьёсэ
 Дыртысагес дйсяськелэ,
 Шунды вьлэ тубьлэ...
 Аямы но, пйшуръёс но
 Ужэс ужан куськыло,
 Векчи тыло-бурдоёс но
 Кемалась-ик лобало.
 Тужик пичи бöчиед но
 Аслыз сиён вайылэ,
 Ужлы сюлмо зеч мушед но
 Чечы утчан кошкылэ.
 Чошкыт бусы туж сэзь улэ;
 Паськыт возъёс туж шулдыр,
 Возъёс вöзын нюлэс сьлэ,
 Со но сайкам, куашетэ...
 Тыршись сизь но пуэз кока
 Ас нырзэ чик жалайтэк.
 Соин чöчик вож-кыред но
 Туж сюлмисьтыз чырекъя...
 Чорыгасьёс берто ини
 Тырос чорыг кутыса,
 Коть кинэд но ужа ини
 «Мынам визьмы вань» шуса.
 Тй но, мусо ныл-пиёсы,
 Дыртэ, дыртэ школьёсэ,
 Отын сюлмись тыршелэ но
 Тырос визь тй люкалэ¹¹.*

Приглашение в школу

‘Поскорее собирайтесь,
 Ребятишки, в школу
 Поскорее одевайтесь,
 Солнце поднимается высоко...
 И люди, и звери
 Принимаются за работу,
 И мелкие птицы
 Давно уже летают.
 Даже маленький жучок
 Себе приносит пропитание,
 И трудолюбивая добрая пчела
 Улетает собирать мед.
 Ровное поле спокойное;
 Просторные поля очень красивые,
 Возле полей стоит лес,
 И он проснулся, шумит...
 И трудолюбивый дятел долбит дерево,
 Не жалея своего клюва.
 Вместе с ним и зеленый дятел
 Старательно кричит...
 Рыбаки уже возвращаются
 С хорошим уловом,
 Все уже работают,
 «Я грамотный», говоря.
 И вы, милые дети,
 Спешите, спешите в школу,
 Там старайтесь и
 Набирайтесь ума’.

Стихотворение Л. Н. Модзалевского в варианте М. И. Ильина утратило некоторые обра-

зы. Агитационно-пропагандистская интонация в переводе маркирована реалиями эпохи и звучит в унисон внедряемых в этот период просветительских проектов, направленных на ликвидацию неграмотности населения. В отличие от оригинала, в удмуртской версии тема овладения грамотой через труд осмыслена, минуя православный компонент воспитания, посредством образов и понятий новой светской культуры: обучения в школе, получения образования и новых знаний.

В отдельных случаях тексты из учебных книг кочевали в другие сферы, постепенно дополняясь новым содержанием, тем самым становясь важным механизмом репликации, способствующим сохранению текстов в культурной памяти народа. К примеру, отголоски модзалевского текста прослеживаются в удмуртской песне, опубликованной в одной из работ некоего Петропавловского. Образец текста записан им 25 июня 1925 года во время этнографической экскурсии в удмуртскую деревню Пунем:

*Султы султы нуные ишколае мыныны
 Султы султы нуные ишколае мыныны.
 Пичизэ но азьтыса бадзым зэ но сайкатса (2 раза).
 Тэль дыдык но султйз ни, Лыз дадык но султйз
 ни (2 раза).
 Векчи тылобудоёс кемалась ик кырзалоз (2 раза)¹².*

Текст песни сопровождает объяснение автора публикации о том, что «в связи с обрядностью, у удмуртов сложились песни, материалом для которых служит все виденное, пережитое»¹³. К песне приложен русский перевод, осуществленный Кузубаеом Гердом. Сопровождающая нотная запись, вероятно, сделана им же. Предлагается следующий перевод:

Просыпайся, просыпайся, дитя, чтобы в школу идти.
 Просыпайся, просыпайся, дитя, чтобы в школу идти.
 И маленького двигая вперед и большого будя от сна
 (2 раза),
 И лесной голубь проснулся уже, и сизый голубь
 проснулся уже (2 раза),
 Мелкие пташки давно уж поют (2 раза)¹⁴.

Стихотворение-песня Л. Н. Модзалевского могло изучаться или даже разучиваться в школе, публиковаться в местных газетах, а затем получить распространение среди народа, обрастая новыми смыслами и становясь источниками новых вариаций.

В пьесе И. С. Михеева «Удмурт Дышетъсь (Вотский учитель)» (1924) стихотворение Л. Н. Модзалевского используется как элемент драматического сюжета. В произведении описываются школьные занятия детей, в од-

ном из классов которых «слышится стройное пение учеников. Поют стихи: “Дети в школу собирайтесь”»¹⁵. Один из учеников предлагает спеть эту песню на удмуртском языке, и дети запевают. Хотя в пьесе сами тексты не представлены, но в ней есть объяснение того, что текст Л. Н. Модзалевского под названием «Дети в школу собирайтесь» (под таким названием стихотворение становится наиболее известным) разучивался и исполнялся в школах на русском и удмуртском языках.

Другой вариант перевода стихотворения Л. Н. Модзалевского на удмуртском языке нами обнаружен в одном из текстов пьес, помещенных в сборнике «Егитъёслы шудонъёс» (1921) («Игры / Пьесы для молодежи»), предназначенном для постановок в школах. Стихотворение представлено в пьесе в двух действиях «Школаын» («В школе»), являющейся переводом комедии «В сельской школе» Клавдии Владимировны Лукашевич. Удмуртский вариант школьной постановки переложен Поздеевым. В оригинале обозначен автор стихотворения «Дети! В школу собирайтесь» – Л. Н. Модзалевский и имеется примечание о том, что год издания – 1864¹⁶. В переводе текст включен без ссылки на основное произведение и без указания автора. Как и в исходном тексте, в удмуртском варианте имеется пометка, что данный текст поет хор (*Хор. (кырдыя)*):

*Люкаське школае пинал'ёс!
Кемалась атак чортйз,
Ялэ, мынэ мусойос.
Косяке шунды учкиз!
Адями, кадь тыло-бурдо
Уж пумэ вичак куско:
Бубыли нуэ мае ке.
Муш чечы понна лобе.
Луд вольыт, возь шулдыр,
Сайкаса нюлэс но чаитэ.
Нырыныз сизь торт, торт, торт,
Папаёз шулдыр маде.
Сётэз кыско черыгасьёс.
Возьвылын кусо турна
Мыло кыдо пинал'ёс
Книгаен дышетско¹⁷.*

‘Собирайтесь в школу, дети!
Давно петух пропел,
Давайте, идите, милые.
В окно солнце заглянуло!
Люди, как птицы,
Берутся за работу:
Бабочка что-то несет.
Пчела летит за медом.
Поле красивое, луга красивые,
Проснувшись, и лес шумит.
Носом дятел торт, торт, торт,
Птицы весело щебечут.
Сети тянут рыбаки.

На лугах коса косит,
Усердно дети
Учатся по книге’

В целом в данном переводе воссоздан образно-мотивный ряд, внесены лишь некоторые изменения, в числе которых – замена контекста, связанного с обучением в духе православного содержания, на новый, отсылающий к просвещению и образованию без акцента на религиозную составляющую.

Отголоски стихотворения Л. Н. Модзалевского «Приглашение в школу» обнаруживаются в одном из стихотворений М. П. Прокопьева. Нравственность как основа жизни пропагандируется им в форме полезных наставлений в стихотворении «Ужез валэктон» («О необходимости трудиться»). В тексте говорится о пользе грамоты в освоении трудовых навыков:

*Султэ замангес,
Бамдэс миськелэ,
Усьтэ книгадэс,
Остэ карелэ <...>
Разной ужйосыз
Ужан тодыны,
Муртлэсь но зечгес
Книга адзытэ¹⁸.*

‘Вставайте поскорее,
Умойте лицо,
Откройте книгу,
Помолитесь Господу
<...>
Любое ремесло (дело)
Освоить
Лучше человека
Книга показывает’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы и составители удмуртских учебников второй половины XIX – начала XX века внедряли в свои труды хрестоматийные тексты многих русских поэтов. В число наиболее популярных стихотворений вошли сочинения В. Ф. Одоевского и Л. Н. Модзалевского. При отборе для перевода в основном делался упор на тексты, связанные с христианской основой миропонимания. Религиозные мотивы и темы, размещенные в легкие стихотворные формы, адаптировались для школьного обучения. С появлением новых учебников переводы одних и тех же авторов претерпевали различные трансформации, зачастую без отсылки к источнику и автору. А с началом реформ в системе образования России переводные хрестоматийные тексты освобождались от религиозного контекста. Постепенно тексты из учебных книг кочевали в другие сферы, заимствовались поэтами, порождая механизм интертекстуального плана.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Одоевский В. Ф. Утренняя песня // Одоевский В. Ф. Сборник детских песен бабушки Ирины. М.: Юргенсон, 1897. С. 7.
- ² Букварь для крещеных вотяков. Гожтет тодытэ. Казань: Тип. Коковиной, 1875. С. 16.
- ³ Подстрочные переводы заключены в марровские кавычки (‘ ’).
- ⁴ Букварь для крещеных вотяков. Гожтет тодыте. Казань: Тип. Коковиной, 1882. С. 16; Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда. Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1882. С. 13; Ислентьев В. А. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Елабуга: Скоропечатня И. Н. Кибардина, 1889. С. 40.
- ⁵ Ислентьев В. А. Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. Елабуга: Скоропечатня И. Н. Кибардина, 1889. С. 142.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Михеев И. С. Букварь для вотских детей. Казань: Центральная типография, 1907. С. 40.
- ⁸ Михеев И. С. Первая книга для чтения на вотском языке. Казань: Центральная типография, 1907. С. 15.
- ⁹ Ушинский К. Д. Родное слово. СПб., 1898. С. 3. Для удобства предлагаем текст Л. Н. Модзалевского в разбитом на строфы виде. В книге К. Д. Ушинского материал представлен в прозаической форме.
- ¹⁰ Михеев И. С. Букварь для вотских детей... С. 11–12.
- ¹¹ Ильин. М. И. Букварь бере чырдон книга. Первая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1921. С. 11–13.
- ¹² Петропавловский. Этнографическая экскурсия в дер. Пунем, Нылги-Жикьинской вол., Иж уезда // Труды. Научное общество по изучению Вотского края. 1926. Вып. 2. С. 109.
- ¹³ Там же. С. 108.
- ¹⁴ Там же. С. 109.
- ¹⁵ Михеев И. С. Удмурт Дышетысь (Вотский учитель). М., 1924. С. 19.
- ¹⁶ Лукашевич К. В. В сельской школе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/l/lukashewich_k_w/text_1914_v_selskoj_shkole.shtml (дата обращения 10.05.2023).
- ¹⁷ Поздеев. Школаын // Егитъёслы шудонъёс. Ижевск: Удкнига, 1921. С. 67.
- ¹⁸ Прокопьев М. П. Максимлэн гожтэмез. Оса: Тип. уез. испол. ком., 1918. С. 2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрогов В. Г., Тендрякова М. В. «Детский Мир» К. Д. Ушинского и «Книга для чтения» И. И. Паульсона: спор между Гидом и Наставником // «В России надо жить по книге»: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX веках): Сб. науч. ст. и материалов / Под ред. М. В. Тендряковой и В. Г. Безрогова. М.: Памятники исторической мысли, 2015. С. 148–169.
2. Волкова Т. Г. Литературные жанры в «Книгах для чтения» И. С. Михеева // Пятые Короленковские чтения: Материалы регион. науч. конф. (25–26 октября 1999 г.). Глазов: Изд-во ГГПИ, 2000. С. 170–173.
3. Днепров Э. Д. Ушинский и современность. М., 2008. 232 с.
4. Павлова И. Ф. Удмуртская детская книга в 1847–1941 годы: история, типология. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. 130 с.
5. Сенькина А. А. Трансформации художественного текста в хрестоматиях XIX в.: к вопросу о школьном каноне // Детские чтения. 2014. Т. 6, № 2. С. 350–365.
6. Acta Slavica Estonica IV: Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX века и поэтический канон / Под ред. Р. Лейбова, А. Вдовина. Тарту, 2013. 345 с.
7. Belentsov S., Plyina I., Malykhina O., Gulyankova T. A probe into the teaching comprehended reading to students in Russia of the second half of the XIX century // International Transaction Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies. 2020. Vol. 11, № 11. S. 1–8.
8. Klimovich N. Translated literature in the Russian culture of the 20th century: Manipulation and censorship // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2018. Vol. 1, № 11. S. 98–105.

Поступила в редакцию 19.05.2023; принята к публикации 26.06.2023

Original article

Alevtina V. Kamitova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation) *ORCID 0000-0001-7119-1797; akamitova@mail.ru*

POEMS BY VLADIMIR ODOEVSKY AND LEV MODZALEVSKY IN UDMURT TEXTBOOKS OF THE SECOND HALF OF THE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES

Abstract. The article focuses on the presentation of literary texts in Udmurt academic publications of the second half of the XIX and the early XX centuries. The relevance of the topic is due to it being insufficiently studied in Udmurt philology. It is stated that the main corpus chosen as reading and learning materials for national textbooks were the

works of Russian writers, which served as «golden standard» examples in Russian curricula. The aim of the work is to identify the transformational changes (regarding imagery, meaning, rhymes, rhythmic and other structural features) in the Udmurt texts that occurred during translation. The author analyzed poems by Vladimir Odoevsky and Lev Modzalevsky using comparison and contrast, as well as the motive-figurative and contextual approaches. It was revealed that the content and semantic parts of the translated versions depended on the socio-cultural and political situation in the country. Over time, the texts from the textbooks migrated to other spheres, were borrowed by poets and integrated into prose texts, acquiring a new intertextual context.

Key words: Udmurt literature, textbooks, anthologies, poems, source text, translations

For citation: Kamitova, A. V. Poems by Vladimir Odoevsky and Lev Modzalevsky in Udmurt textbooks of the second half of the XIX and the early XX centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):72–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.942

REFERENCES

1. Bezrogov, V. G., Tendryakova, M. V. *Children's World* by K. D. Ushinsky and *Book for Reading* by J. H. Paulson: a dispute between a guide and a mentor. "In Russia you live by the book": teaching reading and writing in elementary schools (evolution of textbooks in the XVI–XIX centuries): *Collected papers*. (M. V. Tendryakova, V. G. Bezrogov, Eds.). Moscow, 2015. P. 148–169. (In Russ.)
2. Volkova, T. G. Literary genres in Books for Reading by I. S. Mikheev. *The Fifth Korolenko Readings: Proceedings of the regional research conference (October 25–26, 1999)*. Glazov, 2000. P. 170–173. (In Russ.)
3. Dneprov, E. D. Ushinsky and the present. Moscow, 2008. 232 p. (In Russ.)
4. Pavlova, I. F. Udmurt children's book in 1847–1941: history and typology. Izhevsk, 2011. 130 p. (In Russ.)
5. Sen'kina, A. A. Transformations of literary text in the anthologies of the XIX century: the issue of the school canon. *Children's Readings*. 2014;6(2):350–365. (In Russ.)
6. Acta Slavica Estonica IV: Textbook texts: Russian pedagogical practice of the XIX century and the poetic canon. (R. Leibov, A. Vdovin, Eds.). Tartu, 2013. 345 p. (In Russ.)
7. Belentsov, S., Ilyina, I., Malykhina, O., Gulyankova, T. A probe into the teaching comprehended reading to students in Russia of the second half of the XIX century. *International Transaction Journal of Engineering, Management, & Applied Sciences & Technologies*. 2020;11(11):1–8.
8. Klimovich, N. Translated literature in the Russian culture of the 20th century: Manipulation and censorship. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018;l(11):98–105.

Received: 19 May 2023; accepted: 26 June 2023

УЛЬЯНА ОЛЕГОВНА ЩУКИНА

аспирант

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
научный сотрудник Центра перспективных научных проектов

Российская национальная библиотека
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0009-0002-7715-3817; ulyana.11.10@yandex.ru

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД НА ВЕРХНЕЙ УФТЮГЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Статья посвящена свадебной традиции верхнего течения р. Северной Двины. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обобщения результатов фольклорно-этнографической деятельности в этом регионе. Целью работы является введение в научный оборот записи локального варианта севернорусского свадебного обряда, зафиксированного в селе Верхняя Уфтюга Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии (сейчас – Красноборский район Архангельской области) в 1920-е годы. Рукопись, в настоящее время находящаяся в архиве Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С. И. Тупицына, представляет собой результат сбора и фиксации фольклорной традиции учительницей местной школы О. А. Шестаковой. Данная запись верхнеуфтюжского свадебного обряда – единичный случай в ее собирательской практике в регионе верховья р. Северной Двины, формат ее приближен к полевым записям современных фольклористов. Собирателем-краеведом была проведена плодотворная работа с информантом: в тексте содержатся дополнительные вопросы и комментарии ритуальных действий, зафиксированы все характерные для севернорусской свадебной традиции этапы и действующие лица, тексты песен. Публикуемый документ интересен и в качестве записи одного из локальных вариантов севернорусского свадебного обряда, и как органичный пример золотого века краеведения – периода в истории развития русской фольклористики в начале XX века. Помимо записи свадебного обряда объектом исследования в настоящей статье выступают материалы к биографии собирателя. Привлечение к исследованию малоизученных и труднодоступных источников, введение их в научный оборот и комплексный комментарий составляют научную новизну работы.

Ключевые слова: Верхняя Уфтюга, краеведение, локальная фольклорная традиция, музейный фонд, Русский Север, свадебный обряд, собирательская деятельность

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-78-10135). Благодарю мою бабушку заслуженного учителя Российской Федерации В. К. Щукину, моего научного руководителя доктора филологических наук, профессора А. Н. Власова за вдохновение, помощь и поддержку в написании статьи.

Для цитирования: Щукина У. О. Свадебный обряд на Верхней Уфтюге в начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 79–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.944

ВВЕДЕНИЕ

Среди фольклорно-этнографических материалов архива Красноборского историко-мемориального и художественного музея им. С. И. Тупицына (далее – Красноборский музей) выделяется рукопись под названием «Старинные свадебные песни и обряды. Записаны в 20-е годы на Уфтюге Шестаковой О. А.»¹. В двух других фондах этого же архива обнаружены факты биографии собирателя – учителя местной школы

Ольги Алексеевны Шестаковой – в автобиографическом очерке и записках современников.

В совокупности эти материалы выступают как источники исследования фольклорной традиции региона верхнего течения р. Северной Двины² и как примеры собирательской деятельности носителей традиций, представителей сельской интеллигенции, по сохранению и передаче информации о крае и памяти о месте, событии, локальной традиции.

Автобиография О. А. Шестаковой³ написана синими чернилами на 16 тетрадных листах с одной стороны, содержит дату – 12 апреля 1971 года и подпись-автограф. В документе перечислены основные сведения о ее профессиональной деятельности, содержание которых не выходит за рамки стандартной формы советской автобиографии.

Биографические сведения об О. А. Шестаковой встречаются также в архивном фонде красноборского краеведа П. Г. Зашихина⁴. Текст записан в школьной тетради синими чернилами, без даты и подписи-автографа. Информация о жизни и профессиональной деятельности О. А. Шестаковой, представленная П. Г. Зашихиным, во многом повторяет автобиографические сведения из упомянутого выше документа. Текст биографии автор сопроводил цитатами из воспоминаний Ольги Алексеевны, ее коллег; из дополнительных сведений встречаются более подробные факты о родительской семье. Представленная далее краткая биография восстановлена по результатам анализа этих двух документов.

Ольга Алексеевна Шестакова родилась 16 января 1897 года в г. Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (сейчас – с. Красноборск Архангельской области) в крестьянско-мещанской семье. Отец, мещанин Алексей Павлович, воспитывал десятерых детей, каждому из них было дано хорошее образование. Сначала все учились в церковно-приходской школе, затем – в Красноборском городском высшем начальном училище. В 1912 году О. А. Шестакова поступила в Сольвычегодскую женскую гимназию, которую окончила через четыре года с серебряной медалью. Профессиональную деятельность она посвятила преподаванию: сначала на дому в г. Архангельске (и в это же время служила переписчицей в акцизном ведомстве), в 1918–1921 годах работала учителем начальной школы (школы I ступени)⁵ в с. Верхняя Уфтюга Березо-Наволоцкой волости (с 1918 года – Верхнеуфтюжской волости) Сольвычегодского уезда. После прохождения в г. Великий Устюг курсов по подготовке учителей ударных школ была назначена заведующей Красноборской ударной школой. В 1922–1925 годах О. А. Шестакова училась на общественно-педагогическом отделении факультета общественных наук (ФОН) 1-го Московского университета (МГУ). После окончания университетских курсов преподавала обществоведение в школе-семилетке г. Серпухова Московской области. В 1927 году защитила дипломную работу

«Краеведческий материал в VI группе школы-семилетки по программе ГУСа⁶ (Текстильная промышленность г. Серпухова в прошлом и настоящем)». Осенью 1930 года поступила в аспирантуру при Научно-исследовательском институте методов внешкольной работы (г. Москва) (в 1931 году ввиду его реорганизации была перенаправлена в Программно-методический институт (с 1933 года – Центральный НИИ педагогики)). После окончания аспирантуры в июне 1933 года и вплоть до 1957 года преподавала педагогику в нескольких высших учебных заведениях, среди которых Барнаульский учительский институт Западно-Сибирского края, Удмуртский государственный педагогический институт (г. Ижевск) и Борисоглебский учительский (позднее – педагогический) институт (Воронежская область). В каждом из этих институтов О. А. Шестакова исполняла обязанности заведующей кафедрой педагогики и психологии. 12 апреля 1951 года защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук на тему «Самостоятельная работа учащихся пятых классов в классе и дома» при Научно-исследовательском институте теории и истории педагогики АПН РСФСР (сейчас – Российская академия образования (РАО)). Статьи по теме диссертации были опубликованы в газетах «Удмуртская правда» и «Удмуртская коммуна», в сборнике «Опыт передовых учителей. Преподавание русского языка в школе» (г. Воронеж). Помимо многочисленных сведений об общественной и культурно-просветительской работе в рамках школьного и университетского преподавания О. А. Шестакова упомянула в автобиографии об организации в с. Верхняя Уфтюга спектаклей по произведениям А. Н. Островского, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и др.

Годы активной собирательской и краеведческой деятельности О. А. Шестаковой пришлось на золотой век краеведения (по выражению историка и краеведа С. О. Шмидта) – 1917–1927 годы. Она начала вести записи фольклорно-этнографического содержания в годы работы учителем⁷ (1918–1921) в школе с. Верхняя Уфтюга с фиксации свадебного обряда с текстами песен⁸. Ольга Алексеевна вернулась в известные ей с детства места после получения образования, освоения профессии и знакомства с новой для нее городской средой. Таким образом, собирательница включилась в свою традицию, но уже как внешний наблюдатель. Краеведческие интересы педагога проявились и во время работы в школе г. Серпухова (Московская область) в 1925–1930 годах. Областью изысканий

на этом этапе стала история текстильной промышленности Серпухова. Тогда О. А. Шестакова участвовала в работе краеведческого кружка при местном музее, выступала с докладами на конференциях и публиковалась в местных печатных изданиях. В 1927 году была избрана членом правления Серпуховского краеведческого общества и членом краеведческого музейного совета. С февраля 1928 года посещала заседания культурно-исторической секции Московского краеведческого общества при Моссовете⁹.

Записи по верхнеуфтьюжскому свадебному обряду озаглавлены собирателем на л. 3: «Свадебные песни и обряды». Текст записан карандашом на бланках делопроизводственного журнала (один из столбцов озаглавлен «Кем была осмотрена школа»). На л. 12–15 рукописи чернилами внесены статистические данные под общим заголовком «Культур<ная> пятилетка обл<асти> Коми» и далее по разделам: «Землепользование», «Животноводство», «Колич<ество> колхозов», «Тундровое хозяйство», «Валовая продукция». На л. 14 об. – запись черными чернилами другой рукой: «Итого в сей книге пронумерованных двадцать четыре (24) листа», ниже заверочной записи расположены подписи протоиерея Иоанна Беляева и священника Николая.

Документ «Старинные свадебные песни и обряды. Записаны в 20-е годы на Уфтьюге Шестаковой О. А.» помимо записи обряда содержит письмо, адресованное основателю и директору Красноборского музея Сергею Ивановичу Тупицыну и его жене Раисе Александровне. Письмо от 16 <сентября 1983> года с подписью-автографом О. А. Шестаковой написано зелеными чернилами на сложенном вдвое листе. В письме содержатся записи личного характера: сообщаются сведения о жизни друзей и родственников, указаны некоторые факты автобиографии. О собирательской деятельности О. А. Шестакова пишет, тем самым сообщая условия записи свадебного обряда на Верхней Уфтьюге, следующее (эти строки подчеркнуты красным карандашом рукой неустановленного лица – возможно, читателями документа):

«Получили ли Вы (С. И. Тупицын. – У. Ш.) посылку, в которую вложена записка о свадебном обряде на Уфтьюге? Записано мною со слов пожилой женщины, которая ночевала у Мар. М. Волковой, чтобы посетить обедню и причаститься. Накануне она исповедалась. Эта записка сохранилась у меня. Нашла ее среди других многочисленных записей, которые я стала уничтожать (читать не вижу). Все, что я послала в посылке и бандероли с открытками, просмотрите и отложите для себя, а остальное – для музея»¹⁰.

Таким образом, сведения о месте записи обряда и информанте определяются из письма О. А. Шестаковой директору Красноборского музея. Время записи (указанное в названии документа по описи) – после изучения автобиографии: это 1918–1921 годы, время работы О. А. Шестаковой учителем в школе с. Верхняя Уфтьюга.

Зафиксированный собирателем свадебный обряд представляет собой один из локальных вариантов севернорусской свадебной традиции¹¹. В структурно-семантическом плане обряда обратим внимание на его структуру, персонажный код, а также репертуар свадебной лирики.

В верхнеуфтьюжском свадебном обряде по тексту выделяются следующие этапы: **сватовство** (приход сватов с женихом в дом невесты, смотр невесты, окончательный договор: совместное богомолье, родители невесты дают жениху задаток); **девичник** (шитник (шитье даров), жених приходит с подарками к невесте, смотры («с вестью»): жених приезжает с родней к невесте с подарками, одаривание невестой родных жениха); **сватанье** (свадьба в доме невесты: встреча жениха и его родных, выход невесты за стол, свадебное застолье, прощание невесты с ее родом, пропивание невесты: ходят к вину, одаривание женихом своей родни («здарье жениха»), одаривание невестой родных жениха, одаривание сватьей и дружкой со стороны жениха гостей, покрывание невесты шалью, застолье девушек (подруг невесты), благословение невесты родителями, отъезд к венцу); **свадьба в доме жениха** (встреча молодых от венца, благословение молодых родителями жениха, свадебное торжество в доме жениха, одаривание невестой родных жениха, вождение молодых на подклет, умыванье); **послесвадебные обрядовые действия** (гостьба к матери невесты на блины, проводины (гостят родные)).

В персонажный код описанного свадебного обряда входят (по принадлежности к свадебной стороне): к стороне жениха (молодого) относятся близкая родня жениха, сват и сватья (сваха), дружка жениха, крестная мать и крестный отец (в роли тысяцкого), парни (друзья жениха). К стороне невесты (молодой) также помимо родственников (среди которых в обрядовых функциях выделяются не только родители, но и брат (братан) невесты) относятся девушки (подруги невесты), сватья (скорее всего, крестная мать). В список действующих лиц, участвующих в свадебном обряде, выполняющих ритуальные акты во время умыванья, попадают соседи.

Свадебный репертуар на Верхней Уфтьюге в описании О. А. Шестаковой составляют во-

семь сюжетов песен, приуроченных к определенным моментам обряда:

1. *Заскочил козел в огородец, в огородец; Не по столу рюмочки бречат* – исполняется на шитнике (во время приготовления приданого, даров) девушками – подругами невесты.

2. *Пропил, пропил меня тяленька* (то же: *Пропила меня родна матушка*) – исполняется на сватанье подругами невесты во время угощения родных невесты жениховым вином.

3. *Не конь бежит по бережку* – припевание подругами невесты жениху, молодым людям на сватанье.

4. *Ни от ветру, ни от вихорю; Из-за лесу, лесу темного* – исполняется на сватанье подругами невесты после припевания себе парней.

5. *Как у чарочки, да у серебряной* – исполняется на сватанье подругами невесты во время одаривания сватьей и дружкой со стороны жениха гостей орешками.

6. *Вдоль было по лавочке* – припевание молодыми людьми девушек (по отдельности и всем вместе) на сватанье, во время угощения невестой девушек на ужине (застолье подруг).

7. *Из-за лесу, лесу темного; Не конь бежит по бережку* – припевания парней на сватанье подругами невесты после угощения невестой, во время угощения поезжан жениха вином и пивом.

8. *Не конь бежит по бережку; Не по столу рюмочки бречат* – исполняется гостями обоего пола во время свадебного торжества в доме жениха¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В верхнеуфтюжском варианте свадебного обряда, зафиксированном собирателем О. А. Шестаковой со слов носителя традиции, присутствуют все характерные для севернорусской свадебной традиции этапы. Представлено ши-

рокое число действующих лиц, их функций в обряде, содержатся полные варианты текстов свадебных песен. Наиболее яркими являются приговоры дружки жениха (встретившиеся большей частью на этапе сватанья), иносказательные ритуальные диалоги с эвфемистическими словесными формулами (сопровождающие укладывание молодых в постель перед брачной ночью), приметы и суеверия. Важным дополнением к записи служат ответы информанта на вопросы собирателя и комментарии, сделанные О. А. Шестаковой по ходу беседы.

Далее публикуется текст верхнеуфтюжского свадебного обряда по рукописи, орфография и пунктуация современные. Сохраняются некоторые особенности рукописного оригинала: *теты* (*тёты*) (л. 5 об.), *конфекты* (л. 6 об.) и др. Сокращенные слова в основном восстановлены без специальных указаний. В случае неясного написания или вариативного чтения восстановленные фрагменты слов даны в угловых скобках. Явные описки и ошибки исправлены без оговорок; цифры прописаны текстом. В круглых скобках представлены пояснения, сделанные собирателем. В ряде случаев в круглые скобки заключены комментарии публикатора с соответствующей пометой.

Выделение этапов верхнеуфтюжского свадебного обряда и их названия даны и выделены полужирным шрифтом и курсивом в целях лучшего восприятия текста публикатором¹³. Примечания к рукописи, в число которых входят указанные собирателем на полях рукописи комментарии и уточняющие вопросы (в том числе зачеркнутые)¹⁴, пронумерованы арабскими цифрами. Лингвистические, этнографические и иные комментарии к рукописи обозначены римскими цифрами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Красноборский историко-мемориальный и художественный музей им. С. И. Тупицына (далее – КИМХМ). Ф. Устное народное творчество. Ед. хр. 4. Старинные свадебные песни и обряды. Записаны в 20-е годы на Уфтюге Шестаковой О. А. Л. 1–15.

² Село Верхняя Уфтюга (место записи свадебного обряда) располагается на правом берегу р. Северной Двины, на ее притоке – р. Уфтюге. В 1920-е годы с. Верхняя Уфтюга входило в состав Верхнеуфтюжской волости Сольвычегодского уезда Северо-Двинской губернии; сейчас это центр Верхнеуфтюжского сельского поселения Красноборского района Архангельской области.

³ КИМХМ. Ф. Персоналии. Ед. хр. 35. Автобиография. Документы. Фотографии. канд. пед. наук Шестаковой Ольги Алексеевны. Л. 1–16.

⁴ КИМХМ. Ф. Зашихин Павел Григорьевич. Ед. хр. 356. Шестакова Ольга Алексеевна. Л. 1–5 об.

⁵ Единая трудовая школа, делившаяся на две ступени: I ступень для детей от 8 до 13 лет (пятилетний срок обучения), II ступень для подростков 14–17 лет (четырёхлетний срок обучения) // Педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://didacts.ru/termin/shkola-pervoi-i-vtoroi-stupeni.html> (дата обращения 21.10.2022).

⁶ Комплексные программы ГУСа (государственного ученого совета) – учебные программы, исключющие предметное преподавание. Учебный материал изучался комплексно по трем блокам: природа и человек, труд,

общество. Назначение: сближение содержания обучения с окружающей жизнью; познание предмета, явления с точки зрения взаимосвязи нескольких учебных предметов. Комплексные программы ориентировали на замену классов бригадами. При школах создавались лаборатории, мастерские как центры научно-практической отработки содержания материала, полученного в процессе наблюдения и изучения окружающей жизни // Педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://didacts.ru/termin/kompleksnyey-programmy-gusa.html> (дата обращения 01.11.2022).

- ⁷ При анализе истории изучения фольклористами региона северодвинского бассейна, в частности его верховья, обращают на себя внимание материалы, освещающие результаты фольклорно-этнографических и археографических экспедиций в регионе. Так, например, изыскания сотрудников Института русской литературы РАН (АН СССР), представленные в опубликованных отчетах об экспедициях, рассказывают об историко-краеведческом, фольклорно-этнографическом и собирательском интересе среди сельской интеллигенции, и в первую очередь среди учителей. Их активная деятельность в этих направлениях привела к созданию местных краеведческих музеев (изначально – при школах, позднее они выходили на муниципальный и районный уровни). См. об этом: [1], [2], [3], [16] и др.
- ⁸ Собрание фольклорно-этнографического материала «любителями старины» на территории верховий р. Северной Двины (в том числе и текстов по свадебной обрядности) началось в последней четверти XIX века. Записанные «на местах» тексты передавались, например, в Русское географическое общество, некоторые из них публиковались в столичных и региональных печатных изданиях (список сокращений с публикациями конца XIX – начала XX века и справочной литературой находится перед Списком литературы. Здесь и далее ссылки на этот список даются в квадратных скобках: [Ордин], [Иваницкий], [Аруев]).
- ⁹ Московский городской совет (Моссовет) – высший орган государственной власти в Москве с 1917 по 1993 год.
- ¹⁰ КИМХМ. Ф. Устное народное творчество. Ед. хр. 4. Старинные свадебные песни и обряды. Записаны в 20-е годы на Уфтюге Шестаковой О. А. Л. 1–1 об.
- ¹¹ См. фольклористические, этнографические и музыковедческие исследования и публикации текстов, посвященные севернорусскому свадебному обряду и его локальным вариантам: [5], [7], [10], [15] и др., а также некоторые материалы, относящиеся к соседним для верхнедвинской локальным традициям: [12], [13], [17] и др.
- ¹² Из недавно вышедших в свет публикаций примечательна статья филолога Я. В. Нагорной, посвященная состоянию фольклорной традиции региона верхнего течения р. Северной Двины, а именно д. Демидовская (Подборная) Белослудского сельсовета Красноборского района Архангельской области (располагающейся на р. Уфтюге). Материалом для обзора послужил фольклорный репертуар жительницы деревни и ее родственников, собранный в ходе экспедиции ИРЛИ РАН на р. Северную Двину в 2009 году. В статье публикуются тексты духовного стиха, быличек, легенд, песен, гаданий и заговоров. Информантка исполнила свадебные песни «Во люзях», «То не конь бежит по бережку», а также первые несколько слов песни «Как у чарочки да у серебряной» и две песни в контаминациях со свадебной величальной «То не рюмочки по столу бренчат». Автор статьи отмечает, что свадебная лирика сохранилась в репертуаре старших родственников собеседницы благодаря приверженности старообрядческим традициям (следование патриархальным устоям в быту и вере) и географической удаленности деревни от крупных дорог [14].
- ¹³ Теоретико-методологическим основанием для выделения этапов свадебного обряда стали исследования севернорусского свадебного обряда А. В. Гуры, А. Н. Власова, Е. А. Дороховой (см.: [5], [6], [13]). Важно, что этномузыколог Е. А. Дорохова отмечает сходство выявленной структуры свадебного обряда в деревнях низовья р. Вычегды и верховья р. Северной Двины (см.: [13: 137]).
- ¹⁴ Наличие в полевых записи дополнительных вопросов, комментариев акционального кода обряда позволяет предположить, что собиратель имел возможность после записи опросить информанта дополнительно, детализируя и проверяя достоверность ранее зафиксированных сведений.

ТЕКСТЫ

Свадебные песни и обряды¹

Сватовство

Приход сватов (с женихом)

Сват с женихом приходит к родителям невесты, здоровается, но не садится и говорит: «Приехали добрым делом – сватом».

Смотр невесты

Если жених плохо знает невесту, то зажигает спичку (зимой) и идет к печке смотреть невесту. Обыкновенно невесты, когда приходят сватом², уходят к печке. После этого начинают говорить о приданом³.

Окончательный договор: совместное богомолье, родители невесты дают жениху задаток

Когда сговорятся, то молятся Богу. Невеста плачет и садится за стол. Отец дает жениху задаток⁴.

Девичник

Шитник¹ (дары шить). Жених приходит с подарками (гостинцами) к невесте

Жених покупает «здарье»¹¹ для родни невесты и несет ей шить⁵. Невесте несет подарки⁶, например, платок. Невеста собирает шитник из девиц, которые на шитнике поют песни и пляшут⁷.

На шитнике жених бывает один без родни. Когда поют песни – невеста плачет. Поют песню:

Заскочил козел в огородец, в огородец,
Заскочил молодой во широкой, во широкой.

«Ты не ешь, козел, капусты, капусты,
Не заламывай листочков, листочков,
Не закусывай стебелечков, стебелечков.

У нас (имя невесты) умна⁸,

У нас (отчество) разумна».

Она пошла козла выгоняти, выгоняти.
Она берет на козла дубинку, дубинку,
Что такую дубинку, лучинку, лучинку.
Она бьет козла по коленям, по коленям:
«Ты не ешь, козел, капустки, капустки,
Не заламывай листочков, листочков,
Не закусывай стебелечков, стебелечков».

На сватанье⁹ поют песню:

Из-за лесу, лесу темного,
Да из-за садику зеленого
Да вылетало стадо гусей,
Да другое стадо лебедей.
Отставала лебедушка
От стада да от белых лебедей.
Приставала да лебедушка
Ко стаду да ко серым гусям.
Стали гуси лебедь щипати,
Стала лебедушка крикати:
«Да не щиплите, гуси серые,
Да не сама я к вам залетела,
Да занесло меня погодушкой,
Да злой великою невзгодушкой,
Да от свата лукавого,
Да от человека вилявого.
Да сват виля, да сват лукавился,
Говорил да наговаривал:
“Много скота, да много живота,
Да много хлеба стоялого,
Да много денег лежалых”».
Пришла у нас (имя невесты)
Во двор-от скота смотрети.
Да во дворе одна коровушка,
Да по прозванию буренушка,
Да не доит она, не бухает^{III},
Да по двору ходит, да ухаает.
Да пошла наша (имя невесты)
Да в амбар хлеба смотрети.
Да во первый-то сусек заглянула:
Стукает да юкает.

Да во второй сусек заглянула:
Да решето лежит мышеедины.
Да во третий сусек заглянула:
И сера мышь тут ухидилася
И по сусеку растянулася.
Тут пошла наша (имя невесты)
Да во сундук денег смотрети.
Да в сундуке-то одна копеечка,
Да на ребре она катается,
Да во кабак снаряжается,
Да из кабака идет валяется,
Да во грязи она марается.

Во время этой песни невеста очень громко плачет.

На шитнике еще поют песню:

Не по столику рюмочки бречат,
Не стаканы выговаривают.
У нас (имя невесты) ходит по терему,
(Отчество) по высоко.
Она белится, румянится,
Во цветное платье рядится,
У (имя жениха) в гости просится:
«Ты (ласкательное имя жениха) Николушка¹⁰-
ладушко,

Ты (отчество жениха), удала голова,
Отпусти-ко в гости к батюшке,
Ко родимой-то ко матушке.
Я у батюшки, у матушки
Дорогая буду гостей-ка,
Наливная винна ягодка».
«(Имя невесты) да (отчество),
Тебе некуда ехати,
Тебе нечего делати,
Посмотри-ка на меня, на сокола,
На дородна добра молодца,
На (имя жениха) то (отчество)».

Невеста в это время плачет. Жених уговаривает с тестем, когда рядить свадьбу и варить пиво.

Невеста на шитнике бывает одета: пестрая¹¹ рубаха, или в белой браной¹⁴, сарафан тканый, пояс и платок ситцевый¹².

Смотры («с вестью»): жених приезжает с родней к невесте с подарками; одаривание невесты гостей (родных) жениха

Когда наварят пиво, жених приезжает с близкой родней на «смотры» или «с вестью». Он привозит невесте в подарок зеркало, башмаки и платок. Родственники жениха садятся за стол, и невеста дарит платками гостей жениха. Когда невеста дарит, то всех вслух называет по имени, например, говорит так: «Иван Александрович, прими». Она на смотрах надевает башмаки, подаренные женихом. На смотрах рубаху, сарафан и нагрудник надевает ситцевые, надевает и пояс. Когда она раздаст здарки^V, то садится за стол. С вестью приходят девушки, подруги невесты. Они поют и пляшут. Поют: «Не по столику рюмочки бречат...» и т. д.

Девушки со смотров уходят рано. Жених тоже рано уезжает и на следующий день ездит звать свою родню на сватанье «свататься», а знакомых – на свадьбу. Вечером¹³ того дня, когда приглашал родню, едет на сватанье.

Сватанье (свадьба в доме невесты)

Встреча жениха и его родных

Когда жених приезжает на сватанье, то ворота у невесты запирают. Начинается разговор дружки жениха, который стоит на улице у запертых дверей¹⁴, и свата невесты, который стоит за запертыми дверями.

Дружка (говорит. – У. Щ.): «Все ли в сборе, все ли в заговоре?» Сват (отвечает. – У. Щ.): «Все». Дружка: «Сват и сватья, едет свадьба на вашем поле, на наших конях. Лошадки дорогие, санки городовые и возжечки ременные. Я, дружка, через порог едва ножки переволол, а мне сват стакан вина приволок¹⁵» (этим намекает на то, чтобы ему подали вина)^{VI}. Сват открывает двери, подает дружке стакан вина, а потом опять запирает двери.

Дружка: «У вас столики дубовеньки, столешенки кленовеньки, ложечки капуточки, кружечки оточены, чашечки опочены^{VII}. Сидят за столом молодые (он намекает на то, что пора молодых садить за стол). Дайте нам ложки пить и хлебать и дорогой лошадей понужать^{VIII}. А вы, старые старухи, полезайте на чередные полати, платить на луковые мешки заплаты. Садитесь ко стене лицом, а я буду вас драть бичом» (это говорят для того, чтобы старухи не мешали). Сват отвечает: «У нас все гости званые».

Дружка¹⁶: «А вы, старые старики, пожилые мужики, подите в кут^{IX}, я вам дам шерсти пуд, вы теребите, меж-

ду¹⁷ собой не делите, а если будете делить, я вас строго накажу. Вы, маленькие ребяточки, голые¹⁸ пупашки, косые желудки, в таком-то увале, в большущем подвале посеяна репа; вы пойдите, ее рвите и между собой не делите. Если будете делить, я вам лбы изломаю». Сват: «Мы этого не позволим».

Дружка: «А вы, отец и мати, садитесь на очеп^x и глядите на свою милую дочь. Мы сегодня ее увезем». Сват: «Мы ее не отдадим».

Дружка: «Вы, молодые братья, садитесь на полицу^{x1}, кладите ноги в рукавицу и отдайте нам ту лисицу, но не ту, которая по лесу ходила, хвостом следы заметала, а ту лисицу, которая в кутном углу сидела, тонко пряла, бело белила, это все для нас норвила». Сват открывает ворота и говорит: «Просим милости пожаловать». Дружка у дверей: «А вы, соседние девки, пойдите под полати^{xii}, я вам буду пиво подавати»^{xiii}.

Когда девки стали под полати, жених с родней входят в избу. Жених раздевается и садится за стол. Стол бывает уже накрыт. На середине стола лежат три ковриги¹⁹ хлеба друг на друге, а на них поставлена солоница с солью.

Выход невесты за стол

Свадебное застолье

Невеста одевается в шелковое платье, в котором и венчается, а именно – сарафан шелковый, рубаха белая полотняная, коротенька^{xiv}, конура^{xv} и ширинка^{xvi}. Когда невеста оденется, то выходит к жениху со сватьей, которая ведет ее за руку. Невеста со всеми сидящими за столом здоровается за руку. Когда доходит до жениха, то он встает, подносит правую руку на ковриги. В это время невеста подает жениху правую руку. Тогда жених ведет ее к себе, обводя вокруг себя, становится рядом с ней, но не садит²⁰, а только на несколько минут присаживает невесту²¹.

Прощание невесты с ее родом, прощание невесты: ходят к вину

Жених подает невесте поднос, на который ставит две рюмки и наливает их вином. Все пирующие начинают подходить по очереди, начиная с невестинного отца и кончая соседями невесты.

В это время девушки поют:

Пропил, пропил меня тятенька

Да за одну за винну чарочку.

Она горька да показалася,

До сердца не докатилася,

Да во устах остановилася.

Если подходит мать, то поют: «Пропила меня родна матушка / Да за одну за винну чарочку»^{xvii} и т. д. братья, сестры, теты, подруги, сватья и т. д.

Когда вся родня переходит, девушки начинают припевать жениху:

Не конь бежит по бережку,

Не вороненькой по крутенькому,

(Имя жениха) невесту везет

(Отчество жениха) молоденькую,

Душу красную девицу

Да (имя и отчество невесты).

Она побелена, помазана,

В полушалочке наряжена,

Целовать она приказана

Удалому добру молодцу

(Имя и отчество жениха).

После этого²² девушки припевают себе парней («Не конь бежит по бережку...»), конечно, сговорившись между собой, кому кого припеть. Парень за это дает деньги той девушке, которая ему²³ припел<a>».

После этого девушки поют песню:

Ни от ветру, ни от вихорию

Да не от Божьей-то милости

Ворота да растворилися,

Широки да стали на пяту

Да на пяту, пяту дубовую²⁴,

Да что на крючки железные,

Да что на петли полужонные^{xviii}.

Тут на двор бояре въехали²⁵,

Да тут (имя жениха)-то ступил в горницу,

Да тут (отчество) во светлицу.

У нас (имя невесты) испугалася,

Из лица переменилася,

Да резвы ножки подломилися,

Да белы ручки отпустилися,

Да горячи слезы прокатилися.

Да во слезах слово молвила:

«Да ты, родимый мой батюшка,

Да ты, родна моя матушка,

Да не можно ли дело сделати,

Да что меня замуж не выдати».

«Да ты, сердечно мое дитятко,

Да ты (имя невесты) да (отчество),

У нас уж дело-то сделано,

У нас уж Богу-то помоленось.

Да у нас письмо-то написано,

Да письмо-то некорыстное,

Да житье-то вековечное».

Невеста в это время плачет²⁶.

Одаривание невестой гостей (родных) жениха

После здарья жениха²⁷ невеста дарит «здарье». Она берет поднос, который приносит брат или братан^{xix} невесты, причем молодой²⁸, на котором стоит рюмка с вином²⁹, положен пирог, на пирог – платок³⁰, другие здарки и гостинцы (например, пряники, конфеты^{xx} и т. д.)³¹. Она дарит жениховой родне: отцу, матери и вообще гостям жениха. Когда она подает, то кланяется, а они подходят и благодарят. Когда кончит подавать здарье, то тарелку или поднос ставит на стол, пирог снимает, а гости жениха кладут на поднос деньги в подарок. Эти деньги невеста, после как все кончат дарить, берет, собирает³² и кладет за чулок на ногу.

Одаривание сватьей и дружкой со стороны жениха гостей

После этого³³ уже в конце стола дружка жениха³⁴ и женихова сватья дарят орешки³⁵. Дружка берет тарелку с орешками (пряники, калачи, кедровые³⁶ орехи, конфеты) и подает жениховой сватье³⁷ со словами: «У нас, у дружек, ножки с подходом, ручки с подносом, язык с наговором, ретивое сердце с покорностью. Принимайся, не ломайся, много светло, мало честно. Честь бесчестья³⁸ лучше бывает. В нашем городе блюдаца дороги: сорок алтын две копейки с денежкой. А наши орешки белы да солонны, на середке жолобы два молодца катало, две девицы трепало. И наша сватья туда же помогала».

Сватья подставляет платок, чтобы он высыпал орешки, но он убирает (тарелку с орешками. – У. Ш.) и опять говорит то же³⁹. Наконец ей отдает.

Перед орешками сваты водят девиц «попередать», это так: дружка жениха⁴⁰ становится на середину с тарелкой орешков⁴¹. Девица выходит от печи из-под грядки^{XXI} на середину пола очень степенно с платком на руке, кланяется дружке и кладет платок на правую руку себе. Дружка говорит: «Девушка, бела лебедушка, приди поближе, поклонись пониже, встань на резвы ножки, куньи лапки; ножки с подходом, ручки с подносом, язык с наговором. Наше блюдо дорого куплено за четыре копейки⁴². Принимай-ка, девушка».

Иногда девушка хочет взять, а дружка оттаскивает тарелку и снова наговаривает. С большим дружкой стоит «малая дружка»^{XXII} с пивом в стакане, поставленном под верх дном на поднос или тарелку. Когда девушка возьмет кусочек пирога через платок, то кланяется⁴³ и кладет (кусочек пирога. – У. Щ.) в платке под мышку, а потом перевортывает стакан с пивом, крестится и пьет⁴⁴. Потом опять кланяется и уходит к печке. Затем выходит следующая и т. д. Наконец, женихова сватья дарит орешки невестиной родне, начиная с отца и матери невесты.

Поют «Как у чарочки, да у серебряной»⁴⁵.

После этого тысяцкий читает свято, «Достойно (есть. – У. Щ.)». Жених и невеста выходят из-за стола, а все гости сидят некоторое время⁴⁶. Жених и родня вся уходят отдыхать, а невеста переодевается во все тканое, покрывается ширинкой⁴⁷ и идет девушек кормить ужином.

Во время сватанья девушки поют песню:

Как у чарочки да у серебряной
Да золотой был веночек.
Да у (имя жениха) света да у (отчества)
Да дорогой был разум обычай:
Да где ни ходит, ни гуляет,
Да где ни пьет, где ни ест,
Домой едет ночевати:
«Уж ты, (имя невесты), встречай
Да (отчество) встречай,
Да себе радость получай».
«Не успела, право, встретить:
Я по лесенке бежала,
Я по новенькой бежала,
Буйну голову чесала,
Да русу косу плела⁴⁸ да приговаривала:
“Да ты расти, моя коса,
До (имя жениха) пояса,
Да всему городу краса,
Да (имя жениха) сухота да (отчество).
Да уже ты сохни, детинка,
Да гляди на меня
Да на мою красоту
(Имя невесты) да (отчество)”».

Застолье девушек (подруг невесты)

Девушки садятся за стол по разряду. Очень близкую родственницу невеста садит в передний угол и т. д.⁴⁹ Невеста подходит к каждой девушке, берет ее за руку и говорит: «Поешь, да покушай, (имя и отчество девушки)». Девушка встает и кланяется невесте. Девушки за столом сидят очень чинно. Когда невеста обойдет всех девушек, молодые ребята начинают петь девушкам:

Вдоль было по лавочке,
В поперек по скамеечке
Я иду, иду до умницы,
Добегаю до разумницы.

Знаю, знаю, как умницу зовут,
Знаю, знаю, как разумницу зовут.
Зовут ее (имя девушки ласкательное)
Величают-то (отчество).

После этой песни та девушка, которой спели, встает и кланяется тем ребятам, которые пели. Когда парни перепеют девушкам в отдельности, то после припевают всем:

Вдоль было по лавочке,
В поперек по скамеечке
Я иду, иду до умниц,
Добегаю до разумниц.
Знаю, знаю, как умниц зовут,
Знаю, знаю, как разумниц зовут.
И кричат всем вообще.

Тогда все девушки встают и кланяются в пояс три раза⁵⁰. Невеста ходит, угощает девушек, говоря: «Ешьте, девушки, ешьте, милые, не всякую по имени, да не всякую по изводчине^{XXIII}». И после этих слов начинает реветь голосом. Все девушки встают и кланяются в пояс невесте. Парни в это время все поют: «Вдоль было по лавочке...».

Девушкам подают три перемены: щи, рыбу и молоко. После каждой перемены девицам подают пива, всего три раза. В первый раз подают брат невесты, во второй – невеста и в третий – брат, а если нет (родного. – У. Щ.) брата, то двоюродный брат. Девушки по окончании ужина выходят из-за стола, молятся Богу и подают руку невесте в знак благодарности. Она каждую обнимает за шею и плачет по несколько минут. После этого девушки поют песню «Из-за лесу, лесу темного...»⁵¹, идут плясать, а невеста – отдыхать. Девушки пляшут до утра. После девушек родители⁵² невесты кормят ужином родню невесты: тетек, дядей и т. д. (они за сватаньем не сидят). Угощая, говорят: «Кушайте, гости званые».

Утром приезжают жених и дружка, причем последний просится у отца невесты⁵³: «Хозяин, подъехали гости, любви ли⁵⁴? Если любви, то принимай, а нет, так обратно уедем»⁵⁵. Отец отвечает: «Входите».

Когда жених входит в избу, невеста, закрытая ширинкой и в подвенечном платье, стоит под грядками и ревет. Тут же стоят и девицы. Жених садится за стол, и с ним рядом садится брат или сестра невесты. Жених выкупает невесту, дав брату или сестре денег. После этого она (невеста. – У. Щ.) приходит со сватьей, которая садит ее за стол. Тысяцкий читает свято⁵⁶, «Отче наш» и, прочитав, говорит: «Раба божиием есть, пить, веселиться». Родня невесты обносит поезжан жениха⁵⁷ (молодежь, которая ездит к венцу) вином и пивом⁵⁸.

Девушки в то же время поют «Не конь бежит...» и припевают себе парней, а они их дарят деньгами. После⁵⁹ поют «Из-за лесу, лесу темного...»⁶⁰, читают свято⁶¹ и благодарят родителей невесты. Дружка жениха⁶² говорит: «Спасибо хозяину, хозяйке со всей семьей за угощение. Милости просим к нам на свадьбу, хозяйин с хозяйкой и со всей родней».

Благословение невесты родителям

Невеста выходит из-за стола. Ее одевают в теплую одежду⁶³ и перевязывают по ширинке платком. Отец и мать садят за стол на овчину (жених и невеста на сватанье и свадьбе сидят на овчине, (чтобы. – У. Щ.) богаче жить⁶⁴). Они молятся Богу и подходят благосло-

вить дочь. Первый благословляет отец. Невеста падает к отцу в ноги, потом обнимает его и говорит: «Спасибо, тятенька, за великое твое благословление». И при этих словах плачет. После отца благословляет мать. Невеста то же самое говорит и матери.

Отъезд к венцу

Жених берет за руку невесту, ведет на улицу и садит в сани, а она в это время очень громко плачет. Обыкновенно к венцу едут с колокольцом⁶⁵. Когда приедут к церкви⁶⁶, жених из саней ведет невесту в церковь, взяв за руку.

За венцом невеста стоит с распущенными волосами⁶⁷. После венца невесте заплетают косы и одевают шапку-морхатку^{xxiv}. Когда нарядят сватьи молодую, то всех присутствующих тут дарят орешками.

Свадьба в доме жениха

Встреча молодых от венца. Благословение молодых родителями жениха

Когда приезжают домой к жениху, то у крыльца встречать молодых выходят отец и мать жениха. Отец благословляет молодых иконой, а мать пшеничником^{xxv}, который подает молодой под левую руку. Дружка жениха в братыне^{xxvi} подносит пиво. Жених берет ковшик, черпает им пиво из братыни и, высоко подняв ковшик⁶⁸, льет из него в братынь. Так он повторяет три раза (это для того, чтобы дети были большие). После переливания подает пиво в стакане⁶⁹ пить невесте, а потом пьет сам.

Свадебное торжество в доме жениха

Молодой берет за руку молодую и ведет ее в избу. Там они молятся и садятся за стол на овчину. За стол садятся все гости, которые были на погосте^{70xxvii}, и им подают обед. Когда они пообедают, приезжают проводники^{xxviii} невесты. Молодые, сваха и тысяцкий выходят встречать. Молодой наливает вино и подает, и говорит отцу (невесты. – У. Ш.): «Подводи свою родню»⁷¹; (молодой наливает вино. – У. Ш.) отцу, матери и прочим родственникам невесты, а невеста подает пиво и всем вместе со сватьями кланяется низкими поклонами. После этого все идут в избу и выносят «живот», т. е. приданое невесты, в дом, в другую избу или в амбар. Невеста⁷² умывается и ее наряжают⁷³: переодевают морхатку и т. д., покрывают ширинкой и садят за стол⁷⁴. После этого все гости садятся за стол. Свекровь подходит к молодой с пшеничником и подбираясь им под ширинку, которой обводит головы молодых так, чтобы головы новобрачных⁷⁵ стукнули (это для того, чтобы жить дружнее). Молодая после этого выходит из-за стола на середину пола, дарит свекрови полшалок, одевает⁷⁶, падает перед ней на колени, а потом целует и садится за стол. После этого тысяцкий начинает читать свято, а потом вскрывает пироги с рыбой, и дружка подает пиво⁷⁷, вино. Первые стаканы⁷⁸ – отцу и матери молодой, которые подходят к невесте, а она со сватьями кланяется им. После этого за столом, где сидят молодые, молодой подает вино, а молодая кланяется. Родственникам жениха также подают вино и пиво и перемены⁷⁹ (блюд. – У. Ш.) в других столах.

Бабы и мужики⁸⁰ начинают петь песни: «Не конь бежит...» и другие, «Не по столику...» и т. д.

Одаривание невестой гостей (родных) жениха

Молодым кричат «горько», а потом и остальным пирующим. В конце стола молодая выходит со сватьей на середину пола, открывает ящик и дарит «здарье» свекрови, свекрови, золовкам, деверьям, жениховой крестной и крестному. Она дарит полотенца, рубахи, и свекрови – платок за стряпню. Давая каждому здарки, молодая падает в ноги, говорит, например, свекрови: «Богоданна⁸¹ матушка, прими», «Богоданный⁸² батюшка, прими», а остальных называет по имени и отчеству. Они ей за это дают деньги. После здарков она идет за стол к молодому. Невестина сватья дарит орешки. Дружка жениха⁸³ перед этими орешками говорит: «У нас у дружек...».

Вождение молодых на подклет

В конце стола читают свято⁸⁴ и дружка ведет молодых на подклет^{xxix}. На подклете на постели новобрачных лежит золовка. Молодая ей дает денег, и она сходит. Молодой ложится на постель. Молодая просится: «(Имя жениха), завел квартиру, пусти на постелю». Молодой: «Разбери лестницу». Она расстегивает жилетку (при сем присутствуют дружка, сватья и тысяцкий). (Молодой говорит. – У. Ш.): «В тесных местах крюки вынь». Молодая снимает сапоги. (Молодой спрашивает. – У. Ш.): «Дорог ли в городе овес?» Она (отвечает. – У. Ш.): «Ты меня привез, (имя и отчество жениха), завел квартиру, пусти на постелю». Он (спрашивает. – У. Ш.): «Дорога ли в городе рожь?» Она (отвечает. – У. Ш.): «Ты, (имя и отчество жениха), хорош». Он (говорит. – У. Ш.): «Ложись». Молодой (говорит. – У. Ш.): «В головах низко – положи полено». Она пошла за поленом, но он ее вернул, сказав: «Положи свою руку». Она положила, и их оставили.

Умыванье^{xxx}

Утром молодых будят⁸⁵, первая встает молодая и здоровается со свекром и свекровью: «Здравствуй, богоданный-ая батюшка, матушка». Потом дружка берет помело, бежит по улице и мажет по окошкам, говоря: «Эй, идите на умыванье, соседи». Молодую покрывают шалью и приготавливают к умыванью. На улице ставят ушат с водой. Молодая берет ковш и поливает. Одна сватья держит полотенца, а другая гребень, мыло и зеркало. Первый умывается молодой, потом свекор, свекровь, золовки, деверья и другие родственники жениха⁸⁶. Они причесываются и утираются, а на них льют воду соседи. Так иногда ушатов по десять выливают. Сваха всем умывающимся дает по полотенцу, а молодой полотенце навязывает на себя вместо пояса⁸⁷. После этого идут в избу.

Послесвадебные обрядовые действия

Гостьба к матери невесты (подают блины)

Молодая переодевается, садится за стол, но ненадолго, т. к. с молодым едет на гостьбу к матери. Она падет в ноги к отцу и матери (жениха. – У. Ш.), говоря: «Богоданный батюшка и богоданная матушка, в гости пойдем». Молодой кланяется в руку с теми же словами. Когда приезжают на гостьбу, то родители молодой выходят их встречать у крыльца, подавая по стакану вина и пива: «Милости просим, заходите в избу». Входят в избу и садятся за приготовленный⁸⁸ стол. Теща несет блинов^{xxxi} тарелку и масло, закрытое платком. Молодой открывает и берет себе платок. Он берет блин

и макает⁸⁹ им в ладку^{xxxii} с маслом⁹⁰. Молодой подает всем сидящим за столом по блину. После этого начинают угощать пивом, вином и т. д.

Гостят родные (проводины)

У тестя и тещи ночует вся родня: гости – одну ночь, а молодые – три ночи, которых обратно сопровождают с блинами и гостинцами. На проводины^{xxxiii} приходят близкие родственники.

ПРИМЕЧАНИЯ К РУКОПИСИ

- ¹ КИМХМ. Ф. Устное народное творчество. Ед. хр. 4. Старинные свадебные песни и обряды. Записаны в 20-е годы на Уфтыге Шестаковой О. А. Л. 3–11.
- ² В рукописи (далее – ркп.) далее: «бывает», зачеркнуто.
- ³ В ркп. написано на правом поле листа: «Какое просят приданое?». Выше написано: «(2) Хозяин спрашивает у жениха, сколько нужно. Тот говорит, и начинают рядиться».
- ⁴ В ркп. написано на правом поле листа: «(1) Жених рядится с отцом, какое нужно купить здарье и за какую цену, а после этого уходит».
- ⁵ В ркп. далее: «а», зачеркнуто.
- ⁶ В ркп. первоначально «гостинцы», зачеркнуто.
- ⁷ В ркп. написано на правом поле листа: «Как бывает одета невеста на шитнике?».
- ⁸ В ркп. первоначально «умница», зачеркнуто.
- ⁹ В ркп. первоначально «богомолье», зачеркнуто.
- ¹⁰ В ркп. вписано над строкой.
- ¹¹ В ркп. «перстрая».
- ¹² В ркп. этот фрагмент (ответ на ранее заданный вопрос собирателем) записан в скобках.
- ¹³ В ркп. «Вчером».
- ¹⁴ В ркп. вписано над строкой.
- ¹⁵ В ркп. вписано над строкой.
- ¹⁶ В ркп. вписано над строкой.
- ¹⁷ В ркп. первоначально «промежду», зачеркнуто.
- ¹⁸ В ркп. далее: «ваши», зачеркнуто.
- ¹⁹ В ркп. «кавриги».
- ²⁰ В ркп. написано на правом поле листа: «(1) Зажиг<ают> лампаду. В это вр<емя> тысяцкий наливает стакан вина, встает с н<им> и обращается к хозяину со словами: «Есть ли у вас кому свято читать? Есть ли у вас попы, дяки, грамотные люди? Если нет, то прикажите читать». Хозяин говорит: «Сами читай<те>». Если тысяцкий не умеет, то он нанимает, пода<ет> стакан вина. Тысяцкий встает, а за ним и все (гости. – У. Щ.), он читает «Отче наш», прочитав, говорит: «Раба**м** божиим пить, есть, веселиться». Все садятся, только не садятся жених и невеста». Здесь: Тысяцкий (также – подвенечный отец; обычно крестный жениха) – почетное должностное лицо при свадьбе, наблюдающее за свадебным церемониалом, сопровождающее жениха к венцу и оплачивающее расходы по совершению свадебного обряда [Подвысоцкий. С. 176]. Здесь и далее: Свято (в значении) – молитва «Отче наш» [Словарь русских народных говоров. Вып. 37. С. 5].
- ²¹ В ркп. вписано над строкой.
- ²² В ркп. написано на правом поле листа: «Жених в это время подает вино невесте, и они поздравляют друг друга. После жених дар<и>т здарье своей родне (как, например, платки носовые, ленты, шали и т. д.), а ему за это дарят деньги, которые кладут на блюдо к невесте. Эти деньги идут невесте». Описанный этап – *о^даривание женихом своей родни («здарье жениха»)*.
- ²³ В ркп. первоначально «его себе», зачеркнуто.
- ²⁴ В ркп. первоначально «железную», зачеркнуто.
- ²⁵ В ркп. вписано над строкой.
- ²⁶ В ркп. вписано над строкой синим карандашом: «Стр. 2 “Из-за лесу”» (архивная нумерация: л. 3 об. – прим. У. Щ.).
- ²⁷ В ркп. первоначально «подачи пива», зачеркнуто.
- ²⁸ В ркп. вписано над строкой.
- ²⁹ В ркп. вписано над строкой.
- ³⁰ В ркп. далее «и», зачеркнуто.
- ³¹ В ркп. написано на правом поле листа: «Она дарит жениху две шали, полушалок. Жених за это в <рюмку> невесты кладет зол<отую>. Она вино <пьет>, а золот<ую> берет себе». Здесь: полушалок – большой цветастый платок, меньше шали [Словарь как жизнь родной деревни. С. 254].
- ³² В ркп. вписано над строкой.
- ³³ В ркп. далее: «сватья дает орешки», зачеркнуто.
- ³⁴ В ркп. вписано над строкой. Далее написано на правом поле листа: «Чей дружка?», зачеркнуто.
- ³⁵ В ркп. далее: «А перед орешками», зачеркнуто.
- ³⁶ В ркп. «кедровы».
- ³⁷ В ркп. написано на правом поле листа: «Чьей сватье: жениховой или невестиной», зачеркнуто. Там же вписано над строкой: «жениховой».
- ³⁸ В ркп. «без чества».

- ³⁹ В ркп. первоначально «что-нибудь». Там же написано на правом поле листа: «Что?», зачеркнуто.
- ⁴⁰ В ркп. вписано над строкой. Далее написано на правом поле листа: «Чей дружка?», зачеркнуто.
- ⁴¹ В ркп. «орешок».
- ⁴² В ркп. первоначально «алтын», зачеркнуто.
- ⁴³ В ркп. первоначально «заверт. и лож.» (возможно, «завертывает и ложет» – прим. У. Щ.), зачеркнуто.
- ⁴⁴ В ркп. написано на правом поле листа: «Так выходят все девушки».
- ⁴⁵ В ркп. вписано над строкой. И далее синим карандашом: «См. <ниже>».
- ⁴⁶ В ркп. вписано над строкой, первоначально «из-за стола», зачеркнуто. Далее написано на правом поле листа: «На середине избы невеста шапку жениха обвязывает черным шелковым платком, а он ее (невесту. – У. Щ.) накрывает шалью. Они целуются, и он ведет ее в <другую> избу на <отдых>». Описанный этап – *покрывание невесты шалью*.
- ⁴⁷ В ркп. вписано над строкой.
- ⁴⁸ В ркп. первоначально «заплетала», зачеркнуто.
- ⁴⁹ В ркп. написано на правом поле листа: «Если есть сестра у жениха, то ее первую, а если нет – то свою сестру».
- ⁵⁰ В ркп. далее: «Когда девушки поужинают, то выходят из-за стола, и каждая из них подходит к невесте. Она в знак благодарности берет невесту за шею, и обе плачут по несколько минут», зачеркнуто.
- ⁵¹ В ркп. вписано над строкой.
- ⁵² В ркп. написано поверх строки синим карандашом.
- ⁵³ В ркп. первоначально «свата», зачеркнуто. Далее написано на правом поле листа: «У <отца> ли?», зачеркнуто.
- ⁵⁴ В ркп. первоначально «Хозяин, подъехали гости, любы ли гости?», «гости» зачеркнуто оба раза карандашами разного цвета.
- ⁵⁵ В ркп. написано на правом поле листа: «Это говор<ят>, когда при<ходят> на сватанье, а наговор “Все ли в <сборе>?” говорят вместо “Хозяин, подъехали...”».
- ⁵⁶ В ркп. «“свято”».
- ⁵⁷ В ркп. вписано над строкой. Далее написано на правом поле листа: «С чей стороны?»; «Какими словами?», зачеркнуто.
- ⁵⁸ В ркп. вписано над строкой. Там же далее: «В это время сватья жениха дарит орешки», зачеркнуто.
- ⁵⁹ В ркп. далее: «орешек сватья и все садятся, потом», зачеркнуто. Далее вписано над строкой: «прип. конч.» (возможно, «припевание кончают» – прим. У. Щ.).
- ⁶⁰ В ркп. написано на правом поле листа.
- ⁶¹ В ркп. «“свято”».
- ⁶² В ркп. вписано над строкой.
- ⁶³ В ркп. написано на правом поле листа, поверх вопроса «Во что?».
- ⁶⁴ В ркп. вписано над строкой.
- ⁶⁵ В ркп. написано в скобках на правом поле листа: «Если пешком, то идут и звонят».
- ⁶⁶ В ркп. вписано над строкой, первоначально «Из саней», зачеркнуто.
- ⁶⁷ В ркп. написано на правом поле листа: «Что на голове?», зачеркнуто.
- ⁶⁸ В ркп. первоначально «переливает три раза», зачеркнуто.
- ⁶⁹ В ркп. написано на правом поле листа, поверх вопроса «В чем?».
- ⁷⁰ В ркп. вписано над строкой.
- ⁷¹ В ркп. вписано над строкой.
- ⁷² В ркп. далее «наряжают, она», зачеркнуто.
- ⁷³ В ркп. написано на правом поле листа: «А что еще?», зачеркнуто.
- ⁷⁴ В ркп. вписано над строкой.
- ⁷⁵ В ркп. вписано над строкой.
- ⁷⁶ В ркп. вписано над строкой.
- ⁷⁷ В ркп. вписано над строкой.
- ⁷⁸ В ркп. далее «молодой», зачеркнуто.
- ⁷⁹ В ркп. вписано над строкой.
- ⁸⁰ В ркп. вписано над строкой.
- ⁸¹ В ркп. «Богодана».
- ⁸² В ркп. «Богоданный».
- ⁸³ В ркп. вписано над строкой.
- ⁸⁴ В ркп. «“свято”».
- ⁸⁵ В ркп. вписано над строкой синим карандашом.
- ⁸⁶ В ркп. вписано над строкой.
- ⁸⁷ В ркп. вписано над строкой.
- ⁸⁸ В ркп. вписано над строкой.
- ⁸⁹ В ркп. «мачет».
- ⁹⁰ В ркп. далее: «а теща приговаривает: “Зятенько, в ладочку мачи, а в сторону не скачи”» зачеркнуто.

КОММЕНТАРИИ

- ^I Шитник – шитье приданого и даров; местный вариант названия для обозначения периода в предсвадебных обрядах относительно поведения невесты.
- ^{II} Здарье – выговариваемые при сватовстве подарки от невесты отцу, матери и ближайшим родственникам жениха; подарки, делаемые женихом и холостыми мужчинами невесте в девичник [Подвысоцкий. С. 55].
- ^{III} Бухать – вкладывать много во что-то [Словарь как жизнь родной деревни. С. 37].
- ^{IV} Брань – холст домашнего изготовления, сотканный с яркими узорами [Архангельский областной словарь. Вып. 2. С. 101].
- ^V Здарки – подарки.
- ^{VI} По мнению филолога Ю. А. Крашенинниковой, подобный приговор решает функцию ограждения дружки от духов предков невесты через традиционный мотив преодоления порога. При этом функция заговаривания от «порчи» оказывается скрытой, а на первый план выступает иная – выпросить угощения для дружки [9: 134–135].
- ^{VII} Предположительно, здесь от «опóчный», «опóчная» (глина), «опо́ка» – осадочная горная порода мергель (известковая глина), выступающая по берегам рек; употребляемая для выделки посуды [Словарь русских народных говоров. Вып. 23. С. 272–273, 287].
- ^{VIII} Понюжать (то же, что понужать) – погонять упряжных лошадей [Подвысоцкий. С. 132].
- ^{IX} Кут – угол против устья русской печи [Словарь русских народных говоров. Вып. 16. С. 163].
- ^X Очеп – гибкий шест, на который весилась зыбка, детская колыбель [Чебану. С. 45].
- ^{XI} Поли́ца – широкая полка в кухне для хранения посуды [Чебану. С. 51].
- ^{XII} Полáти – дощатый настил около печи под потолком, где спали дети и взрослые [Чебану. С. 51].
- ^{XIII} Представленные в записи собирателя варианты приговоров дружки квалифицируются Ю. А. Крашенинниковой как балагурно-шутовские приговоры, «в которых дружка посредством осмеяния родни невесты и окружающих, а не собственно заговором, ограждает себя, жениха и поезжан от “порчи”». Сюда относятся приговоры с мотивом порога, приговоры с вопросом о нахождении в избе «старух старых» и т. д. [9: 134].
- ^{XIV} Коротёнька (коротинка) – надеваемая поверх штофника коротенькая шубка [Подвысоцкий. С. 71]. Здесь же: што́фник – сарафан из шелковой узорчатой материи (штофа) [Подвысоцкий. С. 193].
- ^{XV} Кону́ра (кору́на) – свадебный венчальный головной убор; надевалась поверх девичьей повязки [11: 160].
- ^{XVI} Ширинка – бумажный цветной платок, которым крестьяне повязывают шею [Подвысоцкий. С. 192].
- ^{XVII} Филолог О. Н. Вогинцева, исследуя материал средне- и нижевычегодской традиции (соседней по отношению к верхнедвинской), вслед за исполнителями, обозначает данный вариант песни (наряду с другими: «Уж вы камушки», «Похожу ли я по терему», «Ты река ли река быстрая», «Я хожу по Сиянской горе» и др.) «опеванием» – песнями элегического характера, исполняемыми «до сватанья» или в «начале сватанья», вторая часть которых в формальном отношении была близка к плачу. Для песен данной группы характерны устойчивые образы: «русская коса» («девья красота»), «дом родителей», «приблезненных подружек» – в которых символически закреплено оплакивание невестой своего «прошлого состояния» [4: 188].
- ^{XVIII} Полужённые (от «полудить»). Полудить – покрыть поверхность металлического изделия полудой – тонким слоем олова.
- ^{XIX} Братан – двоюродный брат [Словарь как жизнь родной деревни. С. 31].
- ^{XX} Конфёкты – конфеты.
- ^{XXI} Грядка – брус, идущий вдоль стены или от стены к печи крестьянского дома, служащий опорой для полатей и иногда используемый как полка [Архангельский областной словарь. Вып. 10. С. 111].
- ^{XXII} Малый (или младший) дружка – помощник дружки [6: 74].
- ^{XXIII} Извóдчина – отчество.
- ^{XXIV} Марха́тка (то же, что морха́тка) – одно из названий кокошника типа сборника в разных уездах и волостях Вологодской губернии (наряду с «шамшура», «борушка»). Сборники состоят из двух деталей: широкого очелья и конусообразного выступающего возвышения на темени, которое спереди собрано в плотные сборки-«боры». Их шили из шелковых, атласных и парчовых тканей и украшали золотым шитьем и стразами – цветными стеклами в металлических оправках, имитирующими драгоценные камни, а также бисером и металлическими плашками. Сзади сборник стягивался на вздержку и украшался шелковыми и атласными лентами в виде банта с длинными концами [8: 43].
- ^{XXV} Пшеничник – хлеб, пирог из пшеничной муки [Словарь русских народных говоров. Вып. 33. С. 183].
- ^{XXVI} Бра́тня (то же, что братынь) – медная (или деревянная) посуда, ковш с носиком для подачи на стол пива или разливания его по стаканам [Архангельский областной словарь. Вып. 2. С. 106].
- ^{XXVII} Погóст (здесь в значении) – церковь [Словарь русских народных говоров. Вып. 27. С. 309].
- ^{XXVIII} Проводники – родственники невесты; лица, перевозящие приданое в дом жениха [6: 330].
- ^{XXIX} Подклéт (то же, что подклéтье) – комната, чулан в крестьянской избе без окон, заменяемых маленьким оконцем, преимущественно пустая, не занимаемая никакими съестными припасами или иными хозяйственными принадлежностями. В подклете устраивают обыкновенно постель для новобрачных [Подвысоцкий. С. 126].
- ^{XXX} Умы́ванье [Словарь как жизнь родной деревни. С. 338].
- ^{XXXI} Блины – ритуальная пища, связанная с поминальной обрядностью, подвергалась в свадьбе значительному переосмыслению. Вероятно, блины в послесвадебный период обряда обнаруживают поминальную семантику по утраченному девичеству, по ушедшей добрачной жизни [6: 354].

^{xxxii} Ладка (то же, что латка) – глиняное блюдо продолговатой формы [Словарь как жизнь родной деревни. С. 170].

^{xxxiii} Проводины – локальный вариант названия послесвадебного пира с участием близких родственников.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аруев – Аруев Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Великий Устюг, 1928. Вып. 5. С. 1–11.
- Архангельский областной словарь – Архангельский областной словарь. Вып. 2: (Береза–Бяще) / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 216 с.; Вып. 10: (Готовыш–Дело) / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Наука, 1999. 479 с.
- Иваницкий – Иваницкий Н. А. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. 1898. Вып. 1. С. 3–74.
- Ордин – Ордин Н. Г. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. 1896. Вып. 1–2. С. 74–117.
- Подвысоцкий – Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и сост. А. Подвысоцкий. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. 198 с.
- Словарь как жизнь родной деревни – Словарь как жизнь родной деревни / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова; Сост. А. А. Алсуфьева, Т. Н. Алсуфьева, А. Н. Малкова, Э. Н. Осипова; Под общ. ред. Э. Н. Осиповой. Архангельск: КИРА, 2019. 270 с.
- Словарь русских народных говоров – Словарь русских народных говоров. Вып. 16: (Куделя–Лесной) / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1980. 376 с.; Вып. 23: (Одале–Осеть) / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1987. 375 с.; Вып. 27: (Печечки–Подельвать) / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1992. 400 с.; Вып. 33: (Протка–Разлука) / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1999. 360 с.; Вып. 37: (Свято–Скимяга) / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2003. 415 с.
- Чебану – Чебану Г. П. Диалектные слова деревень Верхнее Панкратово (Верхняя Выставка) и Аристово Шемодского сельсовета Великоустюгского района. Изд. 2-е, доп., дораб. Великий Устюг, 2022. 76 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бударагин В. П. Северодвинские находки // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 356–358.
- Бударагин В. П. На Северной Двине и в верховьях Пинеги // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1976. Т. 31. С. 373–375.
- Власов А. Н., Комелина Н. Г., Васкул А. И. Фольклорная экспедиция ИРЛИ 2007 г. в Архангельскую область // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 405–417.
- Вотинцева О. Н. «Опевание» как жанр свадебной поэзии: (к вопросу о функциональном определении музыкально-поэтических жанров свадьбы) // Ломоносовские чтения. XIII Ломоносовские чтения: Сб. науч. тр. Архангельск, 2001. С. 188.
- Гура А. В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда (по материалам Вологодской губ.) // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / Под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 72–88.
- Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
- Ефименкова Б. Б. Свадебные песни верховьев северодвинского бассейна: величальные и корильные песни // Музыкальная культура Русского Севера в научном наследии Б. Б. Ефименковой: к 80-летию со дня рождения ученого / [Отв. ред. И. А. Никитина]. М., 2012. С. 217–236.
- Кислуха Л. Ф. Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М.: Северный паломник, 2006. 276 с.
- Крашенинникова Ю. А. Заговорные формулы в севернорусском приговоре свадебного дружки // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: [Сб. ст.]: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар, 1996. С. 132–137.
- Марченко Ю. И. Групповые причитания свадебного обряда на Северной Двине // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 212–213.
- Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.
- Мехнецова К. А. Свадебный обряд 1920-х гг. глазами участника (по автобиографическим рассказам Ивана Фёдоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области) // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 444–446.

13. Музыкально-поэтический фольклор нижней Вычегды (Материалы к Своду русского фольклора) / Сост., подгот. текстов, статьи и комментарии А. Н. Власова, Е. А. Дороховой, Т. С. Каневой, З. Н. Мехреньгиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2014. 932 с.
14. Нагорная Я. В. Традиционный фольклор деревни Демидовской Красноборского района Архангельской области (из репертуара Г. П. Лаврентьевой) // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2021. Т. 38. С. 159–187.
15. Народное творчество Северной Двины: Сборник. 2-е изд. / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова; Сост. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова; Отв. ред. Г. Г. Фруменков. Архангельск: САФУ, 2015. 176 с.
16. Панченко А. М. Поездка за рукописями в Красноборский район Архангельской области // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1970. Т. 25. С. 342–344.
17. Свадебный фольклор Дмитриевской волости 20–30-х гг. XX в. в записях Устьянского краеведа М. И. Романова / Публ. и коммент. А. Н. Власова // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2014. Вып. 9. С. 442–532.

Поступила в редакцию 03.04.2023; принята к публикации 26.06.2023

Original article

Ulyana O. Shchukina, Postgraduate Student, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkinskiy Dom), Research Associate, National Library of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0009-0002-7715-3817; ulyana.11.10@yandex.ru

WEDDING CEREMONY AT VERKHNYAYA UFTYUGA IN THE EARLY XX CENTURY

Abstract. The article deals with the wedding tradition of the upper reaches of the Northern Dvina River. The relevance of such a study is due to the need to generalize the results of folklore and ethnographic activities in this region. The purpose of the work is to introduce into scientific circulation the recording of a local version of the northern Russian wedding ceremony recorded in the village of Verkhnyaya Uftyuga in the Solvychevodsky district of the North Dvina province (now the Krasnoborsky district of the Arkhangelsk region) in the 1920s. The manuscript (currently stored in the archives of the Krasnoborsky Historical Memorial Art Museum named after S. I. Tupitsin) is the result of the collection and fixation of folklore traditions by a local school teacher O. A. Shestakova. This record of the Verkhnyaya Uftyuga wedding ceremony is an isolated case in her collecting practice in the upper reaches of the Northern Dvina River region, with its format being very similar to the field records of modern folklorists. While collecting the information, the local historian worked with the informant very productively and efficiently: the text contains additional questions and comments on ritual actions; O. A. Shestakova recorded all stages and actors that are characteristic of the northern Russian wedding tradition, as well as the lyrics of the wedding songs. The published document is interesting both as a record of one of the local variants of the northern Russian wedding ceremony and as an organic example of the “golden age” of local history – a period in the history of the development of Russian folklore studies in the system of local lore studies in the early XX century. The objects of research covered by this paper are both the wedding ceremony recording and the materials for the collector’s biography. The scientific novelty of the work lies in using little-studied and hard-to-reach sources, introducing them into scientific circulation and providing a comprehensive commentary.

Key words: Verkhnyaya Uftyuga, local history, local folklore tradition, museum collection, Russian North, wedding ceremony, collecting activities

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (Project No 22-78-10135). I express my deep gratitude to my grandmother Valentina K. Shchukina, Honored Teacher of the Russian Federation, and my scientific adviser Andrey N. Vlasov, Dr. Sc. (Philology), Professor, for inspiration, help, and support in writing this paper.

For citation: Shchukina, U. O. Wedding ceremony at Verkhnyaya Uftyuga in the early XX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):79–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.944

REFERENCES

1. Budaragin, V. P. Severodvinsk findings. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. 1974;29:356–358. (In Russ.)
2. Budaragin, V. P. On the Northern Dvina and in the upper Pinega. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. 1976;31:373–375. (In Russ.)
3. Vlasov, A. N., Komelina, N. G., Vaskul, A. I. The 2007 folklore expedition of the RAS Institute of Russian Literature to the Arkhangelsk region. *Russian folklore: Materials and research*. St. Petersburg, 2008. Vol. 33. P. 405–417. (In Russ.)

4. Votintseva, O. N. "Carolling" as a genre of wedding poetry: (to the question of the functional definition of the wedding musical and poetic genres). *Lomonosov Readings. The XIII Lomonosov Readings: Collection of papers*. Arkhangelsk, 2001. P. 188. (In Russ.)
5. Gura, A. V. The experience of identifying the Northern Russian wedding ceremony's structure (based on the Vologda province's materials). *Russian folk wedding ceremony: Research and materials*. (T. A. Bernstam, Ed.). Leningrad, 1978. P. 72–88. (In Russ.)
6. Gura, A. V. Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism. Moscow, 2012. 936 p. (In Russ.)
7. Efimenkova, B. B. Wedding songs of the upper Severodvinsk Basin: songs of praise and upbraiding songs. *Musical culture of the Russian North in the scientific heritage of B. B. Efimenkova: to the 80th anniversary of the scientist's birth*. Moscow, 2012. P. 217–236. (In Russ.)
8. Kislukha, L. F. Folk costume of the Russian North of the XIX – early XX centuries in the collection of the State Museum Association "Artistic Culture of the Russian North". Moscow, 2006. 276 p. (In Russ.)
9. Krashennikova, Yu. A. Spell formulas in the North Russian speech of the wedding groomsmen. *Christianization of the Komi region and its role in developing statehood and culture: [Collection of articles]: In 2 vols*. Vol. 2. Syktyvkar, 1996. P. 132–137. (In Russ.)
10. Marchenko, Yu. I. Group lamentations of the wedding ceremony on the Northern Dvina River. *Russian folklore: Materials and research*. St. Petersburg, 2012. Vol. 36. P. 212–213. (In Russ.)
11. Maslova, G. S. Folk clothing in the East Slavic traditional customs and rituals of the XIX – early XX centuries. Moscow, 1984. 216 p. (In Russ.)
12. Mekhnetsova, K. A. The wedding ceremony of the 1920s through the eyes of a participant (based on the autobiographical stories of Ivan Fedorovich Nagishev, a resident of the Ustyansky district of the Arkhangelsk region). *Ryabinin Readings – 2011: Proceedings of the VI Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. P. 444–446.
13. Musical and poetic folklore of the lower Vychegda (Materials for the Code of Russian Folklore). (A. N. Vlasov, E. A. Dorokhova, T. S. Kaneva, Z. N. Mekhren'gina, Eds.). St. Petersburg, 2014. 932 p. (In Russ.)
14. Nagornaya, Ya. V. Traditional folklore of the village of Demidovskaya, Krasnoborsk district, Arkhangelsk region (from the repertoire of G. P. Lavrentyeva). *Russian folklore: Materials and research*. St. Petersburg, 2021. Vol. 38. P. 159–187. (In Russ.)
15. Folk art of the Northern Dvina: Collected papers. (V. V. Mitrofanova, L. V. Fedorova, G. G. Frumenkov, Eds.). Arkhangelsk, 2015. 176 p. (In Russ.)
16. Panchenko, A. M. A Trip for manuscripts to the Krasnoborsky district of the Arkhangelsk region. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. Moscow; Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 342–344. (In Russ.)
17. Wedding folklore of the Dmitrievskaya volost of the 1920s and the 1930s in the records of the Ustyansk local historian M. I. Romanov. (A. N. Vlasov, Ed.). *From the history of Russian folklore studies*. St. Petersburg, 2014. Issue 9. P. 442–532. (In Russ.)

Received: 3 April 2023; accepted: 26 June 2023

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ АЛПАТОВ

доктор филологических наук, академик РАН, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям

Институт языкознания Российской академии наук

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4323-2832; v-alpatov@iling-ran.ru

ШКОЛЫ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

А н н о т а ц и я . В статье дано сопоставление основных научных школ, сложившихся в отечественном языкознании во второй половине XIX века: Харьковской (А. А. Потебня), Московской (Ф. Ф. Фортунатов) и двух школ, созданных И. А. Бодуэном де Куртенэ в Казани и Петербурге. Хотя каждая из школ изучалась в разнообразных публикациях, систематического сопоставления их идей и методов, как правило, не производилось. Предпринимается попытка проследить судьбу каждой из этих школ в XX веке. Если Харьковская и Казанская школы постепенно угасли, то в Москве и в Петербурге – Петрограде – Ленинграде можно отметить преемственность и сохранение традиций. Школа Фортунатова дольше других сохраняла общие принципы позитивистской науки XIX века, однако Московскую школу ее противники не случайно называли формальной. В статье показано, как идущее от Фортунатова стремление строго доказывать свои положения и отказаться от психологизма способствовало наиболее быстрому переходу нового поколения школы к структурализму. Идеи Бодуэна де Куртенэ были новаторскими и предвосхищали многие идеи науки о языке XX века, однако стремление ученого давать психологическую интерпретацию рассматриваемым явлениям не было свойственно другим школам. Нередко та или иная школа воспринимала идеи других школ, переосмысляя их: введенное Бодуэном понятие фонемы было воспринято Московской школой, но понималось не как психологическое, а как смысловоразличительное. И в Москве, и в Петербурге ряд традиций существует до сих пор. Рассмотрение истоков идей отечественной лингвистики является актуальной задачей, так как дает возможность более строго анализировать историю российской науки о языке.

Ключевые слова: научная школа, Потебня, Фортунатов, Бодуэн де Куртенэ, Шахматов, Щерба, Виноградов, фонема

Для цитирования: Алпатов В. М. Школы российского языкознания: сходства и различия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.945

ВВЕДЕНИЕ

Хотя русская лингвистическая традиция начала складываться уже к XVIII веку, лингвистические школы в собственном смысле в России сложились лишь во второй половине XIX века. До того уже работали видные ученые: А. Х. Востоков в Петербурге, П. Я. Петров и Ф. И. Буслаев в Москве и др., но они не создали устойчивой непрерывной традиции. Зато в период с 60-х годов XIX века до 1900-х годов в нескольких университетских городах появились научные школы в области языкознания. Судьба этих школ рассматривается в статье.

С начала 60-х годов XIX века в Харьковском университете начал преподавать А. А. Потебня.

В 1875 году профессором в Казани становится И. А. Бодуэн де Куртенэ. Годом позже началась деятельность Ф. Ф. Фортунатова в Московском университете. В Петербурге в то время устойчивых школ еще не было, но в первом десятилетии нового века там сложились сразу две школы, созданные выходцами из других городов: новый вариант школы Бодуэна, переехавшего к тому времени в Петербург, и школа А. А. Шахматова, ученика Фортунатова.

Собрать преданных учеников удавалось далеко не всегда. Показателен пример Бодуэна де Куртенэ, в разные годы работавшего в четырех университетах. Создать школы ему удалось в Казани и Петербурге, но не в Юрьеве (Тарту) и не в Кракове. Показательно то, что преподавав-

ший в Юрьеве позже Бодуэна Д. Н. Кудрявский в учебнике «Введение в языкознание»¹ постоянно ссылается на Потепню и игнорирует Бодуэна (как и Фортунатова).

Интересы представителей разных школ могли существенно различаться не только в концепциях, но и в областях исследований. Как известно, в XIX веке господствовал исторический подход к языку. Развивалось сравнительно-историческое языкознание, главной целью науки о языке считалось прежде всего восстановление праформ. Это соответствовало принципам, которым следовал Фортунатов: иногда, выходя за рамки компаративистики, он все же более всего занимался реконструкциями, получив здесь международное признание, например у А. Мейе. Потепню уже трудно считать компаративистом по преимуществу. А Бодуэн после нескольких ранних работ вообще отошел от данных проблем, считая, что концепция родословного древа, согласно которой языки в своей истории дробятся, но не смешиваются, «не выдерживает критики» и безусловно устарела. В полемике с компаративистами, несколько заостряя свою точку зрения, он даже назвал одну из своих статей «О смешанном характере всех языков». Например, английский язык, в лексике которого слов романского происхождения больше, чем германского, он считал не германским, а потомком германско-романского пиджина. Особо обращал внимание Бодуэн на так называемые пиджины и креольские языки, возникающие в зонах языковых контактов. В эту категорию он включал даже идиш, а во многом и английский язык. Он указывал, что с точки зрения концепции родословного древа русско-китайский пиджин, использовавшийся для общения между русскими и китайцами на Дальнем Востоке, попадает вместе с русским в число восточнославянских языков, но на деле отличается от русского языка больше, чем любой славянский.

В целом в русской науке тех лет можно видеть те же основные направления, что и на Западе: философскую лингвистику (ранний Потепня), сравнительно-историческое языкознание младограмматического типа (Фортунатов), историческую лингвистику, основанную на филологических методах (А. А. Шахматов). А Бодуэн вместе со своим казанским учеником Н. В. Крушевским искали новые пути и могут быть сопоставлены с такими учеными, как У. Д. Уитни и Ф. де Соссюр.

Наиболее влиятельным направлением в мировом языкознании того времени была немецкая школа младограмматиков. Ближе всего к младо-

грамматизму, вероятно, находилась Московская школа, в рамках которой, однако, постепенно выработывались методы, обеспечившие в дальнейшем переход ее представителей к структурализму. Фортунатов (ученый, мало публиковавшийся и наиболее известный благодаря университетским курсам лекций, которые были изданы лишь посмертно, самое полное издание – [9]) в общей теории мало выходил за рамки младограмматизма. Его тексты по общей лингвистике, в частности фрагменты, включенные в хрестоматию [4], не выглядят особо оригинальными в отличие от соседствующих с ними текстов И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушевского. Однако конкретная исследовательская практика Фортунатова была намного интереснее. Помимо индоевропеистики, он также занимался вопросами общих оснований грамматики вне какого-либо историзма. В частности, он разработал понятие формы слова, полемичное по отношению к более связанному с семантикой подходу А. А. Потепни. Идеи Фортунатова предвосхищали системный подход к морфологии в структурализме. И по тематике он выходил за рамки традиционных для младограмматизма сравнительно-исторических исследований. Не вводя в теории разграничения синхронии и диахронии или статики и динамики, он в работах по теории грамматики занимался и вполне синхронными исследованиями; увлекаясь математикой, он стремился внести в эти работы математическую строгость мышления. Его ученик В. К. Поржезинский писал о «поразительной точности» Фортунатова в определении самих фактов². Важны также его идеи в нехарактерной для младограмматизма области типологии, где до сих пор не все из сделанного им опубликовано; см. специальное историографическое исследование³.

Фортунатовскую школу на разных ее этапах противники постоянно называли «формальной», что имело основания. Школа стремилась рассматривать явления языка строго, на основе анализа языковых форм, без прямой апелляции к значению (хотя, разумеется, с его учетом) и языковому сознанию говорящих. Это в том числе требовало строгого отделения языкознания от филологии. Неслучайно именно с Фортунатовым связывают известные анекдоты об ученом, который восхищался прочитанными им санскритскими текстами, но не помнил их содержание. Подход филолога (и обычного человека), которому важно в первую очередь содержание, и «формальный» подход лингвиста показывали свое различие.

Еще в годы работы Фортунатова в Московском университете внутри его школы сложились два поколения учеников. С 1859 по 1864 год родились Г. К. Ульянов, А. И. Томсон, А. А. Шахматов, с 1870 по 1876-й – В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново. Ко второму поколению примыкал и А. М. Пешковский, окончивший университет уже после ухода оттуда Фортунатова. Среди них вскоре резко выделился Шахматов, который после переезда в Петербург начал создавать собственную школу. Другие ученики Фортунатова из первого поколения хранили верность учителю. Показательны воспоминания П. С. Кузнецова, общавшегося с Томсоном уже в 1930-е годы. Два языковеда разных поколений, воспитанные на традициях Фортунатова, хорошо понимали друг друга и сходились по многим вопросам: сказывалась общность школы. Однако они разошлись во взглядах на фонологию, которая, по мнению Томсона, относилась к психологии, а не к лингвистике [7: 212]. Фонемных идей не было у Фортунатова, а для его ученика фонологические идеи Бодуэна ассоциировались с «психофонетикой», понятой Томсоном как рассмотрение лингвистических явлений с использованием методов другой науки, а этого фортунатовская школа старалась не допускать.

Следующее поколение Московской школы выступало в качестве хранителей традиций ее основателя. Особенно велика была роль Д. Н. Ушакова, во многом выступавшего в качестве лидера школы, хотя он прежде всего был организатором и руководителем коллективных работ, в том числе знаменитого словаря; также он активно популяризировал идеи Фортунатова. Выдающимся хранителем традиций стал и более молодой М. Н. Петерсон, передававший их нескольким поколениям московских лингвистов. А вот А. М. Пешковский, начинавший деятельность как последователь Фортунатова, потом эволюционировал в сторону идей Шахматова и отчасти Потебни; после этого «ортодоксы» Московской школы уже не считали его «своим». Все эти ученые могут быть отнесены к предшественникам структурализма, но еще не к структурализму.

Интерес к внутренней структуре языка, стремление к выработке строгих чисто лингвистических методов, признание правомерности полностью синхронного, «неисторического» подхода – все это уже тогда формировалось в рамках Московской школы. Не было лишь адекватной всему этому лингвистической теории, ее разработка произошла у следующего поколения, получившего в предреволюционные и первые послереволюционные годы обра-

зование у учеников переставшего преподавать в 1902 году Фортунатова. Это были Н. С. Трубецкой, Н. Ф. Яковлев, Р. О. Якобсон, Г. О. Винокур.

В отличие от предшественников они учитывали идеи другой русской школы – Казанско-Петербургской, приняв, в частности, введенное там понятие фонемы, которое в Московской школе было переосмыслено на основе «формальных» принципов. Н. Ф. Яковлев в 1928 году писал:

«Я вполне присоединяюсь к выводам проф. Л. В. Щербы, что в каждом языке существует строго ограниченное количество звуков – “фонем”, однако я даю этому факту чисто лингвистическое толкование. Именно – фонемы выделяются, по моему мнению, не потому, что они сознаются каждым отдельным говорящим, но они потому и сознаются говорящими, что в языке как в социально выработанной грамматической системе эти звуки выполняют особую грамматическую функцию» [10: 128–129].

Были и попытки синтезировать идеи Московской и Петербургской школ [1], но они не нашли поддержки ни в той, ни в другой школе.

Если Московская школа продолжала развиваться и после Фортунатова, то Харьковская была связана в первую очередь с именем Потебни. Его первая книга «Мысль и язык» (1862) принадлежала к традиции философских грамматик, восходившей к В. фон Гумбольдту. В более поздних работах ученый, сохраняя гумбольдтовские идеи, эволюционировал в сторону позитивизма, стремясь к синтезу позитивизма и философских подходов. В рамках Харьковской школы работало и следующее поколение: Д. Н. Овсяннико-Куликовский, В. И. Харциев и др. В Харькове Потебня был окружен преданными учениками, но среди них не оказалось ученых того же уровня. Даже самый крупный из них – Овсяннико-Куликовский – как языковед оказался прежде всего хранителем традиций своего учителя (он также был и литературоведом). К началу XX века школа в Харькове стала угасать, хотя до 1950-х годов там работали отдельные верные ее концепциям ученые (Т. И. Райнов).

При этом идеи уже покойного Потебни оставались влиятельными не только в Харькове. Яркий пример – вышеупомянутый Кудрявский, работавший в Юрьеве (Тарту) и лично никак не связанный с Потебней, но во многом следовавший его идеям. Через посредство харьковского профессора в его книге «Введение в языковедение»⁴ присутствуют идеи В. фон Гумбольдта: о языке как деятельности, о невозможности установить для языка искусственные рамки и др. Большое место занимает понятие внутренней формы. Хотя Кудрявский старался оставаться

в рамках позитивистской науки, влияние Потебни (и через него Гумбольдта) выводило ученого за эти рамки. Авторитет Потебни был высок и в советское время.

Особое место в науке о языке начала XX века занимал ученик Фортунатова А. А. Шахматов. Традиционно этого ученого считают близким к младограмматикам, но, как указывает В. В. Колесов, «в своей конкретной работе он... выходит за границы узкого младограмматического ложа и смыкается с Ф. Ф. Фортунатовым... и И. А. Бодуэном де Куртенэ» [5: 273]. Отмечу, что так же оценивал Шахматова в лекциях на отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ и видный представитель нового поколения Московской школы П. С. Кузнецов. В частности, не только Бодуэн де Куртенэ, но и Шахматов задолго до появления книги Ф. де Соссюра разграничивал в языке статику и динамику (синхронию и диахронию). После смерти Шахматова в 1920 году во главе школы встал его ученик В. В. Виноградов, переехавший на рубеже 1920-х и 1930-х годов в Москву. Школа, перестав быть Петербургской (Ленинградской) территориально, и в Москве сохранила многие петербургские черты. Отсюда резкая полемика с Московской школой, включая А. М. Пешковского, которую вел Виноградов вплоть до 1950-х годов; взгляды Л. В. Щербы для него были гораздо более приемлемыми. Можно считать, что школа Бодуэна – Щербы и школа Шахматова – Виноградова были двумя ответвлениями Петербургской школы.

Бодуэн де Куртенэ

«в каждом университетском центре, где он работал... создавал самостоятельную школу: казанскую, дерптскую, краковскую, петербургскую и пр., и каждый раз это была не вариация прежней, но новое по качеству образование» [5: 396].

Однако, как уже говорилось, школы получились лишь в Казани и Петербурге. Среди его казанских учеников быстро выдвинулся Н. В. Крушевский, во многом новые идеи Бодуэн и Крушевский вырабатывали совместно, хотя из-за ранней смерти Крушевского часть из них была опубликована только в работах Бодуэна. В 1880-е годы Крушевского не стало, а Бодуэн уехал из Казани, но оставались еще их ученики, прежде всего В. А. Богородицкий, продолжавший работать там до 1941 года, однако с его кончиной школа окончательно угасла.

Из всех провозглашенных в Казани, а затем в Петербурге научных принципов наибольший резонанс получило введение с 70-х годов XIX века понятия фонемы. В Московской школе «отцом

и прародителем и фонемы, и фонологии» [8: 9] был признан Бодуэн де Куртенэ. Он разграничил антропофонику (акустико-физиологическую дисциплину) и психофонетику (впоследствии была преобразована в фонологию). После этого активно обсуждались как соотношение этих двух дисциплин, так и суть того, что первоначально было названо психофонетикой.

Важную роль в концепции Бодуэна играл психологизм, который не был принят большинством его последователей, поскольку психологические критерии были (по крайней мере, в то время) слишком нечеткими и субъективными. Поэтому лингвисты следующего поколения, принадлежавшие к разным школам, приняв идею фонемы, старались выработать иные, более строгие критерии выделения фонем. Критерии, однако, выделялись разные. Для Щербы это было звуковое сходство, а для Московской школы, как и продолжавших ее традиции Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, – смысловое различие.

В Петербурге учениками Бодуэна де Куртенэ стали три крупнейших лингвиста: Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов и Л. П. Якубинский. Из них больше всего идеям учителя продолжал следовать Поливанов, вплоть до понимания фонологии как психофонетики, но в силу жизненных обстоятельств он покинул в 1921 году Петроград и не создал собственной школы. Преемником Бодуэна в Петрограде / Ленинграде стал Щерба, который, как выше уже отмечалось, подверг идеи учителя модификации, отказавшись от прямой апелляции к психологии (хотя в скрытом виде она продолжала присутствовать) и перейдя к «физикализму», за который его критиковали москвичи.

После Бодуэна две дисциплины все более расходились. Лингвисты, занимавшиеся звуковой стороной языка, все реже были одновременно фонетистами и фонологами. Здесь многое определяла принадлежность к той или иной школе. По-разному мог решаться вопрос о том, нужно ли учитывать и описывать любые звуковые различия или только те, которые значимы для носителей языка. Экспериментальная фонетика во второй половине XIX века активно развивалась в разных странах, но она фиксировала и те звуковые различия, которые носители языка могут не замечать.

Труднее всего переход к фонологии давался именно лучшим экспериментаторам. Московская школа обвиняла Щербу и его учеников в «физикализме», поскольку они понимали фонему как класс близких по качеству звуков, выделяемый вне каких-либо функций языка.

Процесс перехода к фонологическому анализу имел несколько этапов, во время которых позиции «бумажной» науки усиливались. Бодуэн де Куртенэ понимал фонологию как «психофонетику», для него язык и фонема как одна из его единиц еще были если не физической, то, по крайней мере, психической реальностью. В 1930-е годы этим фонологическим взглядам оставался верен Поливанов, но для Н. С. Трубецкого это казалось давно пройденным этапом, и он резко писал о поздних работах Поливанова, приписывая данную точку зрения его оторванности от научных центров. Трубецкого, как и большинство других структуралистов, интересовали в первую очередь не элементы, а отношения между ними. Спор о фонеме между Московской и Ленинградской школами продолжался более полувека – до 1990-х годов.

Школа Бодуэна занималась не только фонологией. Этот ученый, как и Крушевский, во многом превосходил идеи структурализма. Они указывали на то, что реконструкции праязыков – не единственная и не главная задача науки о языке. Крушевский в книге «Очерк науки о языке» (1883) писал: «Область языковых явлений, наравне с другими областями существующего, подчинена известным законам, в общенаучном смысле этого слова» [6: 101]. Законы он делил на статические и динамические. Понятие закона существовало и до этого, но о «статических законах» речи не шло: считалось, что объяснение языковых явлений может быть только историческим. Бодуэн де Куртенэ помимо этого выделял в языке статику и динамику. В программе казанского курса 1877/78 года он писал: «Исследованием законов равновесия языка занимается статика, исследованием же законов движения во времени, законов исторического развития языков – динамика» [2: 110], вводя в лингвистику статические, то есть синхронные, понятия фонемы и морфемы, ставшие основополагающими в мировой науке XX века. При всех дальнейших модификациях этих понятий они понимались как статические.

В дальнейшем Бодуэн де Куртенэ, никогда не отказываясь от правомерности исторического подхода к языку, постоянно обращался к анализу современных языков. Стремление к изучению живых языков сказывалось и на научно-общественной деятельности ученого. Он много лет выступал против классического образования, уделявшего главное внимание преподаванию «мертвых» греческого и латинского языков, в таком внимании Бодуэн видел лишь «унаследованный от прошлого пережиток». Он подчеркивал:

«Только живой язык, язык, существующий в голове ученика, поддается всестороннему наблюдению и опыту», поэтому как «средство развития ума» необходимо лишь преподавание родного языка учащимся [2: 34].

В то же время Бодуэн де Куртенэ никогда не отрывал статику (синхронию) от динамики (диахронии) так, как это делал его знаменитый младший современник Ф. де Соссюр. Бодуэн указывал:

«В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики» [2: 349].

Совсем иной была точка зрения Ф. де Соссюра, для которого между синхронией и диахронией лежала непреодолимая пропасть. И даже индийскую науку о языке Бодуэн осуждал за «отсутствие историзма».

Морфема, минимальная единица морфологии, также понималась Бодуэном де Куртенэ психологически. Он считал морфемой минимальную часть слова, обладающую самостоятельной психической жизнью. Морфема также им понималась как реально существующая единица:

«На все морфологические элементы живого мышления – морфемы, синтагмы... следует смотреть не как на научные фикции или измышления, а только как на живые психические единицы» [2: 43].

Развитие языка Бодуэн де Куртенэ рассматривал не как случайный процесс, а как выражение тех или иных тенденций, которые могут быть разными в каждом конкретном языке. Скажем, для польского языка он отмечал постепенное сглаживание количественных противопоставлений в фонологии и их усиление в морфологии, для истории русского языка – общую тенденцию к ослаблению противопоставлений гласных и усилению противопоставлений согласных. Такого рода тенденции могли не только выявляться в прошлом, но и проецироваться в будущее. Интерес к тому, каким может стать язык в будущем, несвойственный большинству лингвистов, отличал Бодуэна де Куртенэ и нашел продолжение у Поливанова.

Безусловно, ученики Бодуэна де Куртенэ имели некоторые общие черты в своих научных подходах, противопоставленные Московской школе, созданной Фортунатовым. Но что это за черты? Заслуживает внимания такое высказывание:

«Для петербургской филологии существенно внимание к *семантике системы* (“значение формы”) в ее

функции и динамике, тогда как московская филологическая школа предпочитала интерес к языковой *форме* в лингвистически конструированной *модели* (“значимая форма”), статически представленной как *стиль*» [5: 420].

Разумеется, в отечественной науке о языке совокупность научных школ претерпевала изменения. Одни школы угасали, другие возникали. Если в Ленинграде господство школы Щербы было заметно еще долгое время, то в Москве однородности уже не было. Идеи школы Фортунатова развивали В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский, А. М. Сухотин, П. С. Кузнецов. Но в Москву переезжали ученые иных традиций: Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, В. В. Виноградов. Новая ситуация может характеризоваться по-разному. Например, в сравнительно недавней публикации основными направлениями советской науки о языке к началу 1950-х годов были названы марризм, «виноградовское направление» и «зарождающийся отечественный структурализм», к которому отнесены, в частности, публикации Р. И. Аванесова, представителя Московской фонологической школы [3: 538–539]. Впрочем, марризм после 1950 года уже не имел существенного значения. Но два других направления, связанные с соответствующими школами, действительно играли ведущую роль в то время (хотя Аванесов, разошедшийся с другими участниками кружка, был здесь не самым представительным). Можно согласиться и с тем, что Московская фонологическая школа, по сути,

относилась к лингвистическому структурализму, хотя этот термин тогда не употреблялся.

С 1950-х годов стали появляться новые научные лидеры, уже прямо причислявшие себя к структурализму. Сложилось сообщество вокруг И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна, обладавшее всеми признаками научной школы. В Ленинграде наряду с продолжателями традиций, заложенных Л. В. Щербой (А. В. Бондарко и др.), сложилась занимавшая особое место типологическая школа, основанная А. А. Холодовичем и продолженная В. П. Недеялковым и В. С. Храковским. Можно привести немало и других примеров. Но традиции школы Фортунатова продолжали жить. Центром подготовки лингвистов в 1960-е годы в Москве стало отделение теоретической / структурной и прикладной лингвистики МГУ, где эти традиции сохранял и передавал студентам П. С. Кузнецов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание и развитие научных школ – естественный процесс. И он не может не продолжаться. В статье сделана попытка показать, что Московская и Петербургская (Ленинградская) школы при всех видоизменениях сохраняли свои традиции. Москвичи старались опираться на формальные подходы, дающие возможность объективной проверки, были сосредоточены на строго лингвистических критериях, а петербуржцы в большей степени использовали понятия других наук: психологии, фонетики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1912. 130 с.

² Поржезинский В. К. Филипп Федорович Фортунатов. Некролог. М., 1914. С. 17.

³ Перельмутер И. С. Труды Ф. Ф. Фортунатова по типологии: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1989. 217 с.

⁴ Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернштейн С. И. Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 62–80.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. Т. 1. М., 1963. 384 с.
3. Гоготишвили Л. А. Комментарии // Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. М.: Русское слово, 1996. С. 388–389.
4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Часть I. М.: Просвещение, 1964. 466 с.
5. Колесов В. В. История русского языкознания. Очерки и этюды. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. 471 с.
6. Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. 296 с.
7. Кузнецов П. С. Воспоминания // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7, № 1. С. 155–250.
8. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. 528 с.
9. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды: В 2 т. М.: Прогресс, 1956–1957.
10. Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 123–148.

Original article

Vladimir M. Alpatov, Dr. Sc. (Philology), RAS Academician,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4323-2832; v-alpatov@iling-ran.ru

SCHOOLS OF RUSSIAN LINGUISTICS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Abstract. The article compares the main scientific schools that emerged in Russian linguistics in the second half of the nineteenth century: the Kharkov school (A. A. Potebnaya), the Moscow school (F. F. Fortunatov), and two schools founded by I. A. Baudouin de Courtenay in Kazan and St. Petersburg. Although each of the schools has been studied in a variety of publications, no systematic comparison of their ideas and methods, as a rule, has been made. An attempt is made to trace the fate of each of these schools in the twentieth century. While the Kharkov and Kazan schools gradually died out, in Moscow and St. Petersburg – Petrograd – Leningrad we can note the continuity and preservation of traditions. Fortunatov's school preserved the general principles of positivist science of the nineteenth century longer than others, but the Moscow school was not accidentally called formal by its opponents. The article shows how Fortunatov's desire to rigorously prove his positions and to abandon psychologism contributed to the most rapid transition of the new generation of the school to structuralism. Baudouin de Courtenay's ideas were innovative and anticipated many ideas of the twentieth-century language science, but the scholar's desire to give a psychological interpretation to the phenomena in question was not characteristic of other schools. One or another school often adopted the ideas of other schools, reinterpreting them: the notion of the phoneme introduced by Baudouin de Courtenay was adopted by the Moscow school, but was understood not as a psychological one, but as a sense-differentiating one. Both in Moscow and in St. Petersburg, a number of traditions still exist today. Studying the origins of Russian linguistics is an important task, as it enables to analyze the history of the Russian science of language more thoroughly.

Key words: scientific school, Potebnaya, Fortunatov, Baudouin de Courtenay, Shakhmatov, Shcherba, Vinogradov, phoneme

For citation: Alpatov, V. M. Schools of Russian linguistics: similarities and differences. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):94–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.945

REFERENCES

1. Bernstein, S. I. Basic concepts of phonology. *Topics in the Study of Language*. 1962;5:62–80. (In Russ.)
2. Baudouin de Courtenay, I. A. Selected works on general linguistics. Vol. 1. Moscow, 1963. 384 p. (In Russ.)
3. Gogotishvili, L. A. Comments. *Bakhtin, M. M. Collected works: In 7 vols.* Vol. 5. Moscow, 1996. P. 388–389. (In Russ.)
4. Zvegintsev, V. A. History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part I. Moscow, 1964. 466 p. (In Russ.)
5. Kolesov, V. V. History of Russian linguistics. Essays and studies. St. Petersburg, 2003. 471 p. (In Russ.)
6. Krushevsky, N. V. Selected works on linguistics. Moscow, 1998. 296 p. (In Russ.)
7. Kuznetsov, P. S. Memories. *Moscow Linguistic Journal*. 2003;7(1):155–250. (In Russ.)
8. Reformatzky, A. A. From the history of Russian phonology. Moscow, 1970. 528 p. (In Russ.)
9. Fortunatov, F. F. Selected works. In 2 vols. Moscow, 1956–1957. (In Russ.)
10. Yakovlev, N. F. Mathematical formula for constructing the alphabet. *Reformatzky, A. A. From the history of Russian phonology*. Moscow, 1970. P. 123–148. (In Russ.)

Received: 10 May 2023; accepted: 26 June 2023

ГЕОРГИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ МОЛЬКОВ

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Научно-исторического архива
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6165-2040; georgymolkov@gmail.com

МОРСКИЕ ТЕРМИНЫ В НЕИЗДАННЫХ СОЧИНЕНИЯХ АДМИРАЛА С. И. МОРДВИНОВА СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

Аннотация. Неизданные сочинения С. И. Мордвина до сих пор не попадали в поле зрения лингвистов и представляют собой новый источник по изучению лексики русского языка XVIII века. Сохранилось два сочинения этого автора, посвященных морскому делу, написанных с интервалом в пару десятилетий – в конце 1730-х годов и в 1764 году. Цель настоящего исследования – описать изменения, которые испытывала терминосистема сферы корабельной тактики в узусе одного автора. По нашим наблюдениям, более позднее сочинение 1764 года – переработанная версия сочинения 1730-х годов, что делает актуальным вопрос о принципах языковой правки, которыми руководствовался С. И. Мордвин. В каждой из рукописей, сохранившихся в собрании БАН, есть оригинальное, не совпадающее содержание – некоторые параграфы, разделы, но в основном содержимое совпадает, в том числе по заголовкам, иногда с вариациями. Сравнение терминологии двух трактатов показывает, что специфические термины корабельной эволюции (то есть построения кораблей в строю) в отличие от более общей морской терминологии у Мордвина ориентированы на французское употребление. При этом в его позднем сочинении галлицизация терминосистемы усиливается на морфологическом и фонетическом уровнях. Таким способом Мордвин пробует стандартизировать термины в этой сфере.

Ключевые слова: морская терминология, корабельные эволюции, русский язык XVIII века, историческая лексикология, галлицизмы

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420>.

Для цитирования: Мольков Г. А. Морские термины в неизданных сочинениях адмирала С. И. Мордвина середины XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 101–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.946

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XVIII века язык специальной литературы – почти исключительно переводной – отличается значительная языковая, в том числе лексическая, вариативность. В зависимости от подготовки и образования авторов и переводчиков научный текст мог иметь как церковнославянскую языковую основу («Арифметика» Л. Магницкого 1703 года или «География генеральная» 1718 года в переводе Ф. Поликарпова), так и опираться на деловой язык, близкий к разговорной речи (в частности, переводы Посольского приказа рубежа XVII–XVIII веков, первые переводы, выполнявшиеся при Академии наук, и др.). На русский язык переводов этого периода обычно большое влияние оказывает язык оригинала – латинского, немецкого, французского и др.

В сфере терминологии это создает лексическую дублетность и неустойчивость фонетического и морфологического облика лексики.

При отсутствии нормы в терминообразовании в первой трети XVIII века в развитии научного языка исследователи выделяют две противоположные линии: с одной стороны, для ряда авторов характерна ориентация на заимствование отработанной европейской терминологии, установка на интернациональные обозначения, а с другой – попытки создания и внедрения в практику русских эквивалентов, с ориентацией на русского учащегося [4: 32–33]. При расширении круга источников эта языковая пестрота закономерно усугубляется, как показывают исследования последних лет [3], [8], в том числе в сфере морской терминологии [9]. В работе

с терминологической лексикой первой половины XVIII века нам удалось [6] обнаружить малоизвестную маргинальную систему терминологических названий – в учебных трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации. Ее особенность в том, что при ориентации на сближение с европейской системой терминов автор делает это нестандартным способом: заимствует преимущественно не интернациональную терминологию, а конкретно французскую, и при этом не совпадающую во французском языке с интернациональной. В частности, ромб в его сочинениях называется *лозанжем*, равнобедренный треугольник – *исосседем*, радиус – *районом* и т. д. Если же все-таки используется интернациональная основа для того или иного понятия, она присутствует в сочинениях Ганнибала во французской огласовке: например, вместо *центр – сантр*, вместо *гипербола – иперболь*, не *куб* или *кубус*, а *кюб* и др. Эта терминологическая традиция, усвоенная Ганнибалом при обучении во Франции, по-видимому, оказалась на русской почве тупиковой. Тем не менее в ходе работы по ее описанию было обнаружено аналогичное употребление у еще одного автора рассматриваемого периода – Семена Ивановича Мордвинова. В его печатном четырехтомном учебном пособии «Книги полного собрания о навигации, морского корабельного флота» (СПб., 1748–1753) первый том посвящен геометрии и тригонометрии, и здесь равнобедренный треугольник также называется *изосцедем*, косая линия – *линией облік*, а кривая – *линией курб*, тупой угол – *углом обтус* и др. Отметим при этом, что Мордвинов в отличие от Ганнибала в сфере геометрической терминологии склонен к использованию латино-немецких фонетических вариантов в тех случаях, когда корень в латыни и французском совпадает: *исоссель* – *изосцель* (с немецким озвончением *з* и латино-немецким *ц* вместо *с*), *обтю* – *обтус* (с латинской флексией). Будущий адмирал Мордвинов, как и Ганнибал, проходил обучение во Франции, и примерно в те же годы (1716) он был послан в составе группы гардемарин сначала в Копенгаген, а затем – в Брест, где был произведен в гардемарины французского флота. В Россию Мордвинов вернулся через шесть лет, в 1722 году.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

С. И. МОРДВИНОВА

Проблемы атрибуции

Помимо упомянутого печатного пособия от С. И. Мордвинова сохранилось и неопубликованное наследие, которое представляет большой

интерес ввиду специфичности его терминологической системы, а также в связи с тем, что оно до сих пор не привлекало внимания лингвистов и остается неопианным.

О том, что круг сочинений Мордвинова не ограничивается опубликованными, мы узнаем из записок адмирала: «... в 1736 году в январе месяце подана от меня в адмиралтейскую коллегию книга о эволюции флота, сочиненная мною на русском языке»¹, а в 1740 году «подана от меня вторично в коллегию, с пополнением прежнего, книга о эволюции, а другая Полное собрание о навигации в 3-х частях, третья – каталог»², на что обратила внимание И. А. Вознесенская [2: 98–99]. Она же обнаружила в рукописном собрании БАН рукопись под названием «Книга о учреждении флота или об экзерциции флота на море какими регулами все флоты военные как на море так и на рейдах всякие случаи учреждаются» (16.12.16) на 167 листах (далее – Учрежд.); шестая (последняя) глава этой книги озаглавлена отдельно «Книга полного собрания об эволюции или обсервации флота на море часть шестая», то есть речь в ней идет в том числе и о корабельной эволюции – построениях кораблей в строю. Датировка по филиграммам не противоречит отнесению к 1730-м годам, в связи с чем И. А. Вознесенская предположила, что это и есть упоминаемое в записках Мордвинова и считавшееся утраченным сочинение. Несмотря на то что имя автора в рукописи не указано, она безошибочно атрибутируется Мордвинову, в том числе по данным еще одной собственноручно подписанной им рукописи. Эта вторая рукопись – также из коллекции БАН (собр. Текущ. поступлений, № 2), называется – «Книга о эволюции флота карабельного; и галерного и о сигналах» (далее – Эвол.). Она имеет посвящение за подписью Мордвинова наследнику престола цесаревичу Павлу Петровичу и датирована 1764 годом. Это сочинение, видимо, задумано как учебник для Павла Петровича, бывшего в этот период, несмотря на детские годы, президентом Адмиралтейств-коллегии.

При сравнении двух названных рукописей БАН достаточно очевидно, что вторая, подписанная Мордвиновым, – это переработанная версия первой. Хотя в каждой из рукописей есть оригинальное, не совпадающее содержание – некоторые параграфы, разделы, но основные разделы совпадают в том числе по заголовкам, иногда с вариациями. Например, в Учрежд. Глава 2 называется «О разделении флота», а 3 – «Об ордерах». В книге Эвол. Часть I называется

«О Разделени<и> Флота и об Ордерахъ». В обеих рукописях есть разделы «О лавировании», «О поворачивании всем вдруг», «О штормах», «О перемене ветра», «О галерном флоте» и т. д. При этом содержание одноименных разделов иногда совпадает буквально. Часто изложение в Эвол. построено как сокращенный пересказ информации из Учрежд., по-видимому, в связи с тем что книга 1764 года – это общее пособие по корабельной эволюции для молодого цесаревича. Например, в Учрежд. на л. 25–25 об. в двух специальных параграфах описываются перестроения кораблей на походе, идущих в 6 и 9 колонн, а в Эвол. содержание этих параграфов передано кратко одним абзацем (л. 29).

Таким образом, в нашем распоряжении есть две неизданные версии сочинения адмирала Мордвинова, посвященные перемещению кораблей в строю. Создание одной относится, скорее всего, к 1730-м годам, а вторая точно датирована 1764 годом. Благодаря этому возможно рассмотрение терминосистемы, которой пользуется автор этих пособий, и тех изменений, которые она претерпела за несколько десятилетий. Наши наблюдения показывают, что в совпадающем тексте сочинений автором проведена редакторская правка, которая коснулась и непосредственно морской терминологии.

Редактирование текста С. И. Мордвиновым

Как хорошо известно, в сфере морского флота с начала XVIII века в русском языке определяющую роль играла терминология, заимствованная из голландского и английского языков, использовалась интернациональная терминосистема балтийского региона³. Однако морская тактика в этом отношении была несколько обособленной сферой, поскольку базовым пособием здесь, по которому с большой долей вероятности обучался и сам Мордвинов во Франции, была книга Поля Госта о морских эволюциях («L'Art des Armées Navales ou Traité des Évolutions Navales»), впервые изданная в 1697 году. Эта книга вызывала интерес Петра I: ее перевод (видимо, не понравившийся царю) был сделан в конце 1710-х годов и был связан «с подготовкой русского флота к заключительному этапу Северной войны» [5: 158]; перевод сохранился в составе собрания Библиотеки Петра I в БАН. Этим обусловлена значимость французского языка в сфере корабельных эволюций. Как уже было сказано, Мордвинов был предрасположен к употреблению галлицизмов и в пограничных с навигацией сферах, поэтому при изложении узкой

проблематики изменений корабельного строя он использует большое количество заимствований из французского, которые взаимодействуют с голландской системой терминов и русскими соответствиями.

Голландскими или английскими по происхождению терминами Мордвинов оперирует в тех случаях, когда их употребление не ограничено сферой корабельной эволюции. В частности, названия частей корабля, которые приведены в подписи к общей схеме в сочинении 1764 года (л. 10), целиком состоят из стандартных голландских терминов: *фокъ мачтъ*, *стенги*, *бизань зель*, *гротъ марсель*, *крюсель*, *рей*, *бушпритъ* и др.; сильное волнение и буря на море обозначаются только германским по происхождению словом *штормъ* (при французском термине *tempête*) и др. Англицизм постоянно используется в обоих сочинениях для обозначения курса корабля, самого близкого к линии ветра, – *бейдевинтъ* (англ. *by the wind*) (при наличии французского аналога *à la bouline*), или курса корабля по ветру – *фордовинтъ* (англ. *for the wind*).

Менее стабильно употребление терминов, специфических для сферы корабельной эволюции. Эта нестабильность связана с конкуренцией голландских и французских обозначений, а также со сменой предпочтений самого Мордвинова в 1760-е годы по сравнению с 1730-ми.

Наиболее характерным в этом отношении является употребление пары терминов, значимых для организованных передвижений группы кораблей – для обозначения позиции корабля (или одной из колонн в составе эскадры) с наветренной и подветренной стороны относительно основного строя. В словарях морской лексики XIX века эти понятия даются как парные заимствования из голландского языка. Например, в словаре В. В. Вахтина:

«*Анлэй* стр. слово, взятое с гол. *aanlij* – под ветер. Теперь не употребляется.

Анлѳ с гол. *aanloef* – к ветру (*Aanloeven* – подыматься к ветру). Теперь не употребляется»⁴.

У Мордвинова эти параллельные обозначения оформлены по-разному в двух сочинениях. См. контекст:

Книга о учреждении..., 1730-е годы	Книга о эволюции..., 1764 год
две колонны которые в вetre ABCD поидуть темже курсомъ когда первой карабль F колонны EF которая под ветромъ давъ рей на другой бортъ (л. 43 об.)	две колонны лювертовы АВ и DC поидуть темже курсомъ на которомъ колонны лежать; а первой карабль Е, анлѳевой колонны EF, давъ рей на другой бортъ (л. 141 об.)

В раннем сочинении использованы традиционные русские термины *в ветре* и *под ветром*, а в учебнике для цесаревича Павла Мордвинов решает заменить их заимствованиями, при этом из разных языков: голландское по происхождению *анлее* (гол. *aanlij*) и французское *люверт* (фр. *l'ouvert*)⁵. При этом обе основы выглядят вполне адаптированными, так как от них образованы относительные прилагательные *анлеевый* (встречается также вариант со стяжением *анлевый*) и *лювертовый*. Те же основы употребляются в учебнике и в морфологически иных параллельных образованиях. Например, во вступительном разделе «Изъяснение некоторых термин» в начале учебника они даны в виде предложно-падежных сочетаний, которые в дальнейшем постоянно используются в тексте:

«Которые карабли на перпандикуляре ветра V какъ C и D те, в равномъ разстояни от ветру; а которой карабль **в ветре**, то есть ближе к ветру, какъ B тотъ называется **влюверте**; а которой карабль **под ветромъ** или ниже под ветеръ какъ A тотъ называется **ванлѣе**» (л. 12).

Как видно из этого примера, выражения *в ветре* и *под ветром* в сочинении 1764 года тоже встречаются во вступительном описании, однако далее Мордвинов использует только заимствования: *будучи в ветре* (Учрежд., л. 155) > *будучи в люверте* (Эвол., л. 144 об.); *будучи под вѣтромъ* (Учрежд., л. 156) > *будучи в анлѣе* (Эвол., л. 146 об.) и мн. др. В то время как в сочинении 1730-х годов слова *анлее* и *люверт* еще полностью отсутствуют. Вероятно, использование заимствований было более удобным, так как встречаются контексты, когда одному термину в Эвол. соответствует описательная формулировка в Учрежд.:

Книга о учреждении..., 1730-е годы	Книга о эволюции..., 1764 год
карабль B котори на самомъ крыле от котораго ветръ отдалитца возьметъ куршъ в беидовинтъ NO (л. 62 об.)	тогда анлевой карабль B, возьметъ курсъ въ беидовинтъ по лини BG (л. 58 об.)
переменить колонну которая в ветре с колонною которая под ветромъ (л. 90)	переменить лювертову колонну съ анлѣевой местами (л. 85)

Кроме того, в Учрежд. ближе к концу сочинения Мордвинов прибегает и к соответствующим русским прилагательным *ветренный* и *подветренный*: *переменить подветренную колонну* (л. 88 об.); *поветренная колонга EF* (л. 137 об.), *средняя колонга AB* и *ветренная CD* (л. 139). Повидимому, при редактировании в Эвол. происходит упорядочивание терминологии: вместо всей со-

вокупности способов обозначения двух понятий автор вводит более терминологичную и единую пару заимствованных основ.

Как было сказано ранее, специфику терминов геометрии и фортификации у А. Ганнибала отличало в том числе употребление международных терминов во французской огласовке. Именно этот признак различает и терминосистемы двух сочинений Мордвинова, так как в сочинении 1764 года адмирал явно стремится более последовательно использовать ряд терминов во французском произношении.

Изменяется фонетический облик слова, означающего порядок или строй кораблей в зависимости от цели движения эскадры. Используемое Мордвиновым слово *ордеръ* в этом значении восходит к французской военной терминологии [1: 113], однако его звучание в первой трети XVIII века значительно варьировалось в результате взаимодействия форм, пришедших из разных европейских языков. В сочинениях Мордвинова более раннее *ордеръ* (ср. гол. *order*) исправляется им позднее на отражающее французское звучание *ордръ*⁶:

Книга о учреждении..., 1730-е годы	Книга о эволюции..., 1764 год
Эрдеръ называется то когда вло ^т на морѣ порядочно учрежденъ чтобъ всякою флагманъ и все капитаны съ своими караблями были въ свои ^х местахъ	Ордръ называется то; когда флотъ въ путеплаваниѣ, и якорномъ стояни; илѣ противу неприятеля, порядочно расположенъ; чтобъ какъ флагманъ, такъ и капитанъ, съ своими караблями, во определенныхъ местахъ были
учреждается флотъ разными манерами 1. в ордеръ деботалии или лини деботали; 2. во ордеръ демарша 3. во ордеръ деретреть 4. во ордеръ дегартъ 5. во ордеръ депасажъ 6. во ордеръ деканвои (л. 10 об.)	разные есть ордеры для разныхъ случаевъ; 1. боевой ордръ ; 2' ордръ демаршъ илѣ ордръ марширования, которыхъ пять разныхъ; 3' ордръ деретреть; 4' ордръ депасажъ; 5' ордръ дегардъ; 6' ордръ якорнаго стояния (л. 13)

При этом французская огласовка распространяется только на формы им.-вин. падежей ед. числа, которые фонетически совпадают с неизменяемым французским словом *ordre*. При добавлении окончаний других падежей Мордвинов использует только двухслоговую основу: *об ордерѣ*, *ордера*, *в ордерѣ* и т. д. Более последовательно такая правка проводится в начале сочинения. В заключительных главах слово начинает появляться в галлицизированном виде *ордръ* уже в Учрежд.

Отличием раннего сочинения, устраненным в Эвол., в отношении слова *ордеръ* также является его искаженное под влиянием народной этимоло-

логии написание в виде *обдрь* (л. 72), в первом *обдре* (л. 75 об.), в третьем *обдре* (л. 80) и др.

Одно из основных понятий эволюции *курс* в раннем тексте используется в двух видах – *курш* и *курс*, с предпочтением первого, немецкого вида:

«весь флотъ обстенишь парусы а передней карабль А. которой былъ в лини прибавя парусовъ возьмъ **куршь** Z. перпендикуляръ средняго румба между линей или **курсовъ** ONO и OZO» (л. 52); «эска^{ры} третьяго адмирала карабль F возьмъ **курсъ** ЕС также по перпендикулярю ветра и какъ придетъ на место где былъ карабль С тогда и возьмъ **куршь** OZO» (л. 81) и мн. др.

В книге 1764 года этот разнобой унифицируется в пользу *курс*.

Аналогичная ситуация с вариантами слова *эскадра*: в Учрежд. это слово употребляется как в огласовке *эскадра*, так и с немецким *ш* вм. *с* – *эшкадра*, *эшквадра* и даже *эжиквадра*:

«Распределяется флотъ по **эшквадрамъ** и по дивизиямъ прежде походу» (л. 5 об.); «во всякой **эскадре** главной командиръ адмираль... у всякаго адмирала въ **эшквадре** по одному вице^амиралу того* флага... всякая **эшквадра** разделяется на три дивизи... всякая **эжиквадра** буде^т по 21 караблю... о разделени флота на **эшкадры**» (л. 9); «**эшкадра** лежала на якорѣ» (л. 30 об.) и др.

При редактировании в Эвол. Мордвинов устраняет вариативность, оставляя только сопадающий с французским вариант со звуком *с*.

Отдельное внимание обращает на себя слово *перпендикуляр*, очень частотное в тексте трактатов, так как многие эволюции проделываются под углом 90 градусов к линии ветра, к курсу других кораблей эскадры, курсу неприятеля и т. д. В Учрежд. это слово используется исключительно в основном для XVIII века и современного языка виде. Только в таком виде – *перпендикуляр* – это слово и основа в целом засвидетельствованы в картотеке Словаря русского языка XVIII века, в обширной электронной текстотеке словаря. В учебнике 1764 года Мордвинов вразрез с преобладающим употреблением использует это слово исключительно во французской огласовке, в двух равноправных вариантах – *перпандикуляръ* и *перпандикулеръ*:

«анлеевой карабль В, возьмъ курсъ по **перпандикулярю** ветра» (л. 56 об.); «и какъ передней карабль Е, будетъ иметь карабля А, на **перпандикулере** новаго курса тогда и карабль А, пойдетъ темже курсомъ» (л. 64 об.) и др.

Встречается перегласовка и ряда других, менее частотных в тексте трактатов терминов: *штюръ* (*штирть*) *бортъ* (л. 28 об., 65 и др.) > *стри бортъ*⁷ ('правый борт'), *ретректъ* (л. 116 об.) > *ретретъ* ('отступление'), *колонга*

(*колонка*) > *колонна* и даже *колон*, *анишефт* (*оншефтъ*) > *анишефъ* и др.

Отдельный тип терминологических заимствований составляют составные номинации с предлогом *de* во французском. В русской передаче такие термины могут функционировать как неизменяемые атрибутивы и употребляться наряду с неадаптированными заимствованными прилагательными. Такая ситуация наблюдается в трактатах А. Ганнибала, где единичные французские сочетания с предлогом типа *de дефансъ*, *даншладъ*, *де вронъ*, *дю фланкъ* и т. п. ведут себя морфологически однородно (не имеют форм изменения) подобно прилагательным типа *эю*, *круксъ*, *офансивъ*, *платъ* и др. [7: 201–202].

В исследуемых сочинениях С. Мордвинова ситуация несколько иная. Прилагательные иноязычного происхождения у него морфологически адаптируются (как мы видели выше, на примере слов *анлеевый* и *лювертовый*), но с адаптацией французских терминологических сочетаний с предлогом *de*, по-видимому, были определенные сложности, с которыми Мордвинов справлялся неодинаково в разные периоды.

В Учрежд. будущий адмирал более свободно русифицирует подобные предложно-падежные сочетания из французского. Элемент *de* в их составе начинает использоваться как приставка в склоняемом имени: *в линию деботалию* (л. 22), *лечь... ордръ деретретомъ* (л. 29 об.), *учреждень в ордре деретрете* (л. 93 об.), *из о^{др}о^е деретрето^е* (л. 96 об.), *о^м втораго ордра дема^рша* (л. 117); в других случаях – со словами *баталия*, *марш* – эта квазиприставка как бы функционально дублирует в склоняемом слове значение родительного падежа, переданного также и флексией: *Гурдеръ деботали*, *лини<и> деботали* (л. 12), *первои ордеръ демарша* (л. 18). В Эвол. Мордвинов старается вычищать такие употребления: *ордръ дебаталь*, *линь деботаль* (л. 18), *лечь въ ордръ деретретъ* (л. 34 об.), хотя эти частотные сочетания (в основном – в заголовках) все же часто остаются в прежнем виде. В сочетании *линия деботали*, кроме того, Мордвинов в паре случаев переводит на русский атрибутивную часть как *боевой ордеръ* (см. пример на замену *ордеръ* > *ордръ* выше); в некоторых параграфах и заголовках автор подбирает формулировки, позволяющие избежать употребления этого термина. Так, заголовок Учрежд. *переменишь ордръ и о^м втораго ордра дема^рша в линию деботали* (л. 117) в Эвол. меняется на более лаконичный: *перемѣнитъ ордръ изо втораго в первой* (л. 105 об.).

На этом фоне показательно, как ведет себя структурно однотипный во французском языке термин *corps de bataille* ‘средняя часть войска, флота’, заимствованный в русский в XVIII веке как *кордебаталия* с многочисленными фонетическими и морфологическими вариантами⁸. Вариативность в облике этого заимствования характерна и для сочинений Мордвинова. В обоих рассматриваемых текстах возможны несколько вариантов оформления термина. В Учрежд. возможны три варианта: *кордебаталии* (видимо, с орфографически не выраженным вторым *и* во флексии, то есть *кордебаталии*), *кордебаталия* и *кордебата*¹ (последний вариант не зафиксирован в Словаре русского языка XVIII века), в то время как в Эвол. отмечены только два последних варианта – автор устраняет вид с генетивной флексией (как и рассмотренные выше *ордеръ деботали*, *демарша*). Полноценное существительное на *-ия* остается основным способом выражения, но маргинальные для этого слова варианты ведут себя, как и другие однотипные им.

Подытожить рассмотренную правку в ряде терминов можно в виде таблицы:

Книга о учреждении..., 1730-е годы	Книга о эволюции..., 1764 год
<i>курушь / курсь</i>	<i>курсь</i>
<i>эшквадра / эшквадра / эшквадра / эскадра</i>	<i>эскадра</i>
<i>штюръ борть / стри борть</i>	<i>стри борть</i>
<i>ордеръ деретреть / деретреть</i>	<i>ордръ деретреть</i>
<i>колонга / колонка / колон(и)а</i>	<i>колонна</i>
<i>аншефтъ</i>	<i>аншефъ</i>
<i>линия деботали</i>	<i>линь деботаль</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал показывает, что в позднейшем сочинении С. И. Мордвинов более четко маркирует группу терминов, связанную с частной сферой мореходной терминологии – тактическими перемещениями кораблей в составе эскадры. При редактировании он устраняет вариативность, свойственную его сочинениям 1730-х годов, и в ходе этого исправления в большей степени подчеркивает французское происхождение данной группы обозначений, усвоенных им еще в молодости при обучении и практической деятельности во Франции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанные собственною его рукою. СПб., 1868. С. 20.

² Там же. С. 21–22.

³ Сморгонский И. К. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 180 с. (Труды института истории науки и техники. Серия 2, вып. 6). С. 3.

⁴ Объяснительный морской словарь / Сост. В. В. Вахтиным. 2-е доп. изд. СПб.: Изд-е комиссионера Морского министерства Н. Г. Мартынова, 1894. С. 8.

⁵ Ср.: «être a l'ouvert d'une passe. C'est être vis-a-vis de quelque chose, comme de l'entrée d'un port, d'un rade ou d'une riviere» (Dictionnaire historique, théorique et pratique de marine. Par Monsieur Saverien. T. 2. 1758. P. 193).

⁶ В Словаре русского языка XVIII века этот вариант фиксируется с 1708 года (Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2007. Т. 17. С. 70).

⁷ Ср.: «Stribord, Tribord, Dextribord, Extribord ou Tienbord. C'est le côté gauche du vaisseau, quand on va de la rouvere à la proue» (Dictionnaire historique, théorique et pratique de marine. Par Monsieur Saverien. T. 2. 1758. P. 316).

⁸ Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 1998. Т. 10. С. 168.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 431 с.
- Вознесенская И. А. «Книга об учреждении флота» в рукописи БАН // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Междунар. науч. конф. Москва, 2020 г. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 97–100.
- Коркина Т. Д. Лексические разночтения в редакциях русского перевода коммерческого трактата Джона Ло «Money and Trade» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2022. Т. 18, ч. 2. С. 178–207.
- Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л.: Наука, 1964. 220 с.
- Лебедева И. Н. (сост.) Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб.: БАН, 2003. 431 с.
- Мольков Г. А. Терминология трактатов А. П. Ганнибала «Геометрия практика» и «Фортификация» 1725–1726 гг. // Терминология и знание: Материалы VI Междунар. симпозиума (Москва, 8–10 июня 2018 г.). М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 179–188.
- Мольков Г. А. Заимствования в трактатах А. П. Ганнибала по геометрии и фортификации (1725–1726 гг.): К истории неизменяемых прилагательных в русском языке // Труды Института русского языка

им. В. В. Виноградова. Вып. 23. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М., 2020. С. 198–208.

8. Соколов А. И., Малышева И. А. «Монархия Турецкая» в переводе П. А. Толстого как источник изучения русского языка начала XVIII в. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 4 (36). С. 34–43.
9. Щекин А. С. Морской термин «спринг» в русском языке XVIII века // Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации: Сб. науч. ст. / Сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2023. С. 67–69.

Поступила в редакцию 29.06.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Georgiy A. Molkov, Dr. Sc. (Philology), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6165-2040; georgiy.molkov@gmail.com

MARINE TERMS IN UNPUBLISHED MID-EIGHTEENTH-CENTURY WORKS OF ADMIRAL SEMYON MORDVINOV

Abstract. The unpublished works of S. I. Mordvinov have not yet come to the attention of linguists and are a new source for studying the vocabulary of the Russian language of the XVIII century. Two essays by this author on maritime affairs have been preserved, written at intervals of a couple of decades – in the late 1730s and in 1764. The purpose of this study is to describe the changes that the terminological system of the sphere of ship tactics experienced in the usage of one author. According to our observations, the later work of 1764 is a revised version of the work of the 1730s. Each of the manuscripts stored in the Library of the Russian Academy of Sciences has its own unique content – some paragraphs and sections, but the main sections coincide, including the headings, sometimes with variations. A comparison of the terminology of the two treatises shows that the specific terms of ship evolution (i.e., the position of ships in formation and its changes), in contrast to the more general marine terminology used by Mordvinov, are oriented towards the French usage. At the same time, in his later work, the gallicization of the terminological system intensifies – at both the morphological and phonetic levels. In this way, Mordvinov tries to standardize the terms in this area.

Keywords: marine terminology, ship evolutions, Russian language of the XVIII century, historical lexicology, gallicisms

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420>).

For citation: Molkov, G. A. Marine terms in unpublished mid-eighteenth-century works of Admiral Semyon Mordvinov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):101–107. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.946

REFERENCES

1. Birzhakova, E. E., Voinova, L. A., Kutina, L. L. Essays on the historical lexicology of the Russian language in the XVIII century: Language contacts and borrowings. Leningrad, 1972. 431 p. (In Russ.)
2. Voznesenskaya, I. A. The manuscript of the Book on the Navy Establishment from the Library of the Russian Academy of Sciences. *Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the XXXIII international research conference. Moscow, 2020*. Moscow, 2020. P. 97–100. (In Russ.)
3. Korkina, T. D. Lexical discrepancies in the editions of the Russian translation of the commercial treatise by John Law “Money and Trade”. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2022;18(2):178–207. (In Russ.)
4. Kutina, L. L. Formation of the language of Russian science (terminology of mathematics, astronomy, geography in the first third of the XVIII century). Leningrad, 1964. 220 p. (In Russ.)
5. Lebedeva, I. N. (Comp.) Library of Peter the Great. Description of handwritten books. St. Petersburg, 2003. 431 p. (In Russ.)
6. Molkov, G. A. Terminology of A. P. Gannibal's *Geometry Practice* and *Fortification*, 1725–1726. *Terminology and knowledge. Proceedings of the VI international symposium (Moscow, June 8–10, 2018)*. Moscow, 2018. P. 179–188. (In Russ.)
7. Molkov, G. A. Borrowings in the treatises of A. P. Gannibal on geometry and fortification (1725–1726): Towards a history of indeclinable adjectives in Russian. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Issue 23. Grammatical processes and systems in diachrony. In memory of Andrei Anatolyevich Zaliznyak*. Moscow, 2020. P. 198–208. (In Russ.)
8. Sokolov, A. I., Malysheva, I. A. “The Turkish Monarchy” in P. A. Tolstoy’s translation as a source for studying early eighteenth-century Russian. *MSU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2019;4(36):34–43. (In Russ.)
9. Shchekin, A. S. The sea term “spring” in the Russian language of the XVIII century. *Categories of language and thinking: aspects of modern interpretation: Collected papers*. (Patroeva N. V., Ed.). Petrozavodsk, 2023. P. 67–69. (In Russ.)

Received: 29 June 2023; accepted: 3 August 2023

ЗОЯ ЮРЬЕВНА ПЕТРОВА

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5390-8029; zoyar@mail.ru

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-0916-1161; nafata@rambler.ru

ОБРАЗНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА *ЯЗЫК* В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: КОНСТРУКЦИИ ПЕРСониФИКАЦИИ

А н н о т а ц и я . Предпринята попытка исследовать метафорические употребления слова *язык* в поэтических контекстах, в которых наблюдается персонификация, определить круг слов – предметов сравнения, сочетающихся с этой метафорой, выявить сравнительные частотные характеристики этих слов, проследить хронологию их появления в русском поэтическом языке, проанализировать обновление поэтами традиционной метафоры *язык* с помощью других слов, связанных с ней тесными семантическими связями (*наречие, диалект, жаргон*, названия разных конкретных языков и др.). Материал исследования представляет собой сплошную выборку контекстов со значением олицетворения со словом *язык* и словами, связанными с ним отношениями синонимии и гиперо-гипонимии, из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. При анализе языкового материала использовались корпусный, структурно-функциональный и метод семантического поля. В результате исследования были выделены семантические классы предметов сравнения, характеризуемые рассматриваемым персонификатором, – «Внутренний мир человека», «Природа: растения, водные объекты, ветер, животный мир и т. д.», «Предметы, созданные человеком», определены временные рамки и сравнительная частота их употребления. Сделаны выводы о варьировании традиционной метафоры *язык* как на лексико-семантическом, так и на формальном уровне. Результаты исследования представляют один из фрагментов метафорической системы русского поэтического языка XIX–XXI веков в ее развитии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : метафора, персонификация, язык, наречие, диалект, русская поэзия, эволюция

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Образный потенциал слова *язык* в русской поэзии: конструкции персонификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 108–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.947

ВВЕДЕНИЕ

Работа представляет собой часть исследовательского проекта, посвященного конструкциям персонификации в русской поэзии XIX–XXI веков, в которых персонификаторами выступают слова со значением говорения. Краткая характеристика элементов образного поля «Речь» дана в работе [3], большинство рассмотренных в ней слов – глаголы, характеризующие говорение как процесс, отмечаются также имена существительные, обозначающие речь и ее формы, имена прилагательные, приписывающие субъекту речи речевую характеристику, и элементы некоторых других семантически смежных клас-

сов слов, в том числе «поэтическое творчество». В упомянутой работе специально не анализируется важнейший феномен, определяющий человеческое речевое общение, а именно язык. Ему и посвящена настоящая статья.

По определению коллектива авторов-составителей «Русского семантического словаря», язык – «исторически сложившаяся система звуковых, словесных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе»¹.

Лексеме *язык* в художественных произведениях А. С. Пушкина посвящена статья В. З. Де-

мянкова [1]. В этой работе дана общая классификация значений слова *язык*, но при этом язык в ней в основном рассматривается с точки зрения человеческого субъекта, то есть в неметафорическом плане, хотя по отношению к человеку анализируются и метафорические словосочетания *язык любви, страстей, истинной страсти, мучительных страстей, страстей чужих*. Частично в метафорическом смысле слово *язык* рассматривается в другой статье В. З. Демьянкова «Семантические роли и образы языка» [2], однако в ней специально не подвергаются анализу контексты персонификации.

Задачи нашей работы – проанализировать в поэтических контекстах переносные употребления слова *язык*, в прямом значении описывающего лиц, для характеристики природных феноменов, предметов и внутреннего мира человека, очертить круг реалий, к которым применяется эта персонифицирующая метафора, с указанием сравнительной частоты их употребления, проследить появление в русской поэзии в качестве опорных слов-образов в конструкциях персонификации названий разных языков и диалектов.

Исследование проводится на материале сплошной выборки контекстов со значением олицетворения с указанными словами из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка². Полученная выборка включает более 200 контекстов из стихотворных произведений с начала XIX века (несколько контекстов взяты из произведений конца XVIII века) до начала XXI века. Такое исследование проводится впервые.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Самые ранние контексты не прямых употреблений слова *язык* в поэзии наделяют языком сущности внутреннего мира человека – сердце, душу, различные чувства. Любящие сердца говорят друг с другом на понятном только им языке:

«Хотя при людях нам нельзя еще словами Люблю друг другу говорить; Но страстными сердцами Мы будем всякий миг люблю, люблю твердить (Другим *язык* сей непонятен; Но голос сердца сердцу внятен)» (Н. Карамзин 1796),

языком сердца владеют поэты:

«Вот тот летит, что строя лиру, *Языком* сердца говорил, И, проповедуя мир миру, Себя всех счастьем веселил» (Г. Державин 1804), «Здесь сердце говорит, но истина нема; Поэты делают *язык* его нам внятным – И сердцу одному он должен быть приятным» (Н. Карамзин 1798),

духовная близость позволяет понять язык сердца другого: «Он читает В младых сердцах. Он их проник; Один душой он понимает Неуловимый их *язык*» (А. Майков 1856).

Сходным образом употребляются словосочетания *язык души, язык души*:

«Что вижу?.. очи их, как огонь во тьме, сверкают; Они в безмолвии друг на друга взирают... А! се *язык* их душ, предвестник тех часов, Когда должна потечь тиранов наших кровь!» (Н. Гнедич 1805), «*Язык* души красноречивый, Восторга пламенный полет, Стихов и мыслей переливы И силу их, – она поймет» (Н. Языков 1829).

Эти употребления слова *язык* характерны в основном для поэзии конца XVIII – первой половины XIX века, в более поздний период они за редким исключением почти не встречаются, ср. «Из одной мы с ним пили чаши. / И когда наши губы встречались – / узнавали друг друга сердца наши / и одним *языком* перекликались» (М. Шкапская 1913–1917).

Та же тенденция к снижению частоты употребления со второй половины XIX века характеризует и сочетания слова *язык* с обозначениями различных эмоциональных состояний: *чувства, предчувствия, любовь, страсти, счастье* и др. Большая часть соответствующих контекстов относится к первой половине XIX века:

«*Язык* предчувствия небесный С душой не тщетно говорит. Душа невидимое зрит!» (В. Жуковский 1819), «Мой друг! слова твои напрасны, Не лгут мне чувства – их язык Я понимать давно привык» (Д. Веневитинов 1827), «Страстей безумных и мятежных Как упоителен *язык!*» (А. Пушкин 1828), «Когда б он знал... в душе его убитой Любви бы вновь *язык* заговорил, И юности восторг полузабытый Его бы вновь согрел и оживил!» (Е. Ростопчина 1830).

Кроме сердца, души и чувств, языком наделяется в поэзии и разум, но гораздо реже: «На холодный свой *язык* мне разум переводит, Что втайне чувство создает; Оно растет, оно восходит, А он твердит: оно пройдет!» (В. Бенедиктов 1837).

В тот же период, в первой половине XIX века, *язык* сочетается со словами *очи* и *взоры*:

«А ты, сокрытая любовь души моей, Одна моим мечтам присущная подруга, Ты, разгадавшая немой *язык* очей Досель таившегося друга!» (С. Нечаев 1824), «Блестя, вивая на звуке плясовом, Ты на меня порой метала взоры, И там еще, любовным *языком*, Они вели с моими разговоры...» (Е. Розен 1831),

несколько позже – со словом *глаза*: «Молчит под ревнивою мглою *Язык* всечарующих глаз» (Н. Щербина 1852).

Все подобные сочетания слова *язык* уходят из употребления со второй половины XIX века, чего нельзя сказать о контекстах, в которых язык приписывается природным феноменам и созданным человеком предметам. Эти классы персонифицирующих метафор проходят через весь период существования поэтического языка, пополняясь в XX веке новыми элементами

ми – обозначениями разных языков, жаргонов и диалектов.

В первую очередь надо отметить метафору *язык*, характеризующую родовое обозначение *природа*. Наиболее ярко она представлена в поэтической декларации Ф. Тютчева, отражающей натурфилософские идеи: «Не то, что мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик – В ней есть душа, в ней есть свобода, В ней есть любовь, в ней есть *язык*...» (1836). Подобное увлечение шеллингианскими идеями испытали и другие русские романтики, в частности С. Шевырев и Е. Баратынский. Контексты, в которых язык относится к природе, многочисленны, встречаются на протяжении всего периода развития русской поэзии:

«Пусть гений твой природу вопрошает; И если ты достойный неопит, Она к тебе заговорит Своим простым, но черни непонятым, Красноречившим для сердца *языком*» (Н. Гнедич 1824), «И для меня *язык* природы Обилен и красноречив!» (А. Подолинский 1827), «Когда безмолвствуешь, природа, И дремлет шумный твой *язык*, Тогда душе моей свобода, Я слышу в ней призывный клик» (С. Шевырев 1830), «Покуда природу любил он [человек], она Любовью ему отвечала: О нем дружелюбной заботы полна, *Язык* для него обрета» (Е. Баратынский 1839–1841), «Пойми живой *язык* природы – И скажешь ты: прекрасен мир!» (И. Никитин 1853), «Поэт с природою не дружен, Он к подчиненью не привык, Ему невнятен и ненужен Природы мертвенный *язык*» (А. Тиняков 1909), «На том малопонятном *языке*, Которым изъясняется природа, Ты, словно незаконченная ода, В суровом высечен известняке» (Б. Лившиц 1936), «Ожившее дитя палеолита, Смятенное среди иного быта, Поскольку вспомнило то, что забыто – *Язык* природы и небесных сфер» (Д. Самойлов 1984–1986).

И. Бродский варьирует метафору *язык* (природы) синонимом слова *язык* – *наречие*, уподобляя шум дождя шепоту природы на местном наречии:

«И постоянно накрапывает, точно природа мозгу / хочет что-то сообщить; но, чтоб не портить крови, / шепчет на местном *наречьи*. А ежели это – Морзе, / кто его расшифрует, если не шифер кровли?» (1994).

Среди отдельных природных реалий и явлений *язык* в поэтических контекстах больше всего свойствен растениям – деревьям, лесу, листьям, ветвям (при этом чаще всего реализуется звуковой аспект языка):

«Шуми, шуми, зеленый лес! <...> Я с детства понимать привык Твое молчание немое И твой таинственный *язык* Как что-то близкое, родное» (И. Никитин 1849), «И громко поверять привык Он Богу все грехи и думы; И листьев шелестели шумы, – Ответный, явственный *язык*» (Е. Кузьмина-Караваева 1916), «Отговорила роща золотая Березовым, веселым *языком*» (С. Есенин 1924), «Две осины в мелком дожде Будто плачутся навзрыд: Две старушки, им не спится, Зябнут у глухой водицы И лепечут *языком* Непонятым и тревожным – Но слышать невозможно: Что хотят?» (И. Юрков 1926),

«Ели говорят На *языке*, понятном только снегу» (В. Луговской 1943–1956), «Для меня комаровские сосны На своих *языках* говорят» (А. Ахматова 1964), «Вот было что со мной, что было не со мною: / черемуха всю ночь в горячке и бреду. / Сказала я стихам, что я от них сокрою / больной ее *язык*, пророчащий беду» (Б. Ахмадулина 1983).

Языком могут обладать также цветы, травы (здесь уже язык не имеет звукового воплощения):

«Дремлют цветы в ветерке благодатном, Сны свои мне говорят и мечтанья На *языке* ароматов понятном – Речью одною из тысяч речей мирозданья» (Н. Щербина 1852), «Любит – нет – не любит – любит. – И, оборванный кругом, “Да” сказал цветок ей темным, Сердцу внятным *языком*» (Я. Полонский 1856), «Пускай цветок последним лепестком Мне “нет” твердит на *языке* немом» (М. Кузмин 1903), «Белый мой цветок, таинственно-прекрасный, Из моей земли, из черной ты возник, На меня глядишь ты, нежный и безгласный, И понятен мне безмолвный твой *язык*» (Ф. Сологуб 1905), «Очаровательно-приветлив, Зачем ты прислан мне, цветок? <...> Твой аромат – *язык* немой?» (Б. Лившиц 1934), «Оставайся польною и злаком, В мире фауны каждый неправ, И пиши с отрицательным знаком *Языком* вымирающих трав» (А. Цветков 1978)

и даже грибы: «И шепчутся в ночных туманах / грибы на разных *языках*» (Н. Байтов 1993). Из других природных феноменов языком обладают вода, ветер, гроза, в соответствующих поэтических контекстах реализуется звуковой аспект языка, часто присутствуют и слова, обозначающие речь и другие звуки, также обладающие семантикой персонификации: *сказать*, *заговорить*, *сговориться*, *вторить*, *твердить*, *сетовать*, *петь*, *вопить*, *выть*, *голос* и др., например:

– водные объекты – море:

«[море] Вал за валом ты торопишь, Стон за стоном издаешь, Но о чем и что ты вопишь, Уж никак не разберешь. <...> В этих воплях и заклетьях Есть таинственный *язык*» (П. Вяземский 1844), «Привет тебе, вечное море! Родным *языком* мне шумят твои воды» (М. Михайлов 1855–1862), «И только ветер здесь неукротим: Повсюду рыщет да чего-то ищет... Лишь море может сговориться с ним На *языке* глубоководной тьмищи» (М. Петровых 1931–1932), «Морская пена – суффиксы, предлоги Того утраченного *языка*, Что был распространен, когда века, Теснясь в своей космической берлоге, Еще готовились существовать» (С. Липкин 1978),

– река:

«Слышишь ли эти немолчные звуки серебряной влаги [реки]? Что она хочет сказать? не разгула ли просит и воли? Иль на своем *языке* непонятном и годы и веки Вторит свободно торжественный гимн вездесущему богу?» (И. Никитин 1854),

– волны:

«Шомполом твоей улыбки Вбит в меня тот миг: Флагов золотые рыбки, Волн густой *язык*» (Г. Оболдуев 1938),

– вода:

«И когда Он в воду ноги опустил, вода Заговорила с ним, не понимая, Что он не знает *языка* ее» (А. Тарковский 1954), «И оказался отчим домом Тысячезвездный небосвод И удивительно знакомым *Язык* листвы и здешних вод» (А. Штейнберг 1963–1967),

– ветер:

«Слышу стон твой, ветер бурный! <...> Пусть леса, холмы и доли Огласит твой шумный зык! Вняты мне твои глаголы, Мне понятен твой *язык*» (В. Кюхельбекер 1829), «О чем ты воешь, ветер ночной? О чем так сетуешь безумно? Что значит странный голос твой, То глухо жалобный, то шумно? Понятным сердцу *языком* Твердишь о непонятной муке – И роешь и взрываешь в нем Порой неистовые звуки!..» (Ф. Тютчев 1830), «Где черный ветер, как налетчик, Поет на *языке* блатном, Проходит путевой обходчик, Во всей степи один с огнем» (А. Тарковский 1958),

– гроза и гром:

«И *языками* неземными, Волнуя реки и леса, В ночи не совещалась с ними В беседе дружеской гроза!» (Ф. Тютчев 1836), «Откуда взявшейся грозы Предвестьем воздух переполнен – Ее изменчивый *язык* В снопах разоруженных молний» (Г. Петников 1916), «Небеса не бессловесны – Издавать способны крик, Но никак не сложит песни Громовой небес *язык*» (В. Шаламов 1937–1956).

Другие природные реалии, которые обладают языком, звуков не производят, в таких контекстах реализуется та часть семантики слова *язык*, которая имеет отношение к обмену мыслями (передаче информации, не имеющей звукового воплощения) и пониманию. Это такие реалии, как:

– свет и огонь:

«Я вновь теперь живу! и как отраден мне И сон полей в тиши безлюдной, И этих ярких звезд, горящих в вышине, *Язык* торжественный и чудный!» (И. Никитин 1855), «Забегают пред тройкой далече, И ведут со мной пошептом речи На глухом, да понятном и глгучем своем *языке*» (Л. Мей 1861), «А был рассвет! Я помню, вспоминаю *Язык* любви, цветов, ночных лучей» (А. Фет 1878), «Здесь свет с небес раздвоен и лукав. / С ним говорят на разных *языках* / в пустынных храмах восковые свечи» (С. Кекова 1995),

– камни:

«Чтобы некогда нашим потомкам рассказали немым *языком* Мусор вечности, камни живые, об отхлынувшем вале морском» (Амари 1920), «*Язык* булыжника мне голубя понятней, Здесь камни – голуби, дома – как голубятни» (О. Мандельштам 1923), «Метеорит, метеорит. Откуда он родом – не говорит. <...> На черный кусок я гляжу молчаливо. Неужто от взрыва, неужто от взрыва?.. Гляжу, и про многое метеорит / на темном своем *языке* говорит» (С. Щипачев 1965),

– земля:

«Но чем ты уловишь созвучья Лужаек, где травы и сучья, Все выгибы, все переливы Беззвучной земли молчаливой? *Язык* ее смутен, как пятна, Уста ее жаркие

немые; Лишь чуткому телу понятны И песни ее, и поэмы» (Д. Андреев 1950).

Отдельную большую группу контекстов составляют сочетания слова *язык* с обозначениями животных, в первую очередь птиц. Здесь надо отметить, что сочетание *язык животных* в современной биологической науке уже, строго говоря, не является метафорическим (см., например, [4]), язык в этом сочетании определяется как «совокупность средств общения между животными», куда входит несколько систем общения: язык телодвижений и поз, язык запахов, звуковой язык. В поэзии, в отличие от науки, конечно, дело обстоит иначе, поэты воспринимают язык птиц и других животных как часть языка природы, о котором говорилось выше. Если способность разговаривать – сочетания слов *говорить, говор, болтать, речь* и пр. с обозначениями птиц – фиксируется в русском поэтическом языке с самого начала анализируемого периода, то слово *язык* в таких сочетаниях появляется позже, лишь в начале XX века, и продолжает употребляться и в дальнейшем:

«Им ли поверить, что в синий Синий, Дымный день у озера, роняя перья, как белые капли, Лебедь не полебяжьки твердит о любви лебедине, А на чужом *языке* (стрекозы или цапли)» (В. Шершеневич 1918), «А соловей полночный тает На птичьем *языке* своем» (К. Вагинов 1926), «В руке сорока говорит / каким-то странным *языком*» (С. Петров 1933), «птицы говорили интересно / на своем забавном *языке*» (Б. Корнилов 1935), «Все соловьи поймут друг друга – / у них везде один *язык*» (Е. Евтушенко 1960), «Морская ночь!.. То цапли рош от сил / поют священных *языком* целебным» (В. Соснора 1983).

Реже, чем птицам, поэты приписывают язык насекомым:

«Кузнечик, маленький работник мироздания, Все трудится, поет, не требуя вниманья, – Один, на непонятном *языке*...» (Н. Заболоцкий 1937)

и зверям:

«все звери покидают норы / минорные заводят разговоры / и на своем животном *языке* / ругают Бога сидя на песке» (А. Введенский 1929).

В подобных контекстах встречается и синоним слова *язык* – *наречье*:

«Я спросил у пса: Что знаешь? Он ответил: Гав-гав-гав! У кота спросил я тоже – Он ответил: Мяу-мяу! На своем *наречьи* тайном Отвечало мне зверье» (Е. Кропивницкий 1973).

Все контексты с семантическим инвариантом ‘язык животных’ характеризуются семантикой ‘звук’, в нашем материале встретился только один контекст, в котором реализуется смысл не ‘звукового языка’, а «языка телодвижений»:

«Я – пастух; мои хоромы – В мягкой зелени поля. Говорят со мной коровы На *кивливом языке*. Духовитые дубровы Кличут ветками к реке» (С. Есенин 1914).

Отсутствие семы ‘звук’ и актуализация семы ‘понимание, передача информации’ наблюдаются в контексте, в котором язык (*наречие*) приписывается такому абсолютно немому животному, как рыба:

«Слышишь, как, ломая лед, / ставший желтым, прелым, скучным, / щука, пасть раскрыв, поет / на *наречии беззвучном?*» (С. Петров 1933).

Языком в поэтических текстах могут обладать и предметы. Это, в первую очередь, предметы, издающие характерные звуки, например:

– часы:

«Часов однообразный бой, Томительная ночи повесть! *Язык* для всех равно чужой И внятны каждому, как совесть!» (Ф. Тютчев 1829), «Я не ропщу и не страдаю, Я к одиночеству привык: Часы, часы, я понимаю Ваш утомительный *язык*» (Д. Мережковский 1895), «И часы надо мною смеются На дотошном *наречье* своем» (А. Тарковский 1946),

– кастаньеты:

«Чтоб неведомый северу танец, Крик *Nanda* и *язык* кастаньет Понял только влюбленный испанец Или видевший бога поэт» (А. Блок 1912),

– работающие машины, механизмы:

«Каждодневно быть в заводе, быть в заводе – наслаждение... Понимать *язык* железный, слушать Тайны Откровенья» (И. Садофьев 1917),

– оружие и издаваемые им звуки:

«И старики заговорили Ружейных залпов *языком* И строи дымом очертили, Как заколдованным кольцом...» (А. Лозина-Лозинский 1912), «И, внемля выстрелов *язык*, Зажегшись волею стальною, В моих руках очнулся штык И повелел: “Иди за мною!” (Н. Минский 1920), «Мы мчались, мечтая Постичь поскорей Грамматику боя – *Язык* батарей» (М. Светлов 1926), «Но есть иной *язык* – *язык* железных птиц, *Наречье* танков, *говор* пулеметов, – Враг их поймет, явившись у границ, Чтоб посягнуть на мирный труд народов» (Н. Заболоцкий 1937).

Иногда предметы говорят не на своем собственном языке, а заимствуют язык у природных явлений:

«Орудия, как в Троицын день, все в зелени стоят И ждут приказа – заговорить на *молний языке* И *грома*» (Г. Петников 1942), «И поезд вдоль ночи вагонную осень ведет / и мерно шумит на *родном языке океана*» (И. Жданов 1978–1991).

Может актуализироваться смысл ‘письменная форма языка’:

«И башня, как огромный палец На титанической руке, Писала что-то в небе темном На *незнакомом языке!* Не башня двигалась, но – тучи... И небо, на оси вертясь, Принявши буквы, уносило Их неразгаданную связь...» (К. Случевский 1880).

Метафору *язык* варьируют тесно связанные с ней семантически слова, в разное время фиксируемые в поэтическом языке, но позже слова *язык*, уже в XX веке. Таким образом поэты обновляют традиционный образ. Во-первых, это синоним слова *язык* – *наречие* (*наречье*), отдельные примеры употребления которого уже приводились выше, ср. еще:

«Лукавый тополь, нас уча, Шумел на смешанном *наречьи*» (Н. Тихонов 1924), «Бежит река текучею дорогой, на водяном *наречьи* жлет» (С. Петров 1934), «Здесь птицы, как малые дети, Смотрели в глаза человечьи И пели мне песню о лете На птичьем блаженном *наречье*» (Н. Заболоцкий 1947), «Двуречьем, Окою и Волгой, бродила, искала, Леса говорили ей, небо сверкало Звездным *наречьем*» (Д. Андреев 1955), «Вблизи небытия отвечает черемухи *наречье*: – Ступай себе. Я не люблю тебя» (Б. Ахмадулина 1985).

Во-вторых, это названия разновидностей языка – диалект:

«А внизу – цветы, долины На цветочном *диалекте* С ним доверчиво шептались» (Н. Агнивцев 1915–1921), «листва, бесчисленная, как души / живших до нас на земле, лопочет / нечто на *диалекте* почек, / как языками, чей рванный почерк / – кляксы, клинопись лунных пятен – / ни тебе, ни стене невнятен» (И. Бродский 1981),

– местный язык:

«Арык на *местном языке*, Сегодня пущенный, лепечет» (А. Ахматова 1943),

– жаргон:

«Море шепчет соленым *жаргоном* Про прибрежную, южную лень» (В. Шершеневич 1925),

– блатной язык:

«Где черный ветер, как налетчик, Поет на *языке блатном*, Проходит путевой обходчик, Во всей степи один с огнем» (А. Тарковский 1958),

– мат (каламбурно-цитатное употребление):

«Буря небо кроет *матом*» (Ю. Мориц 2008).

Встречается и жаргонное слово *феня* (*по фене ботать*):

«А после с красною повязкой / кидаться будешь ты в ночи / туда, где с вкрадчивой повадкой / *по фене ботать ножи*» (Е. Евтушенко 1965).

Следующую группу слов, развивающих и обновляющих метафору *язык*, составляют названия конкретных языков – латынь, греческий:

«Он Цицерона на перине Читает, отходя ко сну: Так птицы на своей *латыни* Молились Богу в старину» (О. Мандельштам 1914–1915), «Зубровкой сумрак бы закапал, Укропу к супу б накрошил, Бокалы – грохотом вокабул, *Латынью* ливня оглушил» (Б. Пастернак 1931), «Мне в город надобно, – но втуне, / за краем книги золотым, / вникаю в листовенной латуни / непостижимую *латынь*» (Б. Ахмадулина 1996), «Щебечут птицы в облаках то на *латыни*, то на *греческом*, / и речь на разных языках в богатом городе купеческом / напоминает пти-

чий гам, и с легким шелестом уносится / все к тем же белым облакам людской молвы разногласица» (С. Кекова 1999) (ср. *эллинская речь*: Но отвернемся, читатель мой. Ветер и шепот сухой. В связках сушеный чеснок изъясняется *эллинской речью*) (В. Кривулин 1973)),

– французский (с оттенком латыни):

«И пушка ответит с кремлевской твердыни На чисто французском, с оттенком латыни; И пушка расскажет о многом таком, Чего не поведать иным языком» (М. Тарловский 1926),

– английский:

«Всё ты высчитал и взвесил, / но одна загвоздка – в том, / что по-прежнему невесел / хрип вороный под дождём. <...> Как там сказано в балладе? / Nevermore – и боль в виске. / Не кричите, бога ради, / на английском языке...» (Б. Кенжеев 1975),

– эсперанто:

«Полночные пространства голоса / на железнодорожном эсперанто» (Г. Семенов 1970–1979).

Поэту слышатся и определенные слова в речи птиц «на английском языке» – английские имена:

«Я опустил окно в автомобиле. Был зимний день. И я услышал вдруг Между ветвями: «Билли! Вилли! Билли!» – Попискивало несколько пичуг. Они о чем-то спорили по-птичьи, Но на своем английском языке» (И. Елагин 1939–1986),

– nevermore – в вышеприведенном примере Б. Кенжеева, включающем аллюзию на стихотворение Э. По «Ворон».

В конструкциях олицетворения часто встречаются наречия, образованные от названий языков – по-русски:

«По-русски горлинка урчит, По-русски дятел в ствол стучит, По-русски старый парк молчит, И пес по-русски лает» (С. Черный 1924), «Родная речь звучит в Крыму И пенье птиц по-русски будто, Он слышит (кажется ему) Раскат московского салюта» (М. Светлов 1944), «Но пусть вам чудится, что за прудом Команда ведется уже не по-русски, – Здесь, около вас, По-прежнему по-русски разговаривают хлеба, Умоляя о жатве, По-прежнему, как в русской деревенской кузне, Темно, и дымно, и красно в закатном небе» (С. Липкин 1961–1963), «Ворон-монгол произносит гортанно глаголы, / зная по-русски одно только слово: зима» (С. Кекова 1980–1999), «лазуритовый ветер кричит по-русски / и песок взмывает с живого дна» (Б. Кенжеев 1999),

по-французски:

«Две веселых трясогозки, Непоседы, ненасытки, Объяснялись по-французски Одобряя вкус улитки» (А. Несмелов 1930),

по-немецки:

«Воробьи по-немецки кричат: “Цурюк!” – / и находками мелкими делятся» (С. Кирсанов 1934), «Блестит колышугой голавель стальной. Деревья что-то шепчут по-немецки» (И. Бродский 1964),

по-польски:

«Слышим, как волны, высоки и скользки, Шепчутся между собою по-польски!» (И. Елагин 1953–1963), «День пролетел. Пчела / шепчет по-польски “збродня”» (И. Бродский 1987).

Отметим, что в этот ряд названий «человеческих» языков включаются и обозначения языков с конкретизирующими определениями, прямо соотносящих язык с говорящим на нем, ср. в вышеприведенных примерах: *цветочный диалект* цветов, *березовый язык* рощи, *животный язык* зверей, *птичий язык* соловья, *птичье наречье* птиц, или же указывающих на особенности языка, соответствующие говорящей реалии: *неземные языки* грозы, *небесный язык* звезд: «Над вечности высотой, / рассыпанная по безднам, / звезда говорит со звездой / на языке небесном» (Н. Асеев 1958–1959), *серебристый язык* озер: «На серебристом языке Перекликались озера» (Н. Клюев 1929–1934), *солёный жаргон* моря, *зелёный язык* кузнечика:

«Кузнечик на лугу стрекочет В своей защитной плащ-палатке, Не то кует, не то пророчит, Не то свой луг разрезать хочет На трехвершковые площадки, Не то он лугового бога На языке зеленом просит: – Дай мне пожить еще немного, Пока травы коса не косит!» (А. Тарковский 1935–1946),

старобульжный язык города: «Город разговаривал со мною / на старобульжном языке» (Г. Семенов (1979–1981).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в результате корпусного анализа употребления слова *язык* в конструкциях персонификации в поэтических контекстах выявлен круг реалий, в сочетании с которыми употребляется это слово, и одновременно эволюция этого круга. Если в начальный период развития русского поэтического языка наиболее частотными были сочетания слова *язык* с лексемами *душа*, *сердце*, обозначениями чувств, то в более поздний период такие сочетания практически исчезают. Природные же реалии и различные предметы в поэзии обладают языком на протяжении всего исследуемого периода. При этом кроме слова *язык* для обозначения его функций в XX веке фиксируется синоним *наречие* и обозначения различных языков и диалектов. Исследуемый семантический инвариант варьируется и формально, с помощью наречий, образованных от названий языков. В качестве особенности поэтического языка отмечены сочетания слова *язык* с конкретизирующими определениями, прямо соотносящими язык с «говорящей» на нем реалией или же указывающих на особенности языка, соответствующие этой реалии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Институт русского языка; Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003. С. 345.
- ² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения 12.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демьянков В. З. Лексема язык в художественных произведениях А. С. Пушкина // А. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. Hg. Gerhard Ressel. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2001. S. 109–131.
2. Демьянков В. З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 193–270.
3. Петрова З. Ю., Северская О. И. Говорящий мир в русской поэзии XVIII–XX вв. Предметы сравнения. Окружающий мир. Время // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 78–90.
4. Резникова Ж. И. Анализ современных методологических подходов к изучению языка животных // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2007. Т. 1, вып. 2. С. 3–22.

Поступила в редакцию 26.06.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Zoya Yu. Petrova, Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-5390-8029; zoyap@mail.ru
Natalia A. Fateeva, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-0916-1161; nafata@rambler.ru

FIGURATIVE POTENTIAL OF THE WORD *LANGUAGE* IN RUSSIAN POETRY: CONSTRUCTIONS OF PERSONIFICATION

Abstract. The main purpose of the work is to explore the metaphorical uses of the word *language* in poetic contexts in which personification is observed, determine the circle of words – objects of comparison combined with this metaphor, identify the comparative frequency characteristics of these words, trace the chronology of their appearance in the Russian poetic language, analyze the renewal of the traditional metaphor *language* by poets with the help of other words connected with it by close semantic ties (*vernacular, dialect, jargon*, names of different languages, etc.). The material for the study is a selection of contexts with the meaning of personification with the word *language* and words connected with it through synonymy and hypero-hyponymy relations from the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus. When analyzing the linguistic material, the corpus method, the semantic field method, and the structural-functional method were used. As a result, the study identified semantic classes of objects of comparison characterized by the considered personifier – “The inner world of a person”, “Nature: plants, water, wind, animals, etc.”, “Objects created by people”, as well as the time frames and comparative frequency of their use. Conclusions are drawn about the variation of the traditional metaphor *language* both at the lexico-semantic and the formal levels. The results of the study represent one of the fragments of the metaphorical system of the Russian poetic language of the XIX–XXI centuries in its development.

Key words: metaphor, personification, language, vernacular, dialect, Russian poetry, evolution

For citation: Petrova, Z. Yu., Fateeva, N. A. Figurative potential of the word *language* in Russian poetry: constructions of personification. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):108–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.947

REFERENCES

1. Dem'yan'kov, V. Z. Lexeme language in the works by A. S. Pushkin. *A. S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands*. Hg. Gerhard Ressel. Frankfurt am Main etc., 2001. S. 109–131. (In Russ.)
2. Dem'yan'kov, V. Z. Semantic roles and images of language. *Language about language*. (N. D. Arutyunova, Ed.). Moscow, 2000. P. 193–270. (In Russ.)
3. Petrova, Z. Yu., Severskaya, O. I. Speaking world in the Russian poetry of the 18–20th centuries. Objects of comparison. Outside world. Time. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*. 2018;1:78–90. (In Russ.)
4. Reznikova, Zh. I. Analytical review of temporal methodological approach to the study of animal language behaviour. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Psychology*. 2007;1(2):3–22. (In Russ.)

Received: 26 June 2023; accepted: 3 August 2023

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

СТРУКТУРА, СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ И РИТОРИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СКАЗКАХ И. И. ДМИТРИЕВА

А н н о т а ц и я . Актуальность исследования связана с недостаточным описанием языковых и стилистических особенностей сказок И. И. Дмитриева. Целью работы является комплексный анализ вопросительных и восклицательных предложений в них. Впервые на материале указанных текстов рассматриваются эти виды синтаксических конструкций, а также определяется их участие в создании риторических фигур, описываются функции с учетом жанрового своеобразие. Материалом для анализа послужили семь сказок. Методы исследования: обзорно-аналитический, классификационный, стилистический. Вопросительные и восклицательные предложения присутствуют во всех текстах. Среди вопросительных предложений выделяются три группы: риторические вопросы, гипофоры, собственно вопросы. При характеристике эмоционально окрашенных конструкций учитывались позиция восклицательного знака и его комбинации с другими знаками, что позволило выделить три группы предложений. Отдельные конструкции в составе разных групп представляют собой риторические восклицания. Вопросительные и восклицательные предложения зачастую становятся структурно-композиционными сигналами, отмечающими ключевые места сюжета, или маркируют речь персонажей. Результаты анализа свидетельствуют о том, что востребованность небольших по объему фразеологизированных, полных и неполных простых предложений обусловлена ориентацией жанра на живую разговорную речь. Комбинация в рамках одного предложения знаков препинания (вопросительный – восклицательный, восклицательный – точка, многоточие – восклицательный) служит графическим сигналом эмоционально насыщенной, естественной разговорной интонации. В свою очередь, характерные для поэтического языка риторические вопросы, риторические восклицания и обращения создают дополнительную экспрессию. Результаты исследования могут быть полезны в дальнейшем изучении литературного языка XVIII–XIX веков.

К л ю ч е в ы е с л о в а : И. И. Дмитриев, сказка, поэтический синтаксис, вопросительные предложения, восклицательные предложения, риторические фигуры

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Рожкова А. В. Структура, сюжетно-композиционные и риторические функции вопросительных и восклицательных предложений в сказках И. И. Дмитриева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 6. С. 115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.948

ВВЕДЕНИЕ

Творчество И. И. Дмитриева, одного из представителей русского сентиментализма, включает в себя произведения разных жанров: им созданы лирические и сатирические стихотворения, оды, басни, песни и т. д. Сказки – еще один жанр, в котором работал поэт. В XVIII–XIX веках сложилось понимание сказки как «стихотворного повествовательного произведения, как новеллы в стихах, где рассказывается об обыкновенных,

повседневных событиях из жизни обыкновенных, рядовых людей <...>» [11: 13]. Сказки И. И. Дмитриева являются переводами басен Флориана, Лафонтена или написаны по мотивам сказок французских поэтов [3]. Книга И. И. Дмитриева «Басни и сказки» была выпущена в 1796 году. В прижизненных изданиях И. И. Дмитриева некоторые сказки помещались в раздел «басни» [8: 14]. В последующих изданиях составители переносили тексты в разные разделы, что сви-

детельствует о неоднозначном подходе к этому стихотворному жанру [11: 5–6].

Актуальность обращения к сказкам И. И. Дмитриева обусловлена отсутствием их системного лингвостилистического описания. Отдельные наблюдения над языком и стилем сказок поэта сводятся к очень лаконичным характеристикам, касающимся легкости «слога»¹, установки «на имитацию устного рассказа» [8: 14], изящества «“легкой” дворянской поэзии» [11: 29]. Анализируя эволюцию стиля разножанровых произведений поэта, В. В. Виноградов отмечает лексико-фразеологические и морфологические изменения, которые представлены в разных редакциях сказок. Правка отдельных текстов отражает характерную для творчества И. И. Дмитриева тенденцию к выравниванию среднего слога, «к освобождению его от “низких” фамильярно-развязных выражений, а также от “славянизмов” и официально-деловых шаблонов» [2: 106]. Отмеченные ученым синтаксические изменения связаны со «стремлением придать речи непринужденную экспрессию разговора и освободиться от тяжелых и неблагозвучных конструкций» [2: 106].

Цель настоящей статьи – описание структуры и функций вопросительных и восклицательных предложений с учетом жанрового своеобразия текстов. Работа является продолжением наблюдений, проведенных автором ранее над текстами других жанров [9], [10]. Материалом для исследования послужили семь сказок: «Воспитание Льва» (1802), «Искатели Фортуны» (1794), «Калиф» (1805), «Картина» (1790), «Воздушные башни» (1794), «Модная жена» (1791), «Причудница» (1794). Все тексты опубликованы в разделе «Сказки» в издании «Полное собрание стихотворений»².

ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Структура, семантика вопросительных предложений, своеобразие их функционирования исследовались учеными при рассмотрении языка и стиля разножанровых поэтических произведений, что доказывает важность таких конструкций в структуре стихотворного текста [5], [12], [13].

В исследуемом материале вопросительные предложения (74 единицы) входят в синтаксический строй всех текстов. Максимальное число таких предложений – 24 («Причудница»), минимальное – 3 («Воздушные башни»).

Предложения представлены разнообразными структурными типами: простые двусоставные и односоставные, осложненные, сложные (в том

числе и многокомпонентные), фразеологизированные. Форму вопросительных предложений иногда получают вставные конструкции: «<...> *А сад – поверите ль? – не только описать / Иль в сказке рассказать, / но даже и во сне его нам не видать*».

Значительная часть вопросительных предложений представляет собой риторический вопрос, включенный как в речь героев, так и в рассуждения автора: «*Кто на своем веку Фортуны не искал?*», «*Простите в том меня: я молод, ветер был, / Так диво ли, что вас забыл?*», «*Где лучше, как в своей родимой жить семье?*». Выразительные возможности риторических вопросов усиливаются благодаря естественной для поэтического языка инверсии, что зачастую приводит к выдвиганию значимого слова в начало вопроса: «*Терпим ли, – он своим рассчитывал умом, – вид бедности перед дворцом?*», «<...> / *Давно ль такой-то в нас искал?*».

Другим видом вопросительных предложений является гипофора – «фигура, состоящая в том, что говорящий задает себе вопрос, для того чтобы самому же ответить на него»³: «<...> *Чего ж нам здесь ждать? – Со временем сумы*».

Речевое взаимодействие героев сказок позволяет выделить разновидность вопросов, которые невозможно соотнести ни с риторическими, ни с гипофорами. Собственно вопросы являются элементами диалогов, которые связаны с героями, сюжетом и событиями: «*“Да что, мой свет, такое?” / – “Нет, папенька, так, так, пустое...”*». Структура, объем и содержание таких конструкций указывают на их разговорный характер, ср. неполные конструкции в репликах героев в сказке «Искатели Фортуны»: «*“Фортуна здесь?” – его был первый всем вопрос. / “В Японии”, – сказали. / “В Японии? – вскричал герой, повесь нос. – / Быть так! плыву туда”*». Отрывистость, спонтанность живой речи проявляется в ряду нескольких неполных предложений в сказке «Картина»: «*Где, где он? Там? А! Здесь?*»

Грамматической особенностью значительной группы вопросительных предложений (около 30 % от общего числа) является наличие частицы *ли* (*ль*), что подтверждает наблюдения исследователей о частотности этой лексемы в поэзии И. И. Дмитриева [1: 123]. В «Словаре русского языка XIII века» отмечено функционирование этой частицы в риторических восклицаниях и вопросах⁴. Отметим, что в исследуемом материале эта частица обнаружена в составе разных типов вопросов. Функция частицы заключается в выделении информативно значимого слова, после

которого она располагает: *«Тебе ли государь, отказ такой снести?»*, *«И знаешь ли, что мне / Привиделось во сне?»*, *«Но славен добрый царь коварством ли и кровью?»*

ТИПЫ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Из семи текстов выявлено 161 предложение с восклицательными знаками. Максимальное число таких предложений – 55 («Причудница»), минимальное – 3 («Калиф»).

Восклицательное предложение, являясь «специализированным грамматическим средством категории эмоционального» [6: 47], наряду с другими языковыми единицами востребовано в художественном тексте [7]. Графическим маркером эмоционально окрашенного предложения выступает восклицательный знак, являющийся и значимым стилистическим сигналом [14]. Учитывая наличие восклицательного знака, его расположение, а также структуру предложения, выделим несколько групп конструкций.

В первую, самую распространенную группу входят предложения, в которых есть только один восклицательный знак и он находится в конце предложения (68,32 %): *«Князь Ветров шарк ногою!»*, *«Да!» – <подхватил Калиф>*, *«Что за диковинка!»* Характеристика таких простых, нечленимых, фразеологизированных предложений как эмоционально окрашенных не вызывает сомнения.

Неоднозначными с точки зрения эмоциональной окраски видятся сложные по структуре предложения, особенно если их объем является значительным по числу слов и отдельных простых частей. В большом количестве примеров простые предложения в составе сложного отличаются друг от друга эмоциональной окраской и зачастую восклицательный знак соотносится только с последней частью. Например, подобную организацию наблюдаем в одном из самых больших по объему предложений из сказки «Калиф»:

«Ответ угоден мне; / И я тебе повелеваю: / Впредь помня навсегда, что в правде нет вины, / Исправить хижину на счет моей казны; / Я с нею только жить в потомках уповаю; / Да скажет им дворец: такой-то пышно жил; / А эта хижина... он правосуден был!»

Эмоциональность и некоторая торжественность последнего предложения подчеркивается лаконичной структурой, инверсированным порядком связки и именной части, выраженной кратким прилагательным-компонентом. Предшествующее многоточие сигнализирует, с одной стороны, о пропуске глагола-сказуемого в предыдущем предложении, с другой – служит выраже-

нием риторической функции умолчания, передает паузу, создающую напряжение перед значимой для содержания и идеи сказки финальной конструкцией.

В следующем предложении восклицательная интонация характерна для последней части: *«Чрез два, четыре дни / Картина, думаю, уж может быть готова; / О благодарности ж моей теперь ни слова: / Докажет опыт вам – прощайте!»*

Небольшие по объему сложные предложения полностью охвачены влиянием конечного знака, и эмоциональная окраска сопровождает все части: *«Вот только что схватить... хоть как, так увернется, / И в тысяче уже верстах!»*, *«Стой, стой / Да слушай об одной Фортуне, / А сам все ничего!»*

Использование сложных структур, с несколькими простыми частями, в которых восклицательный знак соотносится только с последней частью, характерно также для одических произведений поэта (см. об этом [9]).

Особенностью второй группы предложений является наличие в них нескольких пунктуационных знаков, традиционное место которых – конец предложения (23,61 %). Речь идет о сочетании завершающего восклицательного знака и разбивающих предложение на несколько частей восклицательного или вопросительного знаков. При их внутреннем использовании каждая следующая часть в составе одного предложения начинается со строчной буквы, что было характерно для текстов той эпохи:

«Победил! благодарю судьбину!», *«Какой мороз! моя ужасно терпит грудь: / Прощайте!»*, *«Да! не забыть притом и страстных голубочков – / Вот слабый вам эскиз!»*, *«Ах! счастлив, счастлив тот, кто лишь по слуху знал / И двор, и океан, и о слепой богине! / <...>»*.

Пример с вопросительным знаком: *«Я слышал, в городе вас все зовут Апеллом: / Не можете ли вы мне кистью своей / Картину написать? да только поскорей!»* В следующем предложении несколько знаков выделяют вставную конструкцию и неполное предложение, что в целом передает взволнованную интонацию героя: *«Надежда, счастье и будуща судьбина / Иль лучше, вся моя казна / Здесь в коробе погребена – / Вот вздор какой мелю! – погребена?.. пустое!»*

Есть случаи использования многоточия в середине предложения, что служит для выражения умолчания, недосказанности, ожидания или размышления: *«Согласен я, она нежна, остра, прекрасна, / Но для женатого... уж слишком любопытна!»*, *«Отечеству отца даю, / А сам... теряю сына!»* (см. также примеры выше).

Внутренний восклицательный знак используется также для выделения риторического обращения. В связи с этой риторической фигурой особо остановимся на одном примере из сказки «Воспитание Льва»: *«Мохнатые певцы все взапуски кричат: / Скачи, земля! взыграйте, воды!»* Обращение к элементам неживой природы свойственно поэтическим текстам [4: 97]. Похожие риторические обращения встречались в одах предшественников И. И. Дмитриева, например у А. П. Сумарокова: *«Восстаньте, разных стран народы / Бунтуйте, воздух, огонь и воды!»* (1755), М. В. Ломоносова *«Пермесски воды, ликовствуйте, / Шумя, крутитесь в зланный дол»* (1762), В. И. Майкова: *«Внемлите, смертных воды, / Внемли, земля, внемлите, воды, / Внемли, огонь, воздух и эфир <...>»* (1774). В сказке И. И. Дмитриева торжественная интонация риторического обращения несколько нивелируется из-за контекста: к ликованию в честь рождения Льва-сына призывают («кричат») животные или птицы, перифрастически номинированные как «мохнатые певцы».

Третья группа включает предложения с точкой, многоточием, вопросительным знаком в конце и восклицательным знаком в середине, который выделяет одну часть (8,07 %). Отделенная восклицательным знаком первая часть может являться небольшим по объему (в среднем два слова) простым предложением разной структуры (двусоставным, односоставным, нечленимым, фразеологизированным):

«Фортуна – женищина! умерьте вашу ласку; / Не бегайте за ней, сама смягчится к вам.», *«Быть так! плыву туда»*, *«Нет, нет! такая жизнь несноснее всего»*, *«Одне? тем лучше! где же он?»*.

В описанных случаях предложения с внутренним восклицательным знаком характерны, как правило, для сложных конструкций. Посредством восклицательного знака выделяется именительный темы, междометие:

«Умеренность! с тобой раздолье и в пустыне.», *«Бедняжки! жаль мне их: уж, кажется, в руках...»*, *«Потом и одр любви, и миртовы кусточки; / Потом и нежные слетели голубочки; / Потом и смехи все велел закрасить он, / А наконец, увы! вспорхнул и Купидон»*.

В следующем примере два внутренних восклицательных знака выделяют междометие и прямую речь героя. Эта цитата буквально встроена в структуру предложения: *«О! я уже тебя не трюшу; / А ты передо мной дрожишь, / Бледнеешь, падаешь, прах ног моих целуешь, / “Помилуй, позабудь прошедшее!” – жужжишь...»*

Отдельные предложения из разных групп представляют собой риторические восклица-

ния. К признакам, определяющим конструкции как риторические восклицания, А. П. Сковородников относит эмоциональность, соответствующую интонацию, местоименные слова в собственном значении, междометия, обращения, частицы, лексические и синтаксические повторы, особые зачины, начальное место в структуре предложения⁵. Исходя из этого перечня, приведем риторические восклицания из сказок:

«Вот таинство, вот ключ к высокой и святой / Науке доброго правленья!», *«Ах, сколько бедствий, сколько зла!»*, *«Божественный талант! изящное искусство! / Какой огонь! какое чувство!»*, *«Как сказки я ее любил!»*

В отдельных примерах наблюдается использование восклицательного знака внутри предложения.

ФУНКЦИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

В отдельных сказках вопросительные предложения занимают значимые места текста, то есть располагаются в конце или в самом начале, выполняя определенные функции [12: 58]. В сказке «Искатели Фортуны» текст открывается размышлениями автора об ищущих удачу людях:

«Кто на своем веку Фортуны не искал? / Что, если б силою волшебною какою / Всевидающим я стал / И вдруг открылись предо мною / Все те, которые и едут, и ползут, / И скачут, и плывут, / Из царства в царство рыцуют, / И дочери судьбы отменной красоты / Иль убегающей мечты / Без отдыха столь жадно ищут?»

Предпоследнее предложение в конце сказки – это вопрос-гипофора с последующим ответом: *«<...> Летит ко другу, – что ж? как друга обретаем? / Он спит, а у него Фортуна в головах!»* Аналогичная организация встречается в конце двух других сказок («Модная жена», «Причудница»).

Своеобразную роль в сюжетно-композиционном строе и характеристике образа героя выполняют вопросительные предложения в сказке «Картина». Эти предложения принадлежат только одному герою – князю Ветрову, заказавшему накануне своей женитьбы картину. Три конструкции маркируют части сюжета: заказ картины (*«Не можете ли вы мне кистию своей / Картину написать?»*), первый показ (*«Не можно ли ее поправить как-нибудь?»*), второй показ (*«Возможно ль?.. Это я?»*). В структуре, длине и содержании предложений (также как и в объеме монологов и их тональности) отражается разочарование героя произведениями художника и, вероятнее всего, супружеской жизнью.

Функцию вопросительного предложения в сказке «Искатели Фортуны» можно рассматривать как связку между эпизодами, сигнал поворота в повествовании, а также прием, который держит в напряжении читателя, его интерес: «*<Сказал, прыгнул в корабль, и волны забелели.> / Но что же? <Не прошло недели, / Как странствователь наш отправился в Сурат...>*».

Вопросительное предложение как ответ на вопрос содержится в диалоге между персонажами сказки «Воспитание Льва»: «*“Наставник, – он сказал, – подобные дела / Доходят ли когда до сведенья царева?” – “Как могут доходить? – Собака отвечает”*». Ответная реплика, содержащая скрытое утверждение, поддержанное дальнейшим рассуждением, является риторическим вопросом. В сказке «Искатели Фортуны» используется такой же прием (вопрос как ответ на вопрос), только диалог выстроен между автором-рассказчиком и его собеседниками.

Восклицательные предложения как маркированные единицы также занимают в рассматриваемых текстах сильные финальную и инициальную позиции. Из семи сказок три («Воспитание Льва», «Искатели Фортуны», «Калиф») завершаются восклицательными предложениями, две сказки («Картина», «Воздушные башни») – предложениями с точкой на конце, но с внутренним восклицательным знаком, выделяющим отдельные компоненты. В двух сказках восклицательные конструкции начинают произведение («Воздушные башни», «Модная жена»).

На примере одного текста («Воспитание Льва») проследим за ролью рассматриваемых конструкций в организации образного, сюжетного и идейного планов произведения. Восклицательные предложения и вопросы отмечают речевое пространство не всех героев. Например, речевая структура монологов и высказываний персонажей (Тигра и Медведя), лишённая таких предложений, воспринимается эмоционально нейтральной и модально одноплановой:

«Встал Тигр и говорит: / “Война, война царей великими творит; / Твой сын, о государь, быть должен страхом света; / И так образовать его младые лета / Лишь тот способен из зверей, / Который всех, по Льве, ужасней и страшней”».

Более того, автор отказывает отдельным героям в прямой речи, сжато пересказывая их суждения, тем самым подчеркивая второстепенный характер этих образов и их роль в развитии сюжета. Концентрация вопросительных и восклицательных конструкций характерна для речи Льва-отца, Собаки и Льва-сына, что выделяет этих персонажей с их способностью размыш-

лять, реагировать (восторгаться, негодовать, сомневаться) на разные события. Ключевым является монолог Собаки, риторический характер которого обусловлен темой выступления (выбор наставника для Льва-принца) и поддерживается риторическими вопросами и вопросами-гипофорами: «*Но славен добрый царь коварством ли и кровью? / Как подданных своих составит счастье он? / Как будет их отцом? чем утвердит свой трон? / Любовью*». Концентрация вопросов, наличие однословной ответной реплики, являющейся по структуре неполным предложением, выступают в качестве риторического приема в речи героя, убеждающего в необходимости поиска достойного воспитателя.

Маркирована синтаксическая организация монолога Льва-сына:

«И вопит: “Победил! благодарю судьбину! / Но я ль то был иль нет?.. Поверишь ли, отец, / Что в этот миг, когда твой близок был конец, / Я вдруг почувствовал и жар и силу львицу; / Я точно... был как Лев!”».

Сочетание незначительных по объему и разных по структуре восклицательных предложений (неполное и односоставное в составе сложного, простое двусоставное), вопросительное предложение, а также выраженная многоточием пауза передают разговорные, наполненные волнением и восторгом интонации героя.

ВЫВОДЫ

Тематика, сюжеты сказок обуславливают функционирование разных вопросительных и восклицательных предложений. Их использование во многом обусловлено самим жанром стихотворной сказки, тяготевшим «к стихии устной, разговорной речи» [2: 100]. Разговорный характер подчеркивается использованием фразеологизированных, простых полных и неполных предложений, неперегруженная лаконичная структура которых способствует речевой непосредственности и легкости. Присущая разговорной речи эмоциональность поддерживается восклицательными конструкциями, при этом восклицательный знак как графический маркер в некоторых случаях находится внутри предложений, усиливая эмоциональность отдельной части. Особенности живой речи отвечают и предложения, в которых вопросительная часть включена в сложное эмоционально окрашенное предложение. Риторические приемы, которые реализуются в первую очередь посредством риторических вопросов, риторических восклицаний и обращений, призваны усилить выразительность речи и подчеркнуть идейно значимые части сказки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Купреянова Е. Н. Дмитриев и поэты карамзинской школы // История русской литературы: В 10 т. Т. V. Литература первой половины XIX в. Ч. 1. М., Л.: АН СССР, 1941. С. 134.
- ² Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 304 с. При цитировании границы строк обозначены косой наклонной чертой.
- ³ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. С. 275.
- ⁴ Словарь русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1984—... Вып. 11. С. 170–171.
- ⁵ Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 276.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Словарь поэтического языка И. И. Дмитриева: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 128 с.
2. Виноградов В. В. Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С. 24–147.
3. Добрицын А. А. О сюжетных истоках четырех сказок И. И. Дмитриева // LITERARY.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026210&archive=1206184915> (дата обращения 16.06.2023).
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
5. Кульсарина И. Г., Хисамова Г. Г. Роль вопросительных предложений в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 3040–3045.
6. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и в русской речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 5. С. 44–48.
7. Опарина Е. О. Эмоциональные языковые средства в художественном тексте // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 4. С. 190–199.
8. Песков А. М. Поэт и стихотворец Иван Иванович Дмитриев // Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 5–20.
9. Рожкова А. В. Вопросительные и восклицательные предложения в одах И. И. Дмитриева: структурно-типологический и риторический аспекты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 3. С. 40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750
10. Рожкова А. В. Типология односоставных и двусоставных вопросительных предложений и их роль в произведениях И. И. Дмитриева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 85–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.277
11. Соколов А. Н. Стихотворная сказка (новелла) в русской литературе // Стихотворная сказка (новелла) XVIII – начала XIX века. Л., 1969. С. 5–42.
12. Хазбулатова Т. А. Вопросительные предложения в поэтической речи (На материале лирических произведений О. Мандельштама) // Русский язык в школе. 2008. № 3. С. 57–59.
13. Хазбулатова Т. А. «И где, когда вне песен – негде?» (Лирические вопросы Бориса Пастернака) // Русская речь. 2011. № 4. С. 19–24.
14. Штулайтерова А. Восклицательный знак – стилистический и психологический сигнал в стиле художественной литературы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 218–224.

Поступила в редакцию 18.07.2023; принята к публикации 03.08.2023

Original article

Anfisa V. Rozhkova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhkova@mail.ru

STRUCTURE AND PLOT-BUILDING, COMPOSITIONAL AND RHETORICAL FUNCTIONS OF INTERROGATIVE AND EXCLAMATION SENTENCES IN IVAN DMITRIEV'S FAIRY TALES

Abstract. The relevance of the study is determined by an insufficient description of the linguistic and stylistic features of I. I. Dmitriev's fairy tales. The purpose of this work is a comprehensive analysis of interrogative and exclamation sentences in these fairy tales. The paper presents the first classifications of these types of syntactic constructions, determines their role in the creation of rhetorical figures, and describes their functions taking into account the genre characteristics. Seven fairy tales served as the material for analysis. The research methodology included the review, classification and stylistic methods. Interrogative and exclamation sentences are present in all texts. Interrogative

sentences can be classified into three groups: rhetorical questions, hypophores, and actual questions. When characterizing emotionally charged constructions, the position of the exclamation mark and its combinations with other punctuation marks were taken into account, which helped to distinguish three groups of sentences. Rhetorical exclamations form a separate category within each group. Interrogative and exclamatory sentences often become structural and compositional signals showing the key points of the plot or marking the speech of characters. The results of the analysis show that the demand for small phraseologized complete or incomplete simple sentences is determined by a particular genre's focus on lively conversational speech. The combination of punctuation marks within one sentence (question mark – exclamation mark, exclamation mark – period, ellipsis – exclamation mark) serves as a graphic signal of emotionally rich and natural conversational intonation. In turn, rhetorical questions, rhetorical exclamations and addresses characteristic of poetic language create additional expression. The results of the research may be useful for further study of the literary language of the XVIII–XIX centuries.

Keywords: I. I. Dmitriev, fairy tales, poetic syntax, interrogative sentences, exclamation sentences, rhetorical figures

Acknowledgements. The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (No 22-28-00991, <https://rscf.ru/project/22-28-00991/>).

For citation: Rozhkova, A. V. Structure and plot-building, compositional and rhetorical functions of interrogative and exclamation sentences in Ivan Dmitriev's fairy tales. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(6):115–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.948

REFERENCES

1. Vasilyev, N. L., Zhatkin, D. N. Dictionary of the poetic language of I. I. Dmitriev: Monograph. Moscow, 2017. 128 p. (In Russ.)
2. Vinogradov, V. V. Some observations on the language and style of I. I. Dmitriev. *Vinogradov, V. V. Selected works. Language and style of Russian writers. From Karamzin to Gogol*. Moscow, 1990. P. 24–147. (In Russ.)
3. Dobritsyn, A. A. The plot origins of the four tales of I. I. Dmitriev. *LITERARY.RU*. Available at: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204026210&archive=1206184915> (accessed 16.06.2023). (In Russ.)
4. Kovtunova, I. I. Poetic syntax. Moscow, 1986. 206 p. (In Russ.)
5. Kul'sarina, I. G., Hisamova, G. G. The role of interrogative sentences in a poetic text. *Philology. Theory and Practice*. 2021;14(10):3040–3045. (In Russ.)
6. Lekant, P. A. Categories of rational and emotional in the Russian language and speech. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2012;5:44–48. (In Russ.)
7. Oparina, E. O. Emotional linguistic means in a literary text. *Social and Humanitarian Sciences. Russian and Foreign Literature. Series 6: Linguistics. Reference Journal*. 2021;4:190–199. (In Russ.)
8. Peskov, A. M. Poet Ivan Ivanovich Dmitriev. *Dmitriev, I. I. Written works*. Moscow, 1986. P. 5–20. (In Russ.)
9. Rozhkova, A. V. Interrogative and exclamatory sentences in the odes of Ivan Dmitriev: structural-typological and rhetorical aspects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(3):40–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.750 (In Russ.)
10. Rozhkova, A. V. One-part and two-part typology of interrogative sentences and their role in Ivan Dmitriev's poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;1(178):85–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.277 (In Russ.)
11. Sokolov, A. N. Poetic fairy tale (novella) in Russian literature. *Poetic fairy tale (novella) of the XVIII – early XIX centuries*. Leningrad, 1969. P. 5–42. (In Russ.)
12. Hazbulatova, T. A. Interrogative sentences in poetic speech (the study of Osip Mandelstam's lyric poetry). *Russian Language at School*. 2008;3:57–59. (In Russ.)
13. Hazbulatova, T. A. “And where, when it's nowhere outside the songs?” (Lyrical questions of Boris Pasternak). *Russian Speech*. 2011;4:19–24. (In Russ.)
14. Shtulajterova, A. Exclamation mark – stylistic and psychological signal in literary style. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017;2:218–224.

Received: 18 July 2023; accepted: 3 August 2023

EDN: ORMGPU

ТРЕТЬИ ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ: ИТОГИ РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Научный форум, посвященный творческому наследию лингвиста с мировым именем Ф. Ф. Фортунатова, в третий раз прошел в г. Петрозаводске (первые и вторые чтения состоялись в 2018 и 2021 годах). В научном форуме 5–7 июня 2023 года, уже получившем широкую известность в России и за ее пределами, приняли участие всемирно известные специалисты в области истории русского и зарубежного языкознания, грамматики, сопоставительной и типологической лингвистики, диалектологии, лингвопоэтики, стилистики из ведущих академических учреждений и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Велико-го Новгорода, Воронежа, Волгограда, Донецка, Калининграда, Костромы, Нижнего Новгорода, Смоленска, Рязани, Чебоксар, ближнего и дальнего зарубежья – Приднестровской Молдавской Республики, Азербайджана, Республики Молдова, Венгрии и Китая.

Организаторами форума выступили Петрозаводский государственный университет, Институт языкознания РАН (Москва), Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва), Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Европейский открытый научно-образовательный консорциум (СЕОНОК), Российское общество «Знание», Ассоциация преподавателей русского языка и литературы высшей школы (Руслитвуз).

Пленарное заседание открыл академик В. М. Алпатов (Институт языкознания РАН), посвятивший свой доклад сходствам и различиям главных школ в истории русского языкознания и уделивший пристальное внимание характеристике Московской школы Ф. Ф. Фортунатова, с ее особым интересом к форме слова, морфологической типологии, сравнительной фонетике и грамматике индоевропейских языков. С опорой на архивные источники профессор О. В. Никитин (Государственный университет просвещения, Москва) осветил особенности представления лекций Ф. Ф. Фортунатова по сравнительному языковедению в записях его ученика Д. Н. Ушакова. О. А. Волошина (Университет МГУ-ППИ, Шэнь-

чжэнь, Китай) проанализировала терминологический спектр фортунатовской концепции сравнительной фонетики и грамматики, сопоставив его с метаязыком современной науки о языке (по данным лингвистических словарей). Е. М. Лазуткина (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН), посвятившая свой доклад актуальным проблемам синтаксических исследований, рассматриваемым в аспекте штудий Фортунатова и его учеников, подчеркнула особый интерес главы Московской лингвистической школы начала XX века к отражению в языке мыслительного процесса, а следовательно, к концептологическим, когнитивным исследованиям, в том числе на уровне «словосочетания» – предложения. Докладчики из Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо (Бельцы, Республика Молдова) Е. В. Сирота и Л. В. Парахонько размышляли о насущных задачах грамматического и сопоставительно-типологического анализа в тесной связи с фортунатовскими идеями в области морфологии. М. Ю. Федосюк, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, в докладе «Место грамматических значений в теориях Ф. Ф. Фортунатова о грамматических формах слов и А. А. Потемни о внутренней форме слова» поделился своими идеями, касающимися истории категории рода и поисков этимона, мотивирующего родовую отнесенность имени существительного. В. С. Храковский (ИЛИ РАН) представил сущностные характеристики и примеры выражения в конструкциях обусловленности фонового таксиса, расширяющие наше представление об относительном времени в русском предложении. Типологии инфинитивных клауз посвятил свой доклад М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена; ИЛИ РАН). Т. В. Шмелева (НГУ имени Ярослава Мудрого) выступила с докладом «Выход в пространство дискурсии как актуальный тренд синтаксических исследований». Е. В. Рахилина (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, НИУ ВШЭ, Москва) рассказала о некоторых механизмах области фразообразования на материале литературных памятников русского языка XIX века. С. Т. Золян (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград) предложил анализ метафорического и метонимического

употребления местоимения Я в художественном и нехудожественном дискурсах. О судьбе терминологической дихотомии «словообразование vs словоизменение» в послефортунатовскую эпоху рассказал участникам конференции С. А. Крылов (Институт востоковедения РАН, Москва).

Значительная часть докладов пленарного заседания 5 июня была посвящена проблемам изучения лексической системы русского и других языков мира. Профессор В. М. Мокиенко (СПбГУ) представил опыт лексикографирования фразеологических неологизмов XX века; известный автор лексикографических трудов в области русской паремииологии М. Л. Ковшова (Институт языкознания РАН) проанализировала использование терминов заместительного родства в русских загадках, пословицах и идиомах; Л. Л. Шестакова (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН), руководитель научного коллектива создателей «Словаря языка русской поэзии XX века», поделилась опытом составления системы грамматических помет в авторском словаре тезаурусного типа. Новой иноязычной лексике в русском и венгерском языках XIX века (на материале словарей 1865 года А. Д. Михельсона и Кальмана Бабоша) посвятили свой доклад С. Янурик (Будапештский университет им. Лоранда Этвеша) и И. Б. Дягилева (ИЛИ РАН). Большой интерес участников пленарного заседания вызвали доклады к 150-летию Д. Н. Ушакова: «К проблеме соотношения принципов историзма и нормативности в русской толковой лексикогра-

фии: исторический аспект (А. А. Шахматов vs. Д. Н. Ушаков)» М. Н. Приемьшевой (ИЛИ РАН) и «Динамический аспект описания фразеологической системы в “Толковом словаре русского языка” под редакцией Д. Н. Ушакова» Е. В. Генераловой (СПбГУ).

На секционных заседаниях, посвященных «Дню русского языка», прозвучали доклады об истории грамматических и лексических феноменов на материале памятников XVII–XVIII веков и новейших явлениях русской речи (секция «Русский язык в его развитии и функционировании»), проблемах анализа диалектной системы (секция «Диалектология и ареальная лингвистика») и разных стилевых сфер русского языка в широкой диахронической перспективе (секция «Историческая стилистика, лингвопоэтика, медиалингвистика»), сопоставительно-типологической лингвистике (секция «Сравнительное и типологическое языкознание»).

6 июня участники конференции посетили недавно возведенный мемориал на могиле академика Ф. Ф. Фортунатова в карельской деревне Косалма и Сектор редкой книги Научной библиотеки ПетрГУ.

Статьи, написанные по материалам прозвучавших на конференции пленарных и секционных докладов, будут опубликованы в особом разделе ближайших номеров «Ученых записок Петрозаводского государственного университета» и сборнике трудов, который готовится в издательстве ПетрГУ.

*Н. В. Патроева,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
Петрозаводский государственный университет
nvpatr@list.ru*

Scientific information

Natalia V. Patroeva, Dr. Sc. (Philology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
nvpatr@list.ru

**THE THIRD FORTUNATOV READINGS IN KARELIA:
RESULTS OF THE INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE**

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Karpenko L. B.</i> THE EVANGELICAL ORIGINS OF THE SLAVONIC WRITTEN TRADITION 8</p> <p><i>Kostiuchuk L. Ya.</i> IMPLEMENTATION OF BORIS LARIN'S CONCEPT OF THE SPOKEN EVERYDAY RUSSIAN LANGUAGE IN THE PAST AND THE PRESENT 16</p> <p><i>Chekina A. A.</i> STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF ONE RITUAL ETIQUETTE FORMULA OF FOLK SPEECH IN THE SITUATION OF WEAVING. 23</p> <p>THEORETICAL, APPLIED AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Tislenkova I. A.</i> ACCENTUATION IN THE STRUCTURE OF COMMUNICATIVE DEMONSTRATIVENESS 29</p> <p>NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES</p> <p><i>Bratchikova N. S.</i> YRJÖ HEILALA'S COMEDY <i>THE MEETING OF BAKERS</i>: DOMESTICATION STRATEGY IN THE TRANSLATION OF DRAMATIC TEXT. 35</p> <p><i>Arkipova I. V.</i> GERMAN AFFIXAL DEVERBATIVES AND THEIR TAXIS FUNCTIONS. 45</p> <p><i>Galiullina O. R.</i> PRAGMALINGUISTIC ASPECTS OF NEGATIVE EVALUATION IN ENGLISH-LANGUAGE ON-LINE MOVIE REVIEWS. 51</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Arzamazov A. A.</i> ETHNOPOETIC WORLD OF ZOYA DUDINA. 58</p>	<p><i>Kazakova M. V., Balandin D. Yu.</i> BILINGUAL WORKS OF NIKOLAI ABRAMOV: FEATURES OF SELF-TRANSLATION 65</p> <p><i>Kamitova A. V.</i> POEMS BY VLADIMIR ODOEVSKY AND LEV MODZALEVSKY IN UDMURT TEXTBOOKS OF THE SECOND HALF OF THE XIX AND THE EARLY XX CENTURIES 72</p> <p>FOLKLORISTICS</p> <p><i>Shchukina U. O.</i> WEDDING CEREMONY AT VERKHNYAYA UFTYUGA IN THE EARLY XX CENTURY 79</p> <p>THIRD FORTUNATOV READINGS IN KARELIA</p> <p><i>Alpatov V. M.</i> SCHOOLS OF RUSSIAN LINGUISTICS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES 94</p> <p><i>Molkov G. A.</i> MARINE TERMS IN UNPUBLISHED MID-EIGHTEENTH-CENTURY WORKS OF ADMIRAL SEMYON MORDVINOV 101</p> <p><i>Petrova Z. Yu., Fateeva N. A.</i> FIGURATIVE POTENTIAL OF THE WORD <i>LANGUAGE</i> IN RUSSIAN POETRY: CONSTRUCTIONS OF PERSONIFICATION 108</p> <p><i>Rozchkova A. V.</i> STRUCTURE AND PLOT-BUILDING, COMPOSITIONAL AND RHETORICAL FUNCTIONS OF INTERROGATIVE AND EXCLAMATION SENTENCES IN IVAN DMITRIEV'S FAIRY TALES 115</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Patroeva N. V.</i> The Third Fortunatov Readings in Karelia: results of the international research conference. 122</p>
---	---

Глеб Маркелов, Флорентина Панченко

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УБРАНСТВО ПОМОРСКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГ XVIII – XIX ВВ.

Издание посвящено художественной орнаментике рукописных книг – малоизученному аспекту истории книгопечатания, в частности рукописям, создававшимся на протяжении XVIII–XIX вв. в Выголексинском старообрядческом поморском общезжителстве. В альбоме воспроизведены около 800 образцов виртуозного книжного убранства, хранящихся в фондах Древлехранилища Пушкинского Дома, собранных в экспедициях по Русскому Северу. Материалы альбома подвергнуты исследованию и каталогизации, объяснено происхождение и выявлены источники рукописного орнамента, создан подробный справочный аппарат.

Издание адресовано искусствоведам, историкам, музейным и архивным работникам и всем интересующимся традиционным искусством России.

Маркелов Г. В., Панченко Ф. В. Художественное убранство поморских рукописных книг XVIII – XIX вв. По материалам Пушкинского Дома. Исследование, каталог, альбом. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2022. 96 + 256 с.

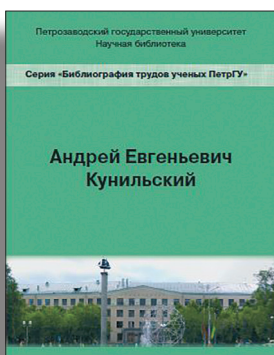

КАТЕГОРИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ: АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В сборнике представлены материалы докладов международной научной конференции «Категория языка и мышления: аспекты современной интерпретации», состоявшейся 8–10 сентября 2022 года в Петрозаводском государственном университете. Участники конференции обсуждали проблемы лингвистической типологии, сравнительного языковедения, морфологии и синтаксиса, словообразования, лексикологии и лексикографии, теории письма и фонологии, исторической стилистики, методики преподавания русского языка.

Издание будет полезным языковедам, преподавателям высшей школы, учителям-словесникам, аспирантам и студентам-филологам.

Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации : сборник научных статей / [сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 163 с.

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ

В библиографическом указателе представлен перечень научных работ известного ученого, исследователя жизни и творчества Ф. М. Достоевского, профессора, доктора филологических наук Андрея Евгеньевича Кунильского, опубликованных с 1981 по 2023 год.

Издание содержит хронологический перечень трудов, именной указатель, алфавитный указатель заглавий трудов, указатель редакторских работ.

Андрей Евгеньевич Кунильский : библиографический указатель / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т ; ред.-библиогр.: Т. П. Немцева (сост. и отв. ред.), К. С. Ицкарь, Е. А. Лексунова ; авт. вступ. ст. Б. Н. Тихомиров ; авт. фот.: О. В. Черняков. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 53 с.

Э. И. Цыпкин, А. А. Гусарова

СТРАНОВЕДЕНИЕ ГЕРМАНИИ: КУЛЬТУРА И ОБЫЧАИ

Настоящее пособие содержит материалы по темам: народные праздники, немецкая кухня, культура и СМИ, немецкий калейдоскоп.

Предназначено для студентов университетов / институтов иностранных языков и гуманитарных факультетов университетов, преподавателей немецкого языка, обучающихся старших классов общобразовательных учреждений.

Цыпкин, Эрнест Иосифович. Страноведение Германии: культура и обычаи : учебное пособие для студентов, изучающих немецкий язык как второй иностранный / Э. И. Цыпкин, А. А. Гусарова ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2023. – 1 CD-ROM.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004